

Ненюль

18+

ДЖЕЙ КРИСТОФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

Хроники Неночи

Джей Кристофф

Неночь

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31 (94)
ББК 84(8Авс)-44

Кристофф Д.

Неночь / Д. Кристофф — «Издательство АСТ»,
2016 — (Хроники Неночи)

ISBN 978-5-17-111528-9

В стране, где светят три солнца и ночь никогда не наступает, юная Мия Корвере приходит в школу ассасинов, чтобы стать убийцей и отомстить тем, кто уничтожил её семью. Мия лишилась родных после того, как ее отец пытался поднять восстание и потерпел неудачу. Оставшись в одиночестве, без поддержки друзей, она пряталась в городе, построенном из костей мертвого бога. Ее преследовали Сенат и бывшие товарищи отца. Однако у девушки есть редкий дар и он открыл для нее двери в будущее, о котором она не могла и помыслить.

УДК 821.111-31 (94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-111528-9

© Кристофф Д., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Caveat Emptor[1]	6
Книга 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	63
Глава 8	72
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Джей Кристофф

Неночь

*Моим сестрам,
свету и тьме и всему прекрасному между ними*

*Без света не увидишь тень,
Ночь всегда сменяет день,
Между черным и белым
Есть серый.
Древняя ашкахская мудрость*

Caveat Emptor¹

Люди часто обдываются, когда умирают.

Их мышцы ослабевают, души вырываются на свободу, ну а все остальное... просто выходит наружу. Несмотря на ярое пристрастие зрителей к смерти, драматурги редко об этом упоминают. Когда герой делает последний вдох в объятиях героини, никто не привлекает ваше внимание к пятну, расцветающему на его рейтузах, или к слезящимся от смрада глазам дамы, когда та наклоняется для прощального поцелуя.

О, мои дорогие друзья, я упоминаю об этом, чтобы предупредить – ваш рассказчик не обладает подобной сдержанностью. А если от суровых подробностей реального кровопролития вас выворачивает наизнанку, примите к сведению, что страницы в ваших руках повествуют о девушке, которая дирижирует убийством, как маэстро – оркестром. О девушке, которая разделалась с «долго и счастливо», как пила – с кожей.

Сама она уже мертва – слова, ради которых грешники и праведники отдали бы последнюю, лишь бы их услышать. Республика пошла прахом. От ее руки рухнул на дно Город мостов и костей. Тем не менее, уверен, она все равно нашла бы способ убить меня, если бы знала, что я вывел эти слова на бумаге. Вскрыла и оставила бы на съедение изголодавшейся Тьме. Но мне кажется, что кто-то должен хотя бы попытаться отделить ее образ от лжи, которую о ней сочиняют. Отделить через нее саму. Ею самой.

Кто-то, кто знал ее настоящую.

Некоторые называли ее Бледная Дочь. Или Царетворец. Или Ворона. Но в большинстве случаев не называли никак. Убийца убийц, чей настоящий послужной список знаем только мы с богиней. Почитают или порочат ее имя в конечном итоге? После всех тех смертей? Признаться, я никогда не видел разницы. С другой стороны, я никогда не смотрел на жизнь так, как вы.

Всегда был не от мира сего.

Как и она, если уж говорить начистоту.

Наверное, за это я ее и любил.

¹ В переводе с латыни «Качество на риск покупателя» (прим. пер.).

Книга 1

Когда всё – кровь

Глава 1

Первые разы

Юноша был невероятно красивым.

Гладкая карамельная кожа; сладкая, как падевый мед, улыбка. Очаровательные непослушные черные кудри. Сильные руки и крепкие мышцы, а глаза – о, Дочери, его глаза... Глубиной в пять тысяч морских сажений. Даже утопая в них, было невозможно сдержать улыбку.

Его губы, теплые и мягкие, коснулись ее. Пара стояла в обнимку на Мосту Шепотов, горизонт заливался фиолетовым румянцем. Его руки гладили ее по спине, и кожу будто покалывало от разрядов тока. Легкое, как перышко, прикосновение языка вызвало у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Они отстранились друг от друга, как танцоры перед тем, как замолкнет музыка, но струны их тел продолжали вибрировать. Она открыла глаза в надежде встретить в тусклом свете его взгляд. Под ними рокотали воды канала, бесстрастным потоком ускользая в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Надеюсь, что не утонет.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела узнать. Хоть этим девушка могла себя потешить.

– Ты уверена? – спросил юноша.

Она взглянула ему в глаза. И прошептала:

– Уверена.

Мужчина был невероятно противным.

Пигментные пятна на коже, как при туберозном склерозе, щетинистый подбородок, затерявшийся в жировых складках. Блеск слюны на губах, поцелуй виски, расцветающий на щеках и носу, а глаза – о, Дочери, его глаза... Голубые, как опаленное солнцами небо. Мерцающие, как звезды в ясную истинотьму.

Он прильнул к кружке, допивая остатки под громкую музыку и смех окружающих. Еще с пару минут покачался посреди таверны, затем кинул монету на барную стойку из железного дерева и поплелся наружу. Его взгляд, помутневший от выпитого, блуждал по булыжной мостовой. Улицы наполнялись людьми, но он шел напролом, стремясь поскорее добраться до дома, чтобы уснуть без сновидений. Мужчина не поднимал головы. И не заметил силуэт, оседлавший на противоположной крыше каменную горгулью в мраморно-белом и гранитно-сером одеянии.

Девушка наблюдала, как он ковыляет по Мосту Братьев. Приподняла маску арлекина, чтобы затянуться сигариллой, и пряный дым закружился в воздухе. Улыбка, обнажившая гнилые зубы, и грубые, как бечевка, руки мужчины вызвали у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела, чтобы он узнал. Хоть этим девушка могла его потешить.

Рядом на крыше сидела тень, принявшая форму кота. Плоская, как бумага, полупрозрачная и черная, как смерть. Его хвост слишком по-хозяйски обвился вокруг лодыжки девушки. По жилам города текли прохладные воды и впадали в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Снова надеюсь, что не утонет.

– ...Ты уверена?... – спросила тень-кот.

Она смотрела, как ее цель плетется, мечтая о постели.
Медленно кивнула.
И прошептала:
– Уверена.

Маленькая, скудно обставленная комната, большее ей не по карману. Но девушка украсила розовыми свечами и водяными лилиями чистую белую простынь – уголки которой, словно в знак приглашения, были загнуты, – и юноша улыбнулся, глядя на всю эту сахарную, сладостную обстановку.

Подойдя к окну, она посмотрела на старый величественный город – Годсгрейв². На белый мрамор, охристый кирпич и изящные ипсилы, целующие опаленное небо. Ребра на севере поднимались на сотни футов к румянному небесному своду; крошечные окна зияли в домах, высеченных из древней кости. Из впадины Хребта бежали каналы, их узоры обвивали городскую плоть, как паутины обезумевших пауков. Поперек людных тротуаров раскинулись длинные тени от тускнеющего света второго солнца – первое давно уже скрылось из виду, – оставляя третьего угрюмого красного брата стоять на страже и следить за всеми опасностями неночи.*

*Ах, если бы только сейчас была истинотьма.
Тогда бы он ее не видел.*

Девушка не хотела, чтобы он наблюдал за ней во время процесса.

Юноша бесшумно подошел к ней сзади, обдав запахом пота и табака. Скользнул руками по талии и изгибам бедер, рисуя кончиками пальцев то ледяные, то пламенные дорожки. Ее дыхание участилось, и где-то глубоко она ощутила нарастающее покалывание. Ресницы затрепетали, как крылья бабочки, пока его руки ласкали живот, танцевали по ребрам, выше и выше, поднимаясь к набухшей груди. Он легонько дунул ей на макушку, и по коже побежали мурашки. Девушка выгнула спину, прижимаясь к его затвердевшей плоти, и запустила пальцы в концы взъерошенных волос. Она не могла дышать. Не могла говорить. Не хотела, чтобы это начиналось или кончалось.

Она повернулась, выдохнула, когда их губы соприкоснулись, и завозилась с запонками на мятых рукавах юноши, превращаясь в комок из пальцев, пота и дрожи. Обнажившись до пояса и стянув с него рубашку, она припала к юноше губами и начала опускаться на кровать. Теперь они только вдвоем. Плоть к плоти. Их стоны сливались.

Желание стало невыносимым, пропитывая ее насквозь. Руки с трепетом изучали его гладкую кожу на широкой груди, танцевали вдоль четкой V-образной линии, спускающейся к поясу брюк. Девушка скользнула пальцами вниз и коснулась источника пульсирующего жара – твердого, как сталь. Ужасающего. Умопомрачительного. Юноша застонал, дрожа как новорожденный жеребенок, пока она ласкала его, выдыхая ему в рот.

Она никогда так не боялась.

Ни разу за шестнадцать лет жизни.

– Трахни меня, – прошептала девушка.

Комната была роскошной, такая по карману только богачам. Но на комод стояли пустые бутылки, а на тумбочке – цветы, увядшие от застоявшегося запаха страданий. Девушка нашла в этом утешение: мужчина, которого она ненавидела, был совершенно одинок, несмотря на всю свою обеспеченность. Она наблюдала через окно, как он вешает сюртук, накидывает потрепанную треуголку на пустой графин. И пыталась убедить себя, что может это сделать. Что она твердая и острая, как сталь.

² В переводе с английского «могила богов» (прим. пер.).

Сидя на крыше напротив его окна, девушка опустила взгляд на Годсгрейв – на окровавленные булыжники мостовой, тайные проулки и высокие соборы из сверкающей кости. Ребра пронзали небо над ее головой, извилистые каналы вытекали из кривого Хребта. Поперек людных тротуаров раскинулись длинные тени от тускнеющего света второго солнца – первое давно уже скрылось из виду, – оставляя третьего угрюмого красного брата стоять на страже и следить за всеми опасностями неночи.

Ах, если бы только сейчас была истинотьма.

Тогда бы он ее не видел.

Девушка не хотела, чтобы он наблюдал за ней во время процесса.

Взмахнув ловкими пальчиками, она притянула к себе тени. Сплетала и скручивала тонкие черные нити, пока те не упали каскадом с плеч, как плащ. Девушка исчезла из виду, стала почти прозрачной, словно она пятно на портрете городского горизонта. Она спрыгнула с крыши на стену его дома, зацепившись руками за подоконник, подтянулась и забралась на выступ. Быстро открыла окно и скользнула в комнату, бесшумная, как кот из теней, следующий по пятам. Когда она достала из-за пояса стилет, ее дыхание участилось, и где-то глубоко она ощутила нарастающее покалывание. Незаметно пригнувшись в углу, с трепещущими, как крылья бабочки, ресницами, она наблюдала, как мужчина дрожащими руками наливает себе воды в стакан.

Она дышала чересчур громко, все уроки смешались в голове. Но он был слишком пьян, чтобы заметить ее, потерявшись в воспоминаниях о хрусте тысяч вытянутых шей, топоте тысяч пар ног, выплясывающих под мелодию висельника. Ее костяшки побелели на рукоятке кинжала. Она не могла дышать. Не могла говорить. Не хотела, чтобы это начиналось или кончалось.

Вздохнув и сделав глоток, мужчина завозился с запонками на мятых рукавах, превращаясь в комок из пальцев, пота и дрожи. Стянув рубашку, заковылял по половицам и опустился на кровать. Теперь они только вдвоем, вдох к вдоху. Их выдохи сливались.

Время тянулось невыносимо долго, пот пропитал ее насквозь в трепещущей тьме. Девушка вспомнила, кто она, чего ее лишил этот мужчина, что произойдет, если она не успеет. Набравшись храбрости, откинула плащ из теней и вышла к нему.

Он ахнул, вздрогнув, как новорожденный жеребенок, когда увидел ее в красном солнечном свете, в улыбающейся маске арлекина, скрывающей лицо.

Она никогда никого не видела таким напуганным.

Ни разу за шестнадцать лет жизни.

– Чтоб меня... – прошептал мужчина.

Он запрыгнул на нее и спустил штаны до щиколоток. Он ласкал ее шею губами, и сердце девушки едва не выпрыгивало из груди. И спустя чуть ли не вечность, затерявшуюся между похотью и страхом, любовью и ненавистью, она почувствовала его между своих ног; он был такой горячий и поразительно твердый. Девушка втянула воздух, возможно, желая заговорить (но что тут скажешь?), и тогда пришла боль – боль, о, Дочери, до чего же больно! Он был внутри нее – ОН был внутри, – такой твердый и настоящий, и она не смогла сдержать короткого вскрика, но быстро закусила губу, чтобы не дать вырваться следующему.

Юноша был безрассуден, беспечен, он придавливали девушку своим весом, пронзая ее снова и снова. Совсем не как в ее милых фантазиях об этом моменте. Ее бедра раздвинулись шире, желудок скрутило. Она отчаянно забила ногами о матрас, желая, чтобы юноша остановился. Подождал.

Неужели такими и должны быть ощущения?

Неужели все так и должно происходить?

Если позже все пойдет наперекосяк, это будет ее последняя неночь в этом мире. Она знала, что первый раз обычно наихудший. Девушка думала, что готова; достаточно податливая, достаточно влажная, достаточно жаждущая. Что с ней не произойдет то, о чем шептались другие девчонки на улицах, хихикая и обмениваясь знающими взглядами.

«Закрой глаза, – советовали они. – Все быстро закончится».

Но юноша был невыносимо тяжелым, а крики все рвались наружу, наряду с сожалением, что все происходит именно так. Девушка мечтала об этом, надеялась на что-то особенное. Но сейчас, оказавшись в таком положении, она подумала, что это нескладное, неуклюжее занятие. Никакого волшебства, фейерверков или моря блаженства. Просто тяжесть парня на ее теле – и боль от его движений. Ее глаза оставались закрытыми, пока она ахала, кривилась и ждала, когда же он закончит.

Он приник к ее губам, погладил по щеке. И в эту секунду она мельком ощутила внутри сладостное покалывание, несмотря на неловкость, одышку и боль. Девушка поцеловала его в ответ, и в ней зародилось пламя, наводняя и наполняя ее тело, в то время как мышцы юноши напряглись. Он зарылся лицом в ее волосы и, сотрясаясь всем телом, пережил свою маленькую смерть, наконец-то опадая на девушку – мягкий, влажный и бескостный.

Она сделала глубокий вдох. Облизнула губы, соленые от его пота. Выдохнула.

Юноша перевалился с нее на кровать, сминая простыни рядом. Она потрогала себя между ноющих ног, обнаружив что-то влажное. Оно на ее пальцах и бедрах. На чистой белой простыне, уголки которой, словно в знак приглашения, были загнуты.

Кровь.

– Почему ты не сказала, что это твой первый раз? – спросил он.

Она промолчала. Уставилась на алый блеск на кончиках своих пальцев.

– Прости, – прошептал он.

Тогда девушка посмотрела на него.

И быстро отвернулась.

– Тебе не за что извиняться.

Она запрыгнула на него и прижала коленями. Его рука – на ее запястье, ее стилет – у его шеи. И спустя чуть ли не вечность, затерявшуюся между борьбой и шипением, укусами и мольбами, кинжал, такой острый и поразительно твердый, наконец вошел в плоть, проткнув насквозь его шею и задев позвоночник. Мужчина втянул воздух, возможно, желая заговорить (но что тут скажешь?), и она увидела в его глазах боль – боль, о, Дочери, до чего же ему больно! Лезвие было внутри него – ОНА была внутри, – пронзая всей мощью, пока мужчина пытался вскрикнуть, но рука девушки заглушала поток его воплей.

Мужчина в смертельном ужасе начал царапать ее маску, пока девушка проворачивала кинжал. Совсем не как в ее жутких фантазиях об этом моменте. Его бедра раздвинулись, из шеи хлынула кровь. Он забил ногами о матрас, желая, чтобы она остановилась. Подождала.

Неужели такими и должны быть ощущения?

Неужели все так и должно происходить?

Если все пойдет наперекосяк, это будет ее последняя неночь в этом мире. Она знала, что первый раз обычно наихудший. Девушка думала, что не готова; недостаточно сильная, недостаточно жестокая. Думала, что подбадривания старика Меркурио не помогут в ее случае.

«Не забывай дышать, – советовал он. – Все быстро закончится».

Мужчина брыкался, но она крепко его держала, всерьез задумавшись, будет ли так всегда. Девушка представляла себе этот момент как некое злодеяние. Просто жертва, которую он должен принести, и нечем тут наслаждаться. Но сейчас, оказавшись в таком положении, она подумала, что это прекрасное искусство, почти балет. Его спина выгнулась. Глаза наполнились страхом, когда руки сорвали с ее лица маску. Блеснув лезвием, она снова пронзила мужчину

кинжалом, зажав ему рот рукой, кивая и успокаивая чуть ли не материнским голосом в ожидании, когда же все закончится.

Он царапал ей щеку, комната наполнилась вонью от его дыхания и дерьма. И в эту секунду она мельком ощутила, как ужас порождает сострадание, несмотря на то, что мужчина заслуживал такой смерти и еще сотни других. Вытащив стилет, она снова погрузила лезвие в его грудь и почувствовала что-то горячее на своих руках, вытекающее и заливающее все вокруг, в то время как мышцы мужчины напряглись. Он вцепился в ее ладони и вдохнул в последний раз перед смертью, после чего сднулся под весом девушки – мягкий, влажный и бескостный.

Она сделала глубокий вдох. Слизнула что-то соленое с губ. Выдохнула.

Затем скатилась с него, сминая простыни под собой. Коснувшись лица, обнаружила что-то теплое и влажное. Оно на ее руках и губах.

Кровь.

– *Услышь меня, Ная, – прошептала она. – Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твоё вино. Эта жизнь, её конец – мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.*

Кот из теней наблюдал со своего места в изголовье кровати. Наблюдал так, как может только незрячий. Не произнося ни звука.

Да это было и не нужно.

Тусклый солнечный свет блестел на ее коже. Черные, как вороново крыло, волосы намокли от пота и лезли в глаза. Она надела кожаные брюки, натянула через голову грапитно-серую рубашку, обулась в сапоги из волчьей шкуры. Измученная. Запятнанная. Но все равно радостная. Чуть ли не довольная.

– *Комната оплачена на всю ночь, – сказала девушка. – Если она тебе нужна.*

Красавец наблюдал за ней с кровати, подперев рукой голову.

– *А деньги?*

Она кивнула на мешочек рядом с зеркалом.

– *Ты моложе, чем мои обычные клиентки. Мне редко попадаются девственницы.*

Девушка посмотрела на свое отражение: бледная кожа, темные глаза. Выглядит моложе своих лет. И хотя свидетельство об обратном подсыхало на ее коже, какое-то мгновение ей не верилось, что она уже не просто девчонка. Не просто кто-то слабый и напуганный, кто-то, кого не смогли закалить даже шестнадцать лет в этом городе.

Она заправила рубашку в брюки. Проверила, на месте ли маска арлекина, спрятанная в плаще. На месте ли стилет на ремне. Блестящий и острый.

Скоро палач покинет таверну.

– *Мне пора, – сказала она.*

– *Можно спросить, ми донна?*

– *Ну спрашивай...*

– *Почему я? Почему сейчас?*

– *Почему бы и нет?*

– *Это не ответ.*

– *Думаешь, мне стоило поберечь себя, не так ли? Что я – какой-то подарок, который отдали не в те руки? И теперь навсегда испортили?*

Юноша ничего не ответил, просто смотрел на нее своими бездонными глазами. Красивый, как картинка. Девушка достала сигариллу из серебряного портсигара. Прикурила ее от одной из свечек. И затянулась.

– *Я просто хотела узнать, каково это, – наконец произнесла она. – На случай, если умру. Девушка пожала плечами и выдохнула дым.*

– *Теперь знаю.*

И скрылась в тенях.

Тусклый солнечный свет блестел на ее коже. Гранитно-серый плащ ниспадал с плеч, в его тени она пряталась от беспощадного света. Она стояла под мраморной аркой на площади Нищего Короля; безликое третье солнце маячило в небе. Воспоминание о кончине палача подсыхало вместе с пятнами крови на ее руках. Воспоминание о губах красавца подсыхало вместе с пятнами на ее брюках. Измученная. Уставшая. Но все равно радостная. Чуть ли не довольная.

– Значит, не сдохла.

Старик Меркурио наблюдал за ней с другой стороны арки: треуголка надвинута на лоб, между губ зажата сигарилла. Почему-то он выглядел теперь не так внушительно. Худее. Старее.

– Но не потому, что бездельничала, – ответила девушка.

Затем она взглянула на него: грязные руки, мутные глаза. Стар не по годам. И хотя свидетельство об обратном подсыхало на ее коже, какое-то мгновение ей не верилось, что она уже не просто девчонка. Не просто кто-то слабый и напуганный, кто-то, кого не смогли закалить даже шесть лет под его опекой.

– Мы не скоро увидимся, не так ли? – спросила она. – Возможно, никогда.

– Ты об этом знала. Это твой выбор.

– Не уверена, что у меня когда-нибудь был выбор.

Она раскрыла кулак, и на ладони показался мешочек из овечьей шкуры. Старик взял подношение и пересчитал содержимое мешочка пальцем, испачканным в чернилах. Постукивающие. Окровавленные. Двадцать семь зубов.

– Похоже, палач потерял парочку прежде, чем я успела до него добраться, – пояснила она.

– Они поймут, – Меркурио подбросил мешочек и вернул его девушке. – Будь на причале семнадцать к шестому удару часов. Двеймерская бригантина под названием «Кавалер Трелен». Это нейтральный корабль, и он не ходит под итрейским флагом. На нем и уплывешь.

– Но без тебя.

– Я хорошо тебя обучил. Дальше сама. Пересеки порог Красной Церкви до первой перемены Септимия, или не пересечешь никогда.

– Я понимаю...

В его слезящихся глазах мелькнуло что-то похожее на доброту.

– Ты лучшая ученица, которую я когда-либо отправлял на службу Матери. Расправь там свои крылья и лети. И мы еще встретимся.

Она достала из-за пояса стилет и, склонив голову, положила его на предплечье. Клинок был изготовлен из могильной кости, белоснежной и твердой, как сталь, рукоятка вырезана в форме вороны в полете. Глаза птицы цвета красного янтаря блеснули в лучах солнца.

– Оставь себе, – шмыгнул старик. – Он снова твой. Ты наконец-то его заслужила.

Она осмотрела стилет с разных сторон.

– Может, дать ему имя?

– Можно, наверное. Не вижу в этом смысла, но, на худой конец...

– Конец вот здесь, – она коснулась кончика лезвия. – Им убивают людей.

– О, браво. Смотри не порежься о свое остроумие.

– У всех великих клинков есть имена. Это традиция.

– Херня, – Меркурио забрал у нее кинжал и поднял его перед собой. – Имена для клинков и прочая ерунда – это удел героев, девочка. Людей, о которых слагают песни, ради которых меняют историю, в честь которых называют своих отпрысков. Для нас с тобой подготовлена темная дорожка. Если правильно по ней станцуешь, никто никогда не узнает твоего имени, не говоря уже об имени свинорезки за твоим поясом. Ты будешь слухом. Шепотом. Мыслью, от которой все ублюдки этого мира будут просыпаться по неночам в холодном поту. Кем ты точно никогда не станешь, девочка, так это чьим-то героем.

Меркурио вернул ей стилет.

– Но ты станешь *той*, кого герои будут бояться.

Она улыбнулась. Неожиданной и очень грустной улыбкой. Замешкалась на пару секунд. Подалась вперед. И ласково поцеловала наждачные щеки.
– Я буду скучать, – сказала она.
И скрылась в тенях.

Глава 2

Музыка

Небо плакало.

Или ей так казалось. Девочка понимала, что вода, льющаяся из угольно-темного пятна сверху, это дождь, – ей совсем недавно исполнилось десять, но она достаточно большая, чтобы знать такие вещи. И все же ей нравилось думать, что эти слезы проливает лицо из сахарной ваты. Они такие холодные в сравнении с ее собственными. Не соленые, не щиплют. Но да, небо определенно плакало.

А что еще ему делать в такой день?

Она стояла на Хребте над Форумом, под ногами блестела могильная кость, волосы разметал холодный ветер. На площади внизу собирались люди, горланили, размахивали кулаками. Они негодовали, стоя напротив эшафота в центре Форума, и девочка задумалась: если его перевернут, разрешат ли осужденным пойти домой?

О, как это было бы чудесно!

Она никогда не видела столько народу. Мужчины и женщины разного роста и телосложения, дети немногим старше нее. На них была безобразная одежда, и их завывания пугали девочку. Она крепко ухватила за мамину руку.

Та, казалось, не заметила. Ее взгляд был устремлен на эшафот, как и у всех остальных. Но мама не плевала в сторону мужчин, стоящих перед петлями, не кидалась гнилой едой и не цедила «предатели» сквозь стиснутые зубы. Донна Корвере просто стояла в своем черном платье, намокнув от небесных слез, как статуя над пока еще пустой могилой.

Пока. Но это ненадолго.

Девочке хотелось спросить, почему мама не плачет. Она не знала значения слова «предатель», так что хотела спросить и о нем. Но каким-то образом она понимала, что здесь нет места для слов. Поэтому молчала.

Наблюдала за происходящим.

На эшафоте внизу стояли шестеро мужчин. Один в капюшоне палача – черном, как истинотьма. Другой в мантии священника – белой, как перья голубки. Четверо остальных замерли со связанными руками и мятешом в глазах. Но когда мужчина в капюшоне надел каждому на шею петлю, девочка увидела, как непокорность покидает их лица, постепенно становящиеся бескровными. В последующие годы ей не раз говорили, каким храбрым был ее отец. Но в тот день, глядя на него, стоящего в конце ряда, она знала, что он боялся.

Девочка всего десяти лет отроду уже знала цвет страха.

Священник вышел вперед и постучал посохом по подмосткам. Его борода напоминала изгородь, а плечи были, как у быка. Мужчина больше походил на разбойника, который убил старца и украл его одежду, чем на святого человека. Три солнца, висевшие на цепи вокруг его шеи, пытались блестеть, но тучи в плачущем небе не оставляли им ни малейшего шанса.

Его голос был сладким, темным и вязким, как ирис. Но вещал он о преступлениях против Итрейской республики. О предательстве и измене. Преподобный разбойник призвал Свет быть свидетелем (будто у Него был выбор) и назвал каждого мужчину по имени.

Сенатор Клавдий Валенте.

Сенатор Марконий Албари.

Генерал Гай Максиний Антоний.

Судья Дарий Корвере.

Имя ее отца прозвучало как последняя нота самой грустной песни, которую она когда-либо слышала. Глаза наполнились слезами, размывая мир в бесформенное пятно. Каким же крошечным и бледным он казался в этом воющем море. До чего одиноким. Она вспомнила,

каким он был еще совсем недавно: высоким, гордым и – о, до чего сильным! Его доспехи из могильной кости сияли белее зимы, плащ разливался алой рекой за спиной. От уголков ясных голубых глаз разбегались морщинки, когда он улыбался.

Доспехи и плащ исчезли, теперь их сменили грязные мешковатые тряпки, а синяки по всему лицу были размером со спелые фиолетовые сливы. Правый глаз заплыл, второй смотрел в землю. Как же ей хотелось, чтобы папа взглянул на нее! Чтобы он вернулся домой.

– Предатель! – орала толпа. – Пусть станицует!

Девочка не понимала, что они имеют в виду. Она не слышала никакой музыки³.

Преподобный разбойник поднял взгляд на зубчатые стены, на костеродных и политиков, собравшихся наверху. Казалось, на представление явился весь Сенат – почти сотня мужчин в мантиях с фиолетовой оторочкой безжалостно смотрели на эшафот.

Справа от Сената стояла группа людей в белых доспехах и кроваво-алых плащах. Обнаженные мечи в их руках были объаты рябящим пламенем. Их звали люминатами – это девочка хорошо знала. Они были папиными братьями по оружию до «предавания» – это, как она полагала, и делали предатели.

Как же тут шумно!

Среди сенаторов стоял красивый темноволосый мужчина с пронзительными черными глазами. Его роскошная мантия была окрашена в темно-лиловый цвет – одеяние консула. И девочка знала – о, она так мало знала, но, по крайней мере, она знала, что это человек, занимающий высокое положение. Выше священников, солдат или толпы, требующей танца, хотя не было никакой музыки. Она полагала, что если он прикажет, народ отпустит ее отца. Если он прикажет, Хребет расколется, а Ребра разотрут в пыль, и сам Аа, Бог Света, закроет все три своих глаза и окунет этот ужасный парад в блаженную тьму.

Консул выступил вперед. Толпа внизу затихла. И когда красивый мужчина заговорил, девочка сжала руку матери с такой надеждой, которая присуща только детям.

– Здесь, в городе Годсгрейв, в свете Всевидящего Аа и по единогласному решению итрейского Сената, я, консул Юлий Скаева, провозглашаю обвиняемых виновными в организации восстания против нашей великой республики. Граждан, предавших Итрею, ждет лишь один приговор. Лишь одно наказание для тех, кто хочет, чтобы наша великая нация вновь изнывала под игом царей...

Она задержала дыхание.

Сердце затрепетало.

– ...смерть.

Рев. Он нахлынул на девочку как ливень. Она перевела взгляд своих круглых глазенок с красивого консула на преподобного разбойника, а затем на маму – мамочка, любимая, пусть они прекратят! – но мама смотрела только на мужчину внизу. Лишь подрагивающая нижняя губа выдавала ее боль. И тогда девочка не выдержала – внутри нее с рокотом нарастал крик и наконец сорвался с губ:

– Нет! Нет! Нет!

И тени по всему Форуму вздрогнули от ее ярости. Чернота под ногами каждого мужчины, каждой служанки и каждого ребенка; темнота, отбрасываемая светом скрытых солнц, какой бы прозрачной и слабой она ни была, – не сомневайтесь, о дорогие друзья. Эти тени затрепетали.

Но никто не заметил. Всем было плевать⁴.

³ Она пока не научилась слушать. Мало кто из людей умеет это делать.

⁴ Что-то заметило. Чему-то было не плевать.

Донна Корвере, не отводя взгляда от мужа, взяла дочь за плечи и прижала к себе. Одна рука на груди. Другая на шее. Она держала ее так крепко, что девочка не могла пошевелиться. Не могла повернуться. Не могла дышать.

Вы наверняка представляете себе эту картину: мать, прижимающая лицо дочери к своей юбке. Ощетинившаяся волчица, ограждающая своего детеныша от зрелища убийства, происходящего внизу. Вам простительны эти фантазии. Но вы ошибаетесь. Потому что донна прижимала дочь к себе спиной, заставляя смотреть вперед. Вперед, чтобы та запомнила все происходящее. Проглотила каждый кусочек этого горького блюда. Каждую крошку.

Девочка наблюдала, как палач одну за другой проверяет петли. Затем ковыляет к рычагу на краю эшафота и приподнимает капюшон, чтобы сплунуть. Она успела увидеть его лицо – желтая кожа, седая щетина, заячья губа. Что-то внутри нее кричало: «Не смотри! Не смотри!», и она закрыла глаза. Тогда хватка матери стала крепче, ее шепот резал острее бритвы:

– Никогда не отводи взгляд, – выдохнула она. – Никогда не бойся.

Слова эхом отдавались в груди девочки. В самом глубоком, самом потаенном месте, где теплится надежда, которой дышат дети и потерю которой оплакивают взрослые, когда она чахнет и умирает, затем развеиваясь по ветру, как пепел.

Она открыла глаза.

И тут он поднял голову. Ее папа. Всего лишь мимолетный взгляд сквозь завесу дождя. В последующие неночи она часто гадала, о чем он думал в тот момент. Но не было таких слов, которые могли бы преодолеть эту шипящую завесу. Только слезы. Только плачущие небеса. Палач дернул за рычаг, и пол провалился. К своему ужасу, девочка наконец поняла. Наконец ее услышала.

Музыку.

Панихиду беснующейся толпы. Резкий, как удар хлыста, скрип натянутой веревки. Бульканье, издаваемое лишенными воздуха мужчинами, перебиваемое аплодисментами преподобного разбойника, красивого консула и прогнившего, неправильного мира. И под нарастание этой чудовищной мелодии, с пунцовым лицом и дергающимися ногами, ее отец затанцевал.

Папочка...

– Никогда не отводи взгляд, – жестоко зашептали ей на ухо. – Никогда не бойся. И никогда, никогда не забывай.

Девочка медленно кивнула.

Выдохнула остатки надежды.

И стала смотреть, как умирает ее отец.

Она стояла на палубе «Кавалера Трелен» и наблюдала, как Годсгрейв становится все меньше и меньше. Столичные мосты и соборы исчезали вдаль, пока не остались одни лишь Ребра: шестнадцать костяных арок, поднимающихся на сотни футов в небо. Но минуты перетекали в часы, и даже эти титанические шпиль в конце концов скрылись за горизонтом и исчезли в дымке⁵.

Ее руки упирались в побелевшие от соли перила, под ногтями засыхала кровь. На ремне – стилет из могильной кости, в мешке – зубы палача. В темных глазах отражалось капризное красное солнце, отсвет его младшего голубого брата все еще подрагивал в западных небесах.

⁵ Ребра, пожалуй, самое впечатляющее достояние итрейской столицы; шестнадцать гигантских окостеневших башен, свержающих в сердце Города мостов и костей. Поговаривают, что Ребра принадлежали последнему титану, свергнутому богом Света Аа в войне за господство над небесами Итреи. Аа приказал своим верноподданным построить храм на том месте, куда упал титан, тем самым ознаменовав свою победу. Таким образом, семена величественного города были посажены в могилу последнего врага Света. Забавная штука, дорогие друзья, но ни в одной священной летописи или книге вы не найдете упоминания имени этого титана...

Кот из теней был все так же с нею. Распластывался темной лужицей у ее ног, пока в нем не нуждались. Там, видите ли, прохладнее. Кто-то смекалистый мог бы заметить, что тень девушки на порядок темнее остальных. Кто-то смекалистый мог бы заметить, что она достаточно черная для двоих.

К счастью, на борту «Кавалера» смекалистые почти не водились.

Девушка не была красавицей. О, в сказках, которые вы слышали об убийце, разрушившей Итрейскую республику, ее красота, несомненно, описывалась не иначе как сверхъестественная: молочно-белая кожа, стройная фигурка да губки бантиком. Она действительно обладала этими чертами, но в целом образ выходил... немного искаженным. В конце концов, «молочно-белая» – просто красивый синоним к «нездоровой». «Стройная» – поэтическое описание «истощенной».

У нее были бледная кожа и впалые щеки, из-за которых девушка выглядела голодной и болезненной. Иссиня-черные волосы, ниспадавшие до ребер, криво обрезанная челка. Губы потрескавшиеся, под глазами синяки, нос был сломан как минимум раз.

Будь ее лицо пазлом, многие спрятали бы его обратно в коробку.

Кроме того, она была низенькой. Тощей, как жердь. Задницы едва хватало на то, чтобы штанам было на чем держаться. Явно не та красавица, ради которой любовники готовы отдать жизнь, армии – выступить в поход, а герои – истребить бога или демона. Полная противоположность тому, что вам рассказывали поэты, верно? Но она не была лишена обаяния, дорогие друзья. А поэты ваши – врут, как срут.

«Кавалер Трелен» – это двухмачтовая бригаantina, управляемая моряками с Двеймерских островов. Их шеи украшали ожерелья из зубов драка в знак уважения к своей богине Трелен⁶. Покоренные Итрейской республикой в прошлом веке, двеймерцы были темнокожими и высокими – среднестатистический итреец доставал им по грудь. Легенда гласила, что они произошли от дочерей великанов, поддавшихся обаянию сладкоречивых мужчин, но логика этой легенды не выдерживает никакой критики⁷. Проще говоря, людьми они были крупными, как быки, и крепкими, как гробовые гвозди, а склонность украшать лица татуировками из чернил левиафана не способствовала тому, чтобы производить на людей хорошее первое впечатление.

Если отбросить устрашающую внешность, двеймерцы относились к своим пассажирам не столько как к гостям, сколько как к священным подопечным. Посему, несмотря на присутствие на корабле шестнадцатилетней девушки – путешествующей в одиночестве и вооруженной одной лишь заточенной могильной костью, – большинство матросов и не думали создавать ей проблем. К сожалению, не все новобранцы на борту «Кавалера» были родом из Двейма. И одному из них эта одинокая девушка показалась стоящей добычей.

По правде говоря, всегда, если только не искать полного одиночества – а в некоторых печальных случаях даже тогда, – можно рассчитывать на встречу с компанией дураков.

Парень явно был тем еще повесой. Итрейский самец с гладкой грудью и достаточно очаровательной улыбкой, чтобы оставить несколько зарубок на изголовье кровати. Его фетровую шляпу украшало павлинье перо. До высадки на ашкахские берега оставалось семь недель, а для некоторых семь недель, с одной лишь рукой в помощь, это слишком долго. Парень облокотился на перила рядом с девушкой и обольстительно улыбнулся.

– А ты красотка, – сказал он⁸.

Она смерила его взглядом, а затем вновь обратила взор угольно-черных глаз на море.

– Вы мне не интересны, сэр.

⁶ Леди Океанов, третья дочь Света и Пасти, Та-Кто-Изопьет-Мир.

⁷ К примеру, это же насколько нужно быть в стельку, чтобы посчитать ухаживание за великаншей разумной идеей? Более того, как в состоянии опьянения можно безопасно орудовать своими причиндалами, не говоря уже о необходимости стрелянки?

⁸ Несомненно, тот еще поэт.

– Ой, да ладно, не будь такой серьезной, милая. Я всего лишь пытаюсь быть дружелюбным.

– Благодарю, сэр, но у меня хватает друзей. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

– А мне ты показалась довольно одинокой, милочка.

Он протянул руку и притворно-ласковым жестом убрал волосы с ее щеки. Девушка повернулась. Шагнула ближе с улыбкой, которая, откровенно говоря, была ее главным достоинством. И, заговорив, достала стилет и прижала его к причине почти всех мужских бед; ее улыбка становилась все шире, глаза округлялись все больше.

– Еще раз прикоснетесь ко мне, сэр, и я скормлю ваши бубенцы гребаным дракам.

Девушка надавила сильнее на самое сердце его проблем – которые, без сомнений, испарились за эти пару секунд, – и Павлин взвизгнул. Поблуднев, он отошел, пока никто из друзей не заметил его оплошности. А затем, изобразив лучший поклон из своего арсенала, ретировался, чтобы убедить себя, что рука, в конце концов, не такой уж и плохой вариант.

Девушка повернулась обратно к морю. Спрятала кинжал за ремень.

Как я и говорил, она не была лишена обаяния.

Пытаясь больше не привлекать внимания, она держалась обособленно, выходя только чтобы поесть или подышать свежим воздухом в глухую неночь. Ей нравилось коротать время на гамаке за чтением фолиантов, подаренных стариком Меркурио. Девушка напряженно вчитывалась в ашкахские письма, но кот из теней помогал ей с самыми трудными отрывками – свернувшись клубком в ее волосах и наблюдая из-за плеча, как она изучает «Аркимические истины» Гипации и иссушенный том «Теорий Пасти» Плиенеса⁹.

Сейчас она сидела над «Теориями», озабоченно сдвинув брови.

– ...*Попытайся еще раз...* – прошептал кот.

Девушка потеряла виски и скривилась.

– У меня уже голова болит от этих текстов.

– ...*О-о, бедное дитя, может, поцеловать тебя в лобик, чтобы головка перестала бобо?..*

– Детский лепет. Этому учат любого мелкого головастика!

– ... Эти тексты писались не для итрейцев...

Она вновь вернулась к паучьим письмам. Прочистив горло, зачитала:

– Небо над Итрейской республикой освещается тремя солнцами – их принято считать глазами Аа, бога Света. Неслучайно немые зачастую именуют Аа «Всевидящим».

Она вздернула бровь и покосилась на кота из теней.

– Я часто моюсь.

– ...*Плиенес был ханжой...*

– Ты хочешь сказать, придурком?

– ...*Продолжай...*

Вздых.

– Самое большое из трех солнц – неистовый красный шар, именуемый Сааном – «Провидцем». Шатаясь по небесным просторам, как разбойник, которому нечем заняться, Саан парит в вышине около ста недель подряд. Второму солнцу дали имя Саай – «Знаток». Маленький голубой приятель восходит и заходит быстрее своего брата...

⁹ В мире их осталось всего шесть. Плиенес и все известные экземпляры его работ были сожжены в XXVII в. Р.Р. в пожаре, одно время именуемом «Ярчайший свет». Устроенный великим кардиналом Крассом Альваро, костер уничтожил более четырех тысяч «провокационных» работ и итрейским духовенством был признан громким успехом – пока сын Красса, кардинал Лео Альваро, не подметил, что во всем мироздании нет света ярче, чем у самого бога Света, и что называть так любой рукотворный костер, по сути, ересь. После того, как великого кардинала Крассо Альваро распяли, великий кардинал Альваро II постановил, что во всех дальнейших текстах костер должен именоваться не иначе как «Яркий свет».

– ...Родича... – исправил кот. – ...У существительных в древнеашихском нет родовой принадлежности...

– ...быстрее своего *родича*, и его визиты длятся около четырнадцати недель подряд, поскольку основную часть времени он проводит за горизонтом. Третье солнце – Шиих. «Наблюдатель». Бледно-желтый гигант бродит по небесам почти так же долго, как и Саан.

– ...Очень хорошо...

– Между периодами неустанного блуждания солнц итрейцы познают и настоящую ночь – которую называют «истинотьма», – но лишь на короткий промежуток каждые два с половиной года. Все остальные вечера – вечера, проводимые в тоске по темноте, в которой можно пить со своими товарищами, заниматься любовью с возлюбленными...

Девушка ненадолго замолчала.

– Что значит «ошк»? Меркурио не учил меня этому слову.

– ...Неудивительно...

– Значит, это как-то связано с сексом.

Кот перебрался на другое плечо, не потревожив ни единого ее волоска.

– ...Это значит «заниматься любовью, когда любви нет»...

– Ясно, – девушка кивнула, – ...заниматься любовью с возлюбленными и *трахать* шлюх (или же наоборот) – они должны терпеть непрерывный свет так называемой *неночи*, освещаемой одним или многими глазами Аа в небесах. Почти три года без настоящей темноты.

Девушка шумно захлопнула книгу.

– ...Замечательно...

– Голова раскалывается.

– ...Ашихские тексты писались не для слабых умов...

– Вот спасибо!

– ...Я не это имел в виду...

– Даже не сомневаюсь, – она встала, потянулась и потеряла глаза. – Давай подышим свежим воздухом.

– ...Ты же знаешь, что я не дышу...

– Я подышу. Ты посмотришь.

– ...Как угодно...

Парочка поднялась на палубу. Ее шаги – не громче шепота, а движения кота и вовсе бесшумны. Ревущий ветер знаменовал перемену к *неночи* – воспоминание о голубом Саае медленно тускнело на горизонте, оставляя лишь Саана отбрасывать свой угрюмый красный свет.

Палуба «Кавалера» была почти пустой. За штурвалом стоял громадный криворожий рулевой, на «вороньем гнезде» – двое дозорных. Молоденький юнга (все равно на голову выше девушки) дремал, опершись на ручку швабры и мечтая об объятиях горничной. Корабль плыл по Морю Мечей уже пятнадцать перемен, к югу от судна тянулся кривоватый берег Лииза. Девушка увидела вдали другой корабль, размытый силуэт в свете Саана. Тяжелый линкор плыл под тремя солнцами итрейского флота, рассекая волны, как кинжал из могильной кости – глотку старого палача.

Кровавая гибель, которой она одарила мужчину, тяжким грузом давила на грудь. Тяжелее, чем воспоминание о гладкой твердости красавчика, о его поте, оставленном на ее коже. Хоть этот молодой саженец расцветет в убийцу, которую справедливо будут бояться другие убийцы, сейчас она была всего лишь ростком, и воспоминания о лице палача, когда она перерезала ему горло, вызывали... противоречивые чувства. Не слишком приятное зрелище – наблюдать, как человек ускользает из потенциальной жизни в окончательную смерть. Но совсем другое дело – быть тем, кто подтолкнул его к этому. Несмотря на уроки Меркурио, она все еще была шестнадцатилетней девушкой, свершившей свое первое убийство.

Во всяком случае, первое преднамеренное.

– Ну здравствуй, милочка.

Голос вывел ее из раздумий, и девушка обругала себя за неосмотрительность. Чему учил ее Меркурио? «Никогда не становись спиной к комнате». Можно, конечно, возразить, что недавнее кровопролитие представляло собой достойное отвлечение и что палуба корабля не «комната», но в ее ушах все равно прозвучал ответный удар ивового прута старого ассасина.

«Два подъема по ступенькам! – рявкнул бы он. – Туда и обратно!»

Она повернулась и увидела юного матроса с павлиньим пером на фетровой шляпе и соблазнительной улыбкой. Рядом с ним стоял еще один мужчина – широкий, как мост, рукава рубашки безобразно плотно облегали крупные мышцы, напоминая плохо скроенные мешки, набитые грецкими орехами. С виду похож на итрейца – загорелый, голубоглазый, во взгляде – отпечаток тусклого блеска улиц Годсгрейва.

– Я надеялся, что мы еще встретимся, – сказал Павлин.

– Судно не настолько большое, чтобы надеяться на обратное, сэр.

– Сэр, значит? Когда мы беседовали в последний раз, ты грозила лишить меня самого драгоценного и скормить рыбам.

Она исподлобья посмотрела на мужчину. На мешок с грецкими орехами.

– Не грозила, сэр.

– То бишь это было обычное бахвальство? Пустая болтовня, за которую, держу пари, причитается извинение.

– И вы примете мои извинения, сэр?

– В каюте – несомненно.

Ее тень пошла рябью, как воды мельничного пруда, поцелованные дождем. Но Павлин был слишком поглощен своим негодованием, а отморозок с орехами вместо мозгов – мыслями о том, как он сделает девушке восхитительно больно, если останется с ней на пару минут в каюте без окон.

– Вы же понимаете, что мне достаточно просто закричать? – спросила она.

– И как долго, по-твоему, ты сможешь кричать, – Павлин улыбнулся, – прежде чем мы скинем твою тощую задницу за борт?

Она покосилась на капитанскую палубу. На «воронье гнездо». Падение в океан равносильно смертному приговору – даже если «Кавалер» развернется, она плавает немногим лучше якоря, а Море Мечей кишит драками, как прибрежные бордели – шлюхами.

– Это и криком будет сложно назвать, – согласилась девушка.

– ...*Прошу прощения, дорогие друзья...*

Головорезы начали оглядываться в поисках источника голоса – они не слышали, чтобы к ним кто-то подходил. Оба повернули головы, Павлин весь надулся и нахмурился, чтобы скрыть свой испуг. И там, на палубе позади них, они увидели кота из теней, облизывающего себе лапу.

Он был тонким, как старый пергамент. Силуэт, вырезанный из ленты мрака, недостаточно плотный, чтобы не видеть палубу сквозь него. Голос звучал как шорох атласной простыни на прохладной коже.

– ...*Боюсь, вы пригласили на танец не ту девушку...*

По ним прошла зябкая дрожь – легкая, как шепот. Какое-то движение привлекло внимание Павлина, и он с нарастающим ужасом осознал, что тень девушки гораздо крупнее, чем должна или чем могла бы быть. Что еще хуже, она шевелилась.

Павлин открыл рот, и в этот момент девушка познакомила свой ботинок с пахом его подельника – удар был достаточно сильным, чтобы покалечить его нерожденных отпрысков. Когда отморозок согнулся пополам, она схватила его за руку и скинула через перила в море. Затем подошла к Павлину сзади, и тот выругался, с удивлением обнаружив, что не может сдвинуться с места – словно его ботинки приросли к тени девушки. Она ударила его в спину, и

он рухнул, стукнувшись лицом о перила так сильно, что его нос размазался по щекам, как кроваво-ягодное повидло. Девушка перевернула парня, приставила нож к горлу и прижала к перилам, заставив выгнуть спину дугой.

– Прошу прощения, мисс, – он тяжело дышал. – Клянусь Аа, я не хотел вас обидеть.

– Как вас зовут, сэр?

– Максиний, – прошептал парень. – Максиний, если вам угодно.

– Вы знаете, кто я, Максиний-Если-Вам-Угодно?

– Д-да...

Голос парня дрожал. Его взгляд скользнул по шевелящимся под ее ногами теням.

– Даркин.

В следующее мгновение перед глазами Павлина пронеслась вся его жалкая жизнь. Ошибки и правильные поступки. Неудачи, победы и все, что было между ними. Девушка почувствовала знакомую тяжесть в груди – вспышку грусти. Кот, который не был котом, взгромоздился на ее плечо, точно как на кровать палача, когда она дарила того Пасти. И хотя у него не было глаз, она знала, что он завороченно наблюдал за жизнью в зрачках Павлина, как ребенок за кукольным представлением.

Вы поймите – она могла пощадить этого парня. И на данном этапе ваш рассказчик мог бы с легкостью соврать – шарлатанская уловка, чтобы выставить нашу «героиню» в выгодном свете¹⁰. Но правда заключается в том, дорогие друзья, что она его не пощадила. Тем не менее, возможно, вас утешит тот факт, что она, по крайней мере, выдержала паузу. Не для того, чтобы позлорадствовать. Не для того, чтобы насладиться моментом.

Чтобы помолиться.

– *Услышь меня, Ная*, – прошептала девушка. – *Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твое вино. Эта жизнь, ее конец – мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.*

Легкий толчок, и мужчина полетел в бурные волны. Когда павлинье перо скрылось под поверхностью воды, девушка закричала, соревнуясь с завывающим ветром, громко, как демоны в Пасти: «Человек за бортом! Человек за бортом!» Вскоре забили все колокола. Но к тому времени как «Кавалер» развернулся, среди волн не осталось и следа Павлина или мешка с орехами.

И, вот так просто, послушной список нашей девицы увеличился втрое.

Пара камешков в обвал.

Капитаном «Кавалера» был двоемерец по имени Волкоед – двухметровый громила с темными дредами. Как любой хороший капитан, он, по понятным причинам, был удручен столь ранней высадкой членов своего экипажа и активно пытался выяснить, как и почему это произошло. Но поднявшая тревогу хрупкая бледная девушка, явившись на допрос в его каюту, бормотала лишь о ссоре между итрейцами, которая закончилась потасовкой и руганью, а затем падением моряков за борт в морскую пучину. Версия, что два морских пса – даже итрейские дураки – ввязались в драку и упали в воду, казалась маловероятной. Но еще менее вероятным казалось предположение, что эта девчонка в одиночку одолела обоих мужчин, отправив их к Трелен.

Капитан возвышался над ней – этой беспризорницей в сером и белом, окутанной запахом жженной гвоздики. Он не знал ни кто она, ни почему плыла в Ашках. Но, приставив к губам трубку из кости драка и ударив по кремневому коробку, чтобы поджечь смолу, мужчина взглянул на палубу. На тень, свернувшуюся у ног этой странной девочки.

¹⁰ Она была самым опасным ассасином во всей Итрее, убийцей легионов, Леди Клинков, разрушительницей республики, но смотрите, в ней было и что-то доброе! Милосердие – даже для насильников и варваров. О, да разыграют громко скри-и-ипки!

– Лучше держитесь от всех подальше до конца путешествия, барышня, – он выдохнул во мрак между ними. – Я распорядюсь, чтобы вам приносили еду прямо в каюту.

Девушка всмотрелась в него черными, как Пасть, очами. Глянула на свою тень, достаточно темную для двоих. И согласилась с предложением Волкоеда, одарив его сладкой, как падевый мед, улыбкой.

В конце концов, капитаны, как правило, умные ребята.

Глава 3

Безнадежность

Что-то последовало за ней с того места. Места над музыкой, где умер ее отец. Нечто голодное. Слепое, истощенное сознание, мечтающее о плечах, увенчанных полупрозрачными крыльями. И о той, кто их подарит.

Девочка свернулась калачиком на пышной кровати в спальне матери, ее щеки намокли от слез. Рядом лежал ее брат, укутанный в пеленки, моргая круглыми черными глазенками. Кроха ничего не смыслил в происходящем вокруг. Он был слишком мал, чтобы осознавать, что умер его отец, а вместе с ним и весь мир.

Девочка ему завидовала.

Их дом находился на верхушке полости второго Ребра; в стенах древней могильной кости были вырезаны живописные фриззы. Выглянув в окно с мозаикой, девочка увидела третье и пятое Ребра напротив, нависающие в сотнях футов над Хребтом. Ветры неночи завывали над окаменевшими баинями, принося с собой прохладу от вод залива.

Роскошная обстановка распласталась теперь на полу – кучки красного бархата, произведения искусства со всех четырех уголков Итрейской республики. Механическая движущаяся скульптура из Железной Коллегии. Гобелены с миллионом стежков, сотканные слепыми про-роками из Ваана. Люстра из чистого двумерского хрусталя. Слуги двигались словно в буре из шуршащих платьев и высыхающих слез, а управляла всем донна Корвере, приказывая им шевелиться, шевелиться, ради Аа, шевелиться быстрее!

Девочка села на кровати рядом с братом. К ее груди прижимался черный кот и тихо мурчал. Вдруг он весь подобрался и зашипел, увидев глубокую тень под занавесями. В руку девочки впились когти, и она отбросила кота под ноги приближающейся служанке, которая с громким воплем упала. Рассвирепевшая донна Корвере, сохраняя царственную осанку, повернулась к дочери.

– Мия Корвере, убери это мерзкое животное, чтобы оно не мешалось под ногами, или мы оставим его тут!

И, вот так просто, мы узнали ее имя.

Мия.

– Капитан Лужица совсем не грязный, – пробормотала Мия себе под нос¹¹.

В комнату вошел юноша с покрасневшим от быстрого подъема по лестнице лицом. На его камзоле был вышит герб семьи Корвере: на фоне красного неба – черная ворона в полете, а под ней – скрещенные мечи.

– Простите, ми донна. Но консул Скаева потребовал...

Его оборвали чьи-то грузные шаги. Дверь распахнулась, и комната наполнилась людьми в белоснежных доспехах и шлемах с алыми плюмажами; как вы, наверное, помните, их звали люминатами. Они напомнили маленькой Мие об отце. Их предводителем был самый крупный мужчина, которого она когда-либо видела, – подстриженная борода обрамляла волчьи черты лица, во взгляде мелькала звериная хитрость.

Среди люминатов стоял красивый консул с черными глазами и лиловой мантией – мужчина, который произнес «...смерть» и улыбнулся, когда пол ушел из-под ног ее отца. Слуги быстро разбежались по углам, бросив мать Миш в этом море снега и крови. Высокую, прекрасную и до крайности одинокую.

Девочка вскочила с кровати и прильнула к матери, хватая ее за ладонь.

¹¹ Кота, как вы наверняка догадались, прозвали так за его любовь справлять нужду в неподобающих местах: имя, которое едва стерпела ее мать и которое было встречено бурным восторгом со стороны ее любимого скончавшегося отца.

– Донна Корвере, – консул прижал к сердцу руку, украшенную кольцами. – Примите мои соболезнования в это тяжкое время. Пусть Всевидящий всегда освещает вас Светом.

– Ваши великодушные не знают границ, консул Скаева. Да благословит вас Аа за вашу доброту.

– Я искренне опечален, ми донна. Ваш Дарий доблестно служил республике до того, как сбился с истинного пути. Публичная казнь никогда не бывает приятной. Но что еще можете делать с генералом, который выступил против собственной столицы? Или с судьей, короновавшим этого генерала?

Консул окинул взглядом комнату, посмотрел на слуг, сундуки, беспорядок.

– Вы нас покидаете?

– Я хочу похоронить мужа в Вороньем Гнезде, в его фамильном склепе.

– Вы спросили разрешения у судьи Рема?

– Поздравляю нашего нового судью с повышением, – донна Корвере бросила взгляд на мужчину с волчьим лицом. – Ему идет плащ моего мужа. Но зачем мне просить у него разрешения на отъезд?

– Нет, ми донна, разрешение нужно не для того, чтобы покинуть город. А чтобы похоронить вашего Дария. Не уверен, что судья Рем захочет, чтобы в его подвале гнил труп предателя.

Лицо донны помрачнело, едва она осознала услышанное.

– Вы не посмеете...

– Я? – консул поднял точеную бровь. – Это желание Сената, донна Корвере. Судью Рема наградили владениями вашего покойного мужа за то, что он раскрыл его отвратительный заговор против республики. Любой честный гражданин посчитал бы это достойной платой.

В глазах донны сверкнула угроза. Она посмотрела на жмущихся к стене слуг.

– Оставьте нас.

Служанки спешно покинули комнату. Покосившись на люминатов, донна Корвере направила свой пронзительный взгляд на консула. Мие показалось, что тот заколебался, но в конце концов кивнул мужчине с волчьими чертами.

– Подождите меня снаружи, судья.

Здоровенный люминат глянул на донну. На ее дочь. Крупные руки, которые могли бы целиком обхватить ее голову, сжались в кулаки. Девочка отважно посмотрела ему в глаза.

Никогда не отводи взгляд. Никогда не бойся.

– Люминус инвикта, консул. – Рем кивнул своим людям, и, когда они удалились, синхронно стуча тяжелыми ботинками, в комнате остались только трое¹².

Голос донны Корвере пронзал, как заточенный нож – переспелый фрукт.

– Чего ты хочешь, Юлий?

– Ты прекрасно знаешь, Алинне. Я хочу получить то, что мое по праву.

– Ты уже имеешь все, что хотел. Свою ничтожную победу. Свою драгоценную республику. Полагаю, это греет тебя по ночам.

Консул Юлий посмотрел на Мию, его улыбка стала темной, как синяк.

– Хочешь знать, что греет меня по ночам, малыша?

– Не смотри на нее. Не говори с...

Голова донны дернулась от пощечины, темные волосы взметнулись рваными лентами. Не успела Мия моргнуть, как ее мать достала из рукава длинный кинжал из могильной кости, рукоятка которого была сделана в форме вороны с глазами из красного янтаря. Быстрая, как

¹² Капитан Лужица сидел под кроватью и облизывал свою пыльную лапку. Вышеупомянутое нечто все так же скрывалось за занавесками.

ртуть, донна прижала кинжал к горлу консула; красный след от его руки на ее лице изменил очертания, когда она зарычала:

– Прикоснешься ко мне еще раз, и я перережу тебе гребаную глотку, сукин сын!

Скаева даже не дрогнула.

– Можно вытащить девушку из грязи, но не грязь из девушки, – он сверкнул идеальными зубами и покосился на Мию. – Ты знаешь, какую цену заплатят твои близкие, если воспользуешься этим клинком. Твои политические союзники тебя бросили. Ромеро. Юлиан. Граций. Даже сам Флоренти сбежал из Годсгрейва. Ты совсем одна, красавица моя.

– Я не твоя...

Скаева отбросил стилет, и тот проехался по полу к тени под занавесками. Мужчина шагнул ближе и прищурил глаза.

– Тебе стоило бы позавидовать своему дорогому Дарио, Алинне. Я проявил к нему милосердие. Для тебя не будет подарка в виде палача. Только темница в Философском Камне и мрак длиною в жизнь. И когда ты ослепнешь во мраке, милая Матушка Время заберет твою красоту, силу воли и глупую уверенность, что ты была чем-то большим, чем лиизианским дерьмом, разодетым в итрейские шелка.

Их губы почти соприкасались. Мужчина пристально всматривался в нее.

– Но я пощажу твою семью, Алинне. Если ты меня попросишь.

– Ей всего десять, Юлий. Ты не посмеешь...

– Неужели? Ты так хорошо меня знаешь?

Мия посмотрела на мать. В глазах той стояли слезы.

– Как ты там говорила, Алинне? «Не диш лус'а, лус диш'а»?

– ...Мама? – прошептала Мия.

– Всего одно слово, и твоя дочь будет в безопасности. Клянусь.

– Мама?

– Юлий...

– Да?

– Я...

В Ваане есть разновидность паукообразных, известных как пауки-источники.

Самки черные, как истинноночь, и обладают самым удивительным материнским инстинктом в животном мире. Оплодотворенная самка плетет кладовую, наполняет ее трупами и запечатывает себя внутри. Если гнездо загорится, она предпочтет умереть, чем бросить его. Если его захватит хищник, она погибнет, защищая свой выводок. И столь яростно ее нежелание покидать потомство, что, отложив яйца, она уже никуда не уходит, даже на охоту. Именно поэтому паучиха-источник может претендовать на титул самой свирепой матери в республике. Поскольку, поглотив все запасы своей кладовой, самка начинает поедать саму себя.

Одну лапку за раз.

Вырывая конечности из грудной клетки. Съедая лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы поддерживать свое бдение. Отищивая и разжевывая, пока не останется одна лишь лапка, цепляющаяся за шелковистую сокровищницу, набухающую под ней. И когда детки вылупляются, выбираясь из нитей, которые она с такой любовью плела вокруг них, то тут же отведывают свое первое блюдо.

Мать, породившую их на свет.

Скажу вам честно, дорогие друзья, во всей республике даже самый яростный паук-источник не идет ни в какое – повторяю, ни в какое – сравнение с Алинне Корвере.

Там, в комнате, где пространство резко сузилось и превратилось в круг, из которого нет выхода, Мия увидела, как мать сжала кулаки.

Гордость заставила ее крепко стиснуть зубы.

Гнев засиял в глазах.

– Пожалуйста, – наконец прошептала донна, словно ее обжигало само слово. – Пощади ее, Юлий.

Победная улыбка, яркая, как все три солнца. Красивый консул попятился, не сводя черных глаз с ее матери. Дойдя до двери, позвал своих людей; мантия клубилась вокруг его ног, словно дым. Без лишних слов люминаты промаршировали обратно в комнату. Мужчина с волчьим лицом оторвал Мию от юбки матери. Капитан Лужица зарычал в знак протеста. Мия крепко прижала его к груди, слезы обжигали глаза.

– Прекратите! Не трогайте мою маму!

– Донна Корвере, именем закона я заключаю вас в цепи за такие преступления, как измена и заговор против Итрейской республики. Вы поедете с нами в Философский Камень.

Вокруг запястий донны сомкнулись железные кандалы, они сжали ее руки так сильно, что женщина скривилась от боли. Мужчина с волчьим лицом повернулся к консулу и покосился на Мию с немым вопросом в глазах.

– Дети?

Консул глянул на мальчика Йоннена, завернутого в пеленки и лежавшего на кровати.

– Мальчик все еще кормится грудью. Он может сопровождать свою мать в Камень.

– А девочка?

– Ты обещал, Юлий! – донна Корвере пыталась вырваться из хватки люминатов. – Ты поклялся!

Скаева сделал вид, что не расслышал слов женщины. Он посмотрел на Мию, хныкающую в изголовье кровати. Капитан Лужица прижимался к ее узенькой груди.

– Девочка, мама когда-нибудь учила тебя плавать?

«Кавалер Трелен» высадил Мию на жалкий пирс, торчащий из нижней части разрушенного порта, известного как Последняя Надежда. Дома, как редкие зубы боксера, хаотично липли к краю океана; картину довершали каменная гарнизонная башня и окрестные фермы. Население состояло из рыбаков, фермеров и особенно глупых охотников за сокровищами, зарабатывавших на жизнь, копаясь в старинных ашкахских развалинах, а также более сообразительных ребят, которые мародерствовали у тел своих товарищей.

Шагнув на причал, Мия увидела трех сгорбленных рыбаков, примостившихся на молу с бутылкой зеленого имбирного вина и удочками. Мужчины жадно смотрели на нее, как личинки – на гнилое мясо. Девушка поочередно окинула их взглядом, пытаясь понять, пригласит ли ее кто-нибудь на танец¹³.

Волкоед и несколько членов экипажа спустились по трапу. Капитан заметил голодные взгляды рыбаков, направленные на девушку: шестнадцать лет, совсем одна, вооруженная лишь свинорезкой. Закинув ногу на один из причальных столбов, крупный двеймерец раскурил трубку и вытер пот с татуированной щеки.

– У маленьких пауков самый опасный яд, ребята, – предупредил он рыбаков.

Похоже, слова Волкоеда имели вес среди мерзавцев, поскольку они развернулись обратно к воде и, опершись о столбы, принялись о чем-то болтать.

Слегка разочарованная Мия протянула капитану руку.

– Благодарю вас за гостеприимство, сэр.

Волкоед уставился на ее ладонь и выдохнул облачко серого дыма.

– У людей не так уж много причин для поездки в старый Ашках, барышня. А таким девицам, как вы, и вовсе незачем плыть в эту глушь. Не хочу вас обидеть, но я не стану пожимать вам руку.

– И почему же, сэр?

¹³ К этому времени она уже научилась слушать музыку.

– Потому что я знаю имя того, кто коснулся ее первым. – Он опустил взгляд на тень девушки, перебирая ожерелье из зубов драка на шее. – Если у таких существ вообще есть имена. Но я чертовски хорошо знаю, что у них есть память, и не хочу, чтобы они запомнили меня.

Девушка ласково улыбнулась. Опустила руку на ремень.

– Да приглядывает за вами Трелен, капитан.

– Да пребудет синь над вашей головой и под вашими ногами, барышня.

Она развернулась и побрела по причалу, прикрывая рукой глаза от яркого солнца и пытаясь найти взглядом здание, о котором говорил Меркурио. Сердце выскакивало из груди. Вскоре она его увидела – побитое жизнью маленькое заведение у края воды. Скрипящая вывеска над дверью гласила: «Старый Имperiал». А объявление под грязным окном сообщало Мие, что «помощь» им, оказывается, «требуется».

Оно, конечно, походило на маленькую дыру для испражнений, но бывали заведения и похуже¹⁴. Если бы трактир был мужчиной и вы наткнулись бы на него за барной стойкой, вам было бы простительно предположение, что этот человек – после того, как с воодушевлением одобрил предложение жены пригласить другую женщину на их брачное ложе, – застал свою благоверную застилающей ему кровать в гостевой комнате.

Девушка подошла к барной стойке, стараясь держаться как можно ближе к стене. Внутри прятались от жары около десятка людей – несколько местных и кучка вооруженных расхитителей гробниц. Все в помещении замерли, разглядывая ее; если бы кто-то в эту секунду играл на старом клавесине в углу, то, несомненно, нажал бы не на ту клавишу, что придало бы сцене более драматический эффект, но, увы, этот зверь годами не издавал ни писка¹⁵.

Владелец «Имperiала» казался безобидным малым и выглядел даже немного не к месту в этом городе на краю бездны. У мужчины были близко посаженные глаза, от него разило гнилой рыбой, но, по крайней мере, – учитывая, какие истории Мия слышала об ашкахской Пустыне Шепота, – щупалец у него не наблюдалось. Облокотившись на стойку бара в своем запятнанном переднике (кровь?), он вытирал грязную чашку еще более грязной тряпкой. Мия заметила, что один его глаз двигался чуть быстрее другого, точно ребенок, ведущий своего медлительного братца за руку.

– Доброй перемены вам, сэр, – поздоровалась Мия, стараясь говорить уверенно. – Благослови вас Аа.

– Прибыла ш Волкоедом? – прошепелявил он.

– Верно подмечено, сэр.

– Плачу по четыре бедняка каждую неделю, но клиенты оштавлиают щедрые чаевые¹⁶. Двадцать прошентов от торговли идет мне напрямую. Вше, что мне нужно, это пример твоей работы. По рукам?

¹⁴ Эта сомнительная честь принадлежала «Одинокой Розе», борделю в порту Годстрейва, который часто посещали полонные сифилитики и недавно освобожденные каторжники. Управляла домом удовольствий ваанианка – она, окончательно спятившая из-за болезни, ласково называла свою промежность «конвейером сирот».

¹⁵ Единственным человеком в Последней Надежде, кто знал, как на нем играть, был местный расхититель гробниц по кличке Синий Пауло. Два лета тому назад его обнаружили повешенным на стропилах в своей комнате. Вопрос о том, было ли это самоубийством или выражением протеста другого местного жителя, который сильно недолюбливал клавесин, оставалось предметом многочисленных пересудов и не слишком старательного расследования в течение нескольких недель после смерти/убийства Пауло.

¹⁶ Монеты в республике были трех видов: наименее ценная – это медь, среднее дитя – железо, и самая дорогая – конечно же, золото. Золотые монеты так же редки, как приятный сборщик налогов, и большинство плебеев никогда их даже не видели. Первоначально итрейские монеты назывались суверенами, но из-за склонности итрейцев жестоко расправляться со своими правителями этот термин вышел из обихода десятки лет тому назад. Теперь медяки иногда называли «бедняками», а железные монеты – «священниками», так как обычно именно эти люди перебирали их в руках с наибольшим энтузиазмом. А вот для золотых монет не было общепринятого прозвища – люди, которые достаточно богаты, чтобы обладать ими, скорее всего, не из тех, кто любит давать деньгам клички. Или перебирать их в руках. Посему, справедливости ради, назовем их «золотыми

Улыбка Мии утащила улыбку владельца трактира за стойку и тихо ее задушила.
Та умерла почти беззвучно.

– Боюсь, вы меня неправильно поняли, сэр, – сказала девушка. – Я пришла не для того, чтобы устраиваться в ваше... – оглянувшись, – ...без сомнения, прекрасное заведение.

Мужчина шмыгнул носом.

– Жачем тогда пожаловала?

Она положила на стойку мешочек из овечьей шкуры. Сокровища внутри него заиграли звонкую мелодию, но звучали они отнюдь не как монеты. Если бы вы были дантистом, то догадались бы, что крошечный оркестр внутри мешочка состоял исключительно из человеческих зубов.

Она сделала паузу перед тем, как заговорить. Нужно было произнести слова, которые она так долго учила, что они начали ей сниться.

– Мое подношение для Пасти.

Мужчина посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Мия попыталась не выдать свой испуг и унять дрожь в руках. У нее ушло шесть лет, чтобы зайти так далеко. Шесть лет крыш, подворотен и бессонных неночей. Шесть лет пыльных фолиантов, кровоточащих пальцев и пагубного мрака. Наконец-то она стояла на пороге, всего в шаге от восхваляемых залов Красной...

– При чем тут Пашть? – моргнул владелец.

Мия стояла с каменным лицом, несмотря на жуткие кувырки, которые совершали ее внутренности. Обвела взглядом бар. Расхитители гробниц согнулись над картой. Группа местных зевак играла в «шлепок» заплесневелой колодой карт. Женщина в вуали и одеянии песочного цвета рисовала узоры на столе чем-то похожим на кровь.

– Пасть, – повторила Мия. – Это мое подношение.

– Пашть мертва, – нахмурился владелец трактира.

– ...Что?

– Она умерла еще четыре иштинотьмы тому нажад.

– Пасть, – девушка нахмурилась. – Мертва. Вы с ума сошли?

– Это ты помянула мою штарую покойную матушку Паштию, девочка.

Понимание постучало ее по плечу и сплясало веселую джигу.

Та-да!

– Я говорю не о твоей мамаше, ты, еба...

Мия мысленно взяла себя за шиворот и хорошенько встряхнула. Затем прочистила горло и смахнула косую челку со лба.

– Я говорю не о вашей матери, сэр. А о *Пасти*. Нае. Богине Ночи. Матери Священного Убийства. Сестре и жене Аа, той, кто сеет голодную тьму в каждом из нас.

– О, так ты говоришь о то-о-ой *Паштии*.

– Да, – слово было камнем, брошенным прямо в лицо владельца трактира. – *Пасти*.

– Прощи, – смущенно сказал он. – У тебя прошто неражборчивое проижношение.

Мия прожгла его взглядом.

Мужчина за стойкой прокашлялся.

– Поближошти нет шеркви Пашти, девочка. Поклонение ей вне закона, даже в нашей глубинке. Я не веду дела ш теми, кто поклоняется Ночи и им подобным. Плохо влияет на бижнеш.

– Вы же Жирный Данио, владелец «Старого Империяла»?

– Я не жирный...

Мия стукнула кулаком по барной стойке. Несколько игроков в «шлепок» оглянулись.

– Но вас зовут Данио? – прошипела она.

Пауза. Мужчина задумался, нахмутив брови. Взгляд его медлительного глаза был направлен куда-то в сторону, словно его отвлекли красивые цветы или, возможно, радуга¹⁷.

– Ага, – наконец ответил Данио.

– Мне сказали – предельно *четко* сказали, прошу заметить, – зайти в «Старый Империял» на побережье Ашкаха и отдать Жирному Данио мое подношение. – Мия толкнула мешочек по стойке. – Берите.

– Что в нем?

– Трофей убийцы, убитого в ответ.

– А?

– Зубы Августа Сципио, верховного палача итрейского Сената.

– Он придет же ними?

Мия закусила губу. Закрыла глаза.

– ...Нет.

– А как же, бежна его побери, он потерял швои...

– Он не терял их! – Мия подалась вперед, проклиная вонь. – Я вырвала их из пасти, после того как перерезала его жалкую глотку!

Жирный Данио умолк. Его лицо стало *почти* задумчивым. Мужчина наклонился, обдав ее зловонием испорченной рыбы, и к глазам Мии подступили непрощенные слезы.

– Прости, девочка. Но на кой мне жубы какого-то мертвого ублюдка?

Дверь со скрипом отворилась, и в «Старый Империял», пригнувшись, вошел Волкоед, держась так, словно он владел половиной заведения¹⁸. За ним ввалилась дюжина его матросов, они с трудом втискивались за грязные столики и занимали места у скрипучей барной стойки. Виновато пожав плечами, Жирный Данио принялся обслуживать двоймерских моряков. Когда он направился к столикам, Мия поймала его за рукав.

– Сэр, у вас есть свободные комнаты наверху?

– Конечно. Один бедняк жа неделю, плюш бесплатный жавтрак.

Мия вложила железную монету в ладонь мужчины.

– Пожалуйста, сообщите мне, когда потребуется доплата.

Неделя без новостей. Ни знака, ни малейшего шепота, не считая воя ветра из пустыни.

Команда «Кавалера Трелен» ночевала на борту корабля, пока пополняла припасы, но часто пользовалась услугами города. Их типичная неночь начиналась с трапезы в «Старом Империяле», продолжалась в объятиях донны Амиль и ее «танцовщиц» в заведении с говорящим названием «Семь вкусов»¹⁹ и заканчивалась все в том же «Старом Империяле» за спиртным, песнями и регулярной дружеской поножовщиной. Лишь один мужчина лишился пальца за время их стоянки. Но владелец пальца отнесся к потере с юмором.

Мия сидела в темном углу и смотрела на мешочек с зубами палача, лежавшем на столе. Ее взгляд метался к двери при каждом скрипе. Время от времени она заказывала порцию поразительно острого (и, чего уж там, вкусного) чили Жирного Данио под названием «вдоводел». Она мрачнела с каждым днем, а дата отплытия «Кавалера» все близилась.

¹⁷ В тот момент в заведении не было ни одной радуги.

¹⁸ Это не так, хотя Жирный Данио и был в крупном долгу перед капитаном после пьяного спора об аэродинамике свиней и расстоянии между «Старым Империялом» и хлебом. Долг следовало отдать в виде длительного сеанса... орального удовлетворения членов экипажа «Кавалера Трелен» (во время которого Данио должен был стоять на руках с выкрашенной в синий цвет задницей). Данио пока не расплатился, но угроза расплаты сильно накаляла атмосферу всякий раз, как «Кавалер» и его экипаж прибывали в порт.

¹⁹ Мальчик, девочка, мужчина, женщина, свинья, лошадь, а за определенную сумму и труп.

Неужели Меркурио ошибся? Прошло много лет с тех пор, как он отослал своего последнего ученика в Красную Церковь. Может, ее поглотили пески? Может, люминаты наконец отправили их на покой, как клялся сделать судья Рем после Резни в истинотьму?

«Возможно, это проверка. Смотрят, не сбежишь ли ты отсюда, как испуганный ребенок...»

Она гуляла по городу при перемене каждой неночи и подслушивала у дверей, оставаясь почти невидимой под плащом из теней. Теперь Мия знала жителей Последней Надежды как свои пять пальцев. Провидицу, которая гадала местным женщинам, толкуя знаки по истрепанному томику с ашкахскими письменами, хотя на самом деле не могла их прочесть. Мальчика-раба из «Семи вкусов», замыслившего убить свою госпожу и сбежать в пустыню.

Люминаты из легиона, размещенного в гарнизонной башне, были самыми жалкими солдатами, которых Мия когда-либо встречала: два десятка мужчин, застрявших на окраине цивилизации, всего в паре солнцестальных клинков от ужасов ашкахской Пустыни Шепота. Поговаривали, что ветер, дувший со стороны развалин древней империи, сводил людей с ума, но Мия верила, что скука справлялась с этим быстрее ветров-шептунов. Легионеры только и делали, что говорили о доме, женщинах и совершенных грехах, за которые их отправили в жопу республики²⁰. Уже через неделю Мию начало тошнить от их болтовни. И никто ни разу не обмолвился о Красной Церкви.

Спустя семь перемен после прибытия в Последнюю Надежду она наблюдала, как экипаж «Кавалера» собирает манатки. Матросы переключались хриплыми от грога голосами. Какая-то частичка ее подумывала пробраться на борт, пока они готовились к отплытию. Вернуться домой к Меркурио. Но, по правде говоря, она зашла слишком далеко, чтобы теперь сдаться. Если Церковь думает, что она подожмет хвост при первом же препятствии, то они совсем не знают Мию.

Сидя на крыше «Старого Империаля», она смотрела, как «Кавалер» отплывает от берега, и курила сигариллу. Ветры-шептуны дули со стороны пустыни – бесформенные, как сны. Девушка опустила взгляд на кота – который на самом деле не кот, – сидевшего в длинной тени, откидываемой солнцами. Его голос был как поцелуй бархата на коже младенца:

– ...Ты боишься...

– Тебя это должно радовать.

– ...Меркурио не послал бы тебя сюда без необходимости...

– Люминаты годами пытались уничтожить Церковь. Резня в истинотьму изменила правила игры.

– ...Если бы их постигла беда, остались бы следы...

– Предлагаешь отправиться в Пустыню Шепота и поискать их?

– ...Можно поступить и так. Или же ждать здесь, или вернуться домой...

– Ни один из вариантов меня не привлекает.

– ...Уверен, предложение Жирного Данио еще в силе...

Ее улыбка была бледной и слабой. Девушка снова повернулась к морю, глядя, как солнце блестит и вспыхивает на ощерившихся волнах. Затем щедро затянулась и выдохнула серое облачко дыма.

– ...Мия?..

– Да?

– ...Тебе не нужно бояться...

– Я и не боюсь.

²⁰ Чаще всего за нарушение порядка, пьянство и несоблюдение субординации, хотя одного легионера сослали в Ашках за убийство повара когорты, которое он совершил после того, как тот триста сорок две неночи подряд подавал на ужин солони-ну. «Ты что, сдохнешь, – кричал он, – если хоть раз [удар ножом] приготовишь [удар ножом] гребанный салат?!»

Молчание, наполненное шепотом ветров.
– ...*Врать тоже не нужно...*

Закончилось все тем, что Мия начала красть вещи для своих припасов.

Бурдюки, сухие пайки и палатку она стащила из лавки «Товары на каждый день и предметы для похорон “Последняя Надежда”». Одежда, виски и свечи – из «Старого Империаля». Девушка уже выбрала себе лучшего жеребца в гарнизонной конюшне, несмотря на то, что в седле она чувствовала себя так же уютно, как монашка – в борделе.

Мия убеждала себя, что воровство помогает ей оставаться в форме, а тайные вылазки назад в лавки, для того чтобы оставить на прилавке компенсацию за украденное, оказались неплохой забавой²¹. Устроившись у очага в «Империаля», Мия наслаждалась последней миской чили «вдоводела» и ждала завывания ветров неночи, несущих с собой благословенную прохладу после дня раскаленной жары.

Тут входная дверь скрипнула, и Мия подняла глаза на клубы пыли, залетевшие внутрь.

Вошедший юноша походил на двеймерца – татуировки на лице из чернил левиафана (ужасного качества), тяжелая копна дредов. Но его кожа была скорее оливковой, нежели смуглой, и он выглядел слишком низеньким для уроженца островов; всего на голову выше Мии, по правде говоря. Он был одет в черную кожу и носил потертые ножны с ятаганом. Пахло от него лошадью и долгой дорогой. Зайдя внутрь, он обшарил карими глазами каждый уголок. Пока его взгляд проходил по нишам, Мия завернулась в тени и растворилась в них, как водяной знак.

Юноша повернулся к Жирному Данио, который чистил все ту же грязную чашку все той же грязной тряпкой. Пристально глядя на владельца трактира, заговорил голосом нежным, как бархат:

- Доброй перемены вам, сэр.
- Ага, – ответил Жирный Данио. – Жачем пожаловал?
- Чтобы отдать вам это.

Юноша поставил на барную стойку деревянный коробок. Глаза Мии сузились, когда в нем что-то загремело. Двеймерец снова окинул бар взглядом, после чего произнес напряженным шепотом:

- Мое подношение. Для Пасты²².

²¹ О, смотрите, в ней есть что-то доброе! Да взиграют громко скри-и-и-ипки!

²² О, превосходно. Я бы даже сказал, как по учебнику. Во всех религиях есть оппонент. Зло противостоит добру. Черное – белому. Для народа Итреи эту роль играет Ная, богиня Ночи, Мать Священного Убийства, сестра и жена Аа, также известная (как вы наверняка догадались) как Пасть. Поначалу брак Аа и Наи был вполне счастливым. Они занимались любовью на рассвете и закате, после чего расходились по своим территориям, поровну разделив власть над небесами. Но, опасаясь соперников, Аа приказал Нае нести ему только дочерей, и та послушно родила четверых: Цану – Леди Огня, Кеф – Леди Земли и, наконец, близняшек Трелен и Налипсу – Леди Океанов и Леди Бурь. Тем не менее Ная скучала по мужу в долгие и холодные часы темноты и, чтобы облегчить бремя одиночества, решила породить на свет мальчика. Ночь назвала своего сына Анаис. Аа был возмущен непослушанием жены. В качестве наказания Наю изгнали с небес. Чувствуя себя преданной мужем, она поклялась отомстить Аа и больше с ним не разговаривала. Тот до сих пор дует из-за всей этой кутерьмы. Вам интересно, что же стало с Анаисом? Соперником, которого Аа справедливо опасался? А это, дорогие друзья, вы узнаете позже.

Глава 4

Доброта

Капитан Лужица любил свою Мию.

В конце концов, он знал ее с тех пор, как был котенком. Еще до того, как он успел позабыть тепло крошечных тел своих братьев и сестер, она носила его на руках и целовала в маленький розовый носик, и кот знал, что девочка всегда будет центром его мира.

Поэтому, когда судья Рем нагнулся, чтобы схватить ее за запястья по приказу консула, Капитан Лужица зашипел сквозь оскаленные желтые зубы, вытянул когтистую лапу и царапал лицо судьи от глаза до губы. Мужчина взревел и схватил храброго Капитана одной рукой за голову, а другой – за тельце и, почти отточенным движением, скрутил его.

Звук напоминал треск влажных палок – слишком громкий, чтобы Мия смогла его перекричать. После этого жуткого хруста в руке судьи повисла безвольная черная тушка; теплая, мягкая тушка, с которой Мия засыпала каждую неночь и которая уже никогда не замурчит.

В тот момент девочка утратила самообладание. Она выла, царапалась, во что-то впибалась ногтями. Чуть погодя она смутно осознала, что другой люминат забросил ее на плечо. Судья прижал ладонь к кровоточащей ране на лице и достал меч, вспыхнувший пламенем вдоль всего лезвия; сталь засияла ослепляющим мучительным светом.

– Не здесь, Рем, – осадил его Скаева. – Не марай руки.

Судья заорал на своих людей, мать Миш вскричала и начала брыкаться. Девочка звала маму, но тут ее сильно ударили по голове, и Миш потребовались все силы, чтобы не упасть в черноту под ногами. Крики донны Корвере затихали вдали.

Черная лестница, спиралью идущая вниз. Проход вдоль Хребта – не восхитительный холл из полированной белой могильной кости с хрустальными люстрами и костеродными²³ во всей красе, а тускло освещенный и очень узкий туннель, ведущий наружу. Мия, прищурившись, взглянула вверх – на Ребра, дугой тянущиеся к выбеленным небесам, на величественные здания Совета, библиотеки и обсерватории. А потом мужчины затолкали ее в пустую бочку, накрыли бочку крышкой и бросили в запряженную тележку.

Послышался удар хлыста, и тележка сдвинулась с места, грохоча колесами по брусчатке. Люминаты сидели рядом с девочкой, но она не разбирала их слов, еще не оправившись от воспоминаний об изувеченном Капитане Лужице, лежавшем на полу, и ее матери, закованной в цепи. Мия ничего не понимала. Дерево бочки царапало ей кожу, щепки цеплялись за платье. Она чувствовала, как тележка переезжает один мост за другим, дымка полусознания так истончилась, что девочка начала плакать, всхлиывая и икая. По бочке стукнул чей-то грубый кулак.

– Заткнись, соплячка, или я дам тебе повод для рыданий!

«Они убьют меня», – подумала Мия.

По ней пробежал озноб. Не от мысли о смерти, прошу заметить; по правде говоря, каждый ребенок считает себя бессмертным. Озноб был физическим ощущением, вытекающим из темноты внутри бочки и сворачивающимся вокруг ее ног; холодным, как ледяная вода. Мия почувствовала чье-то присутствие – или, скорее, отсутствие. Похожее на чувство опустошения после длительных объятий. И тогда она поняла, твердо и уверенно, что в бочке вместе с ней кто-то есть.

²³ В Годсгрейве аристократия предпочитает жить в могильных углублениях вышеупомянутых Ребер и вести дела в пещеристых внутренностях Хребта – отсюда и термин «костеродные». Их общественное положение определяется близостью к первому Ребру, в котором проживают члены итрейского Сената и избранный консул. К северу от первого Ребра находится Форум, построенный на том месте, где мог бы быть Череп. Я сказал «мог бы быть», поскольку сам Череп, дорогие друзья, отсутствует.

Наблюдает.

Ждет.

– Кто здесь? – прошептала она.

Рябь в черноте. Бесшумное чернильное землетрясение. И там, где секунду назад ничего не было, что-то блеснуло в лучиках света, пробивающихся сквозь крошечные щели в крышке бочки. Что-то длинное и острое, какой может быть только могильная кость с рукояткой в форме вороны в полете. Последний раз Мия видела ее под занавесками, после того, как консул Скаева отмахнулся от руки ее матери и заговорил о мольбе и обещаниях.

Стилет донны Корвере.

Она потянулась, чтобы достать кинжал из-под ног. Девочка могла поклясться, что на долю секунды увидела свет, мерцающий, как бриллианты в океане черноты. Мия ощутила столь безграничную пустоту, словно падала в бездну – вниз, вниз в изголодавшуюся тьму. А затем ее пальцы сомкнулись на обжигающе холодной рукоятке кинжала, и она крепко за нее ухватилась.

Мия почувствовала нечто во мраке вокруг себя.

Медный привкус крови.

Пульсирующий поток ярости.

Тележка подпрыгивала на кочках, живот девочки крутило, пока, наконец, колеса не замерли. Бочку вытащили из тележки и с такой силой кинули на землю, что Мия чуть не откусила себе язык. Она вновь услышала голоса и на сей раз смогла разобрать слова:

– Меня уже тошнит от этого, Альберий.

– Приказы есть приказы. Люминус инвикта, помнишь?²⁴

– Отвяжись.

– Хочешь разозлить Рема? Скаеву? Спасителей гребаной республики?

– Спасители, как бы не так! Ты никогда не задумывался, как они это провернули? Схватили Корвере и Антония прямо посреди вооруженного лагеря?

– Нет, Пасть тебя поberi! Лучшие помоги мне.

– Я слышал, что это была магия. Черная архимия. Скаева в сговоре...

– Хватит блеять, как овца! Кого волнует, как они это сделали? Корвере был гребаным предателем и получил по заслугам.

С бочки сняли крышку. Мия, заморгав, посмотрела на мужчин в темных плащах, надевших поверх белых доспехов. У первого руки были размером со ствол дерева, а ладони – с тарелку. У второго – красивые голубые глаза и улыбка человека, который душил щенков на досуге.

– Зубы Пасты! – выругался первый. – Ей же не большие десяти.

– До одиннадцати она не доживет, – пожал плечами второй. – Не дергайся, девочка. Скоро все закончится.

Душитель щенков взял Мию за шею и достал из-за пояса длинный острый нож. И там, в отражении на полированной стали, девочка увидела свою смерть. Было бы куда проще закрыть глаза и ждать. В конце концов, ей всего десять лет. Одинокая, беспомощная и напуганная. Но правда заключается в том, дорогие друзья, что не важно, сколько солнц в вашем небе. Их количество сути не меняет. В этом мире, как и в любом другом, живут два типа людей: те, кто бежит, и те, кто борется. Существует много определений для описания свойств людей второго типа. Берсеркер. Инстинкт убийцы. Сила есть – ума не надо.

Несмотря на непродолжительное знакомство с юной Мией, вы вряд ли удивитесь, узнав, что перед лицом опасности в виде головореза с ножом, в тот момент, когда воспоминания о казни отца были так свежи в ее памяти,

²⁴ Девиз легиона люминатов, дорогие друзья. «Свет все победит».

никогда не отводи взгляд
никогда не бойся

она, вместо того чтобы сдаться и расплакаться, как поступила бы любая другая десятилетняя девочка, вцепилась в стилет, обнаруженный во тьме, и ткнула им прямо в глаз душиителя щенков.

Мужчина закричал, прикрыв лицо руками, и упал, между пальцами хлынула кровь. Мия выбралась из бочки, ослепленная ярким светом после долгого пребывания в темноте. Девочка почувствовала, как нечто выползло вместе с ней, свернулось в тени, тянуло ее за ноги. Мию привезли к какому-то безымянному мосту над узким каналом, забитым мусором; все окна в окрестных домах были заколочены.

Глаза мужчины с руками-стволами округлились под громкие завывания напарника. Он достал солнцестальный меч, на кончике которого плясало пламя, и шагнул к девочке. Но его внимание привлекло какое-то движение у ее ног, и, опустив взгляд, он увидел, как тень Миш зашевелилась. Она извивалась и царапалась, словно живая, и протягивала к нему свои голодные ручки.

– Упаси меня Свет, – выдохнул он.

Меч задрожал в руке головореза. Мия попятилась по мосту, в трясущемся кулаке был зажат окровавленный кинжал, нечто по-прежнему отталкивало ее в сторону. Когда душитель щенков с трудом поднялся на ноги, с лицом, окрашенным кровью, девочка сделала то, что сделал бы любой на ее месте, – и лети оно в бездну, выражение «сила есть – ума не надо».

– ...Беги!.. – прошептал тоненький голосок.

И она побежала.

У двеймерца состоялась та же беседа с Жирным Данио, что и у Мии²⁵, но выдержал он ее с невозмутимым достоинством.

Трактирщик сообщил ему, что одна девушка уже спрашивала о богине Ночи, затем показал на ее столик – по крайней мере, на столик, за которым она сидела раньше. К тому времени Мия уже прокралась по лестнице и слушала их разговор из-за угла, не издавая ни звука, как итрейский железный священник²⁶.

Пробормотав слова благодарности, двеймерец спросил, есть ли в заведении свободные комнаты, и заплатил монетой из хиленького мешочка. Он уже направлялся к лестнице, когда один из местных игроков, джентльмен по имени Скаппс, остановил его вопросом:

– Ты один из увальней Волкоеда?

Юноша ответил мягким баритоном:

– Я не знаю никакого Волкоеда.

– Он не член экипажа «Кавалера». – Мия узнала голос Лема, брата Скаппса. – Глянь, какой низенький. Парень едва достает до яиц Волкоеда!

Смех.

– Может, в этом и смысл?

Снова смех.

Двеймерец подождал, не последует ли дальнейших издевок, после чего продолжил подниматься по лестнице. Мия скользнула к себе в комнату и стала наблюдать через замочную

²⁵ А, так ты о то-о-ой Пашти!

²⁶ Священники итрейской Железной Коллегии вступают в орден после второй истинотымы и проходят проверку на способности к постижению искусства богослужения. Юношей не учат ни читать, ни писать. Накануне пятой истинотымы тех, кто оказался достойным службы, заводят в ярко освещенную комнату в сердце Коллегии. Здесь, среди ароматов горячей смолы и красивейших звуков захватывающего дух хора, они зачитывают клятвы, после чего лишаются языков при помощи раскаленных железных ножниц. Секрет конструирования и управления боевыми ходаками является одним из самых тщательно охраняемых в республике – ему учат делом, а не словом, – и священство очень серьезно относится к обету молчания. Возможно, ваши трепетные души утешит то, что священнослужители не принимают обет безбрачия. Им разрешено участвовать во всех видах плотских утех, хотя отсутствие языка может оказаться помехой в поисках жены. Зато они *отличные* собеседники.

скважину, как он идет к своей двери. Его шаги были не громче шепота, хотя Мия знала, что половицы пищали, как семейка резаных мышей. Юноша оглянулся через плечо на дверь ее комнаты, принялся и скрылся в своей каморке.

Мия сидела на кровати и размышляла, стоит ли познакомиться с ним или просто покинуть Последнюю Надежду в конце перемены, как и было запланировано²⁷. У них определенно одна цель, но незнакомец вполне мог оказаться хладнокровным психопатом. Вряд ли у большинства послушников, ищущих Красную Церковь, были такие же альтруистические мотивы, как у нее.

Едва городские часы отбили неночь, как Мия услышала, что юноша спускается вниз – тихий, как бархат. Ее тень зашевелилась и вытянулась, иллюзорные когти зацарапали половицы.

– ...Если я не вернусь к утру, передай маме, что я люблю ее...

Девушка фыркнула, и кот из теней скользнул под дверь. Она ждала долгие часы, читая при свечах, вместо того чтобы поднять ставни и впустить солнечный свет. Если она хочет покинуть город в эту перемену, ей придется дожидаться двенадцатого удара часов, когда происходит смена караула. Так будет легче украсть жеребца. Мысль, что она может просто купить какую-нибудь старую клячу, тянула руку в конце воображаемого класса, но на нее тут же шикнула другая мысль: Мия отправится в пустыню только на лучшем коне из арсенала этого города²⁸.

Внезапно она ощутила волну озноба, чувство опустошенности, и в этот момент кот из теней запрыгнул к ней на кровать. Моргнул глазами, которых не было. Безуспешно попытался замурчать.

– Ну?

– ...Он поужинал, в процессе наблюдая за теми, кто его оскорблял, а затем последовал за ними домой...

– И убил?

– ...Написал в их бочку с водой...

– Значит, не кровожадный. А потом?

– ...Забрался на крышу конюшни. С тех пор он наблюдает за твоим окном...

Мия кивнула.

– Так и думала, что он заметил меня, когда пришел.

– ...Умный парень...

– Давай проверим насколько.

Мия собрала вещи, положила связку книг в маленький непромокаемый мешок и закинула его за спину. Девушка надеялась, что сможет уйти незамеченной, но раз этот двумерец наблюдает за ней, то вопрос со знакомством решен. Осталось придумать, чем оно закончится.

Она тихо вышла из комнаты и прокралась по скрипящим половицам, которые не издали ни звука. Скользнув к пустовавшей комнате напротив ее двери, достала две отмычки из тонкого портмоне. Затем приступила к работе и через пару минут услышала тихий щелчок. Мия вылезла из окна и помчалась по крыше, чувствуя, как солнечный свет обжигает обветренное

²⁷ Несмотря на печальную нехватку темноты, большинство граждан республики все же нуждаются во сне и, вне зависимости от сезона, различают «день» и «ночь»: последняя приходит во время перемены в итрейской погоде. С наступлением неночи с западных океанов поднимается ветер и с завыванием проносится по стране, принося с собой милосердный спад температуры. Поскольку в прохладе засыпается легче, большинство воспринимают эту перемену как сигнал падать в койку, сено или на плитняки – зависит от состояния опьянения. Ветер медленно затихает и снова поднимается примерно через сутки. Считается, что он – дар от Налипсы, Леди Бурь, которая помиловала землю и людей, опаленных почти непрерывным светом ее отца. Таким образом, «перемена» – это термин, которым итрейцы обозначают границу в цикле сна и бодрствования. В неделе семь перемен, в году – три с половиной сотни. Языковая причуда, конечно, но без нее не обойтись в стране, где настоящие «дни» длятся два с половиной года подряд, а дни рождения – забава, которую могут себе позволить только богачи.

²⁸ Время от времени, к ее глубокому сожалению, остатки костеродной гордости Мии пробивались сквозь тщательно проработанный образ барышни, которой на все насрать. Можно вытащить девушку из грязи, но не грязь из девушки. Увы, то же самое можно сказать и о роскоши.

небо, а адреналин покалывает в пальцах. Было приятно снова заняться делом. Снова преодолеть испытания.

Мия метнулась по проулку между «Империадом» и соседней пекарней, ее ботинки не издавали ни шороха на дороге. Не-кот брел впереди, осматриваясь вокруг своими не-глазами.

Как когда-то за окном палача, Мия потянулась и схватила тени вокруг себя. Словно искусная рукодельница, она ловкими пальчиками сплетала нити тьмы в плащ. Плащ, который незаметен для несведущих глаз.

Плащ из теней.

Называйте это как хотите, дорогие друзья. Чудотворство. Архимия. Механика. Магия. Подобно любой силе, она требует жертв. Когда Мия оплела себя тенями, свет померк перед ее взором. Как обычно, ей стало трудно видеть сквозь вуаль тьмы, но и ее было трудно увидеть за ней. Мир размылся, помутнел, завесился чернотой – ей пришлось идти медленно, чтобы не споткнуться и не упасть. Но, обернутая в свои тени, она незаметно продвигалась дальше под сердитым взглядом неночи – просто акварельное пятно на холсте мира.

Мия дошла до боковой стены конюшни и начала наощупь карабкаться по водосточной трубе. Забравшись на крышу, она прищурилась в своем мраке и заметила в тени дымохода двеймерца, наблюдающего за окном ее спальни. Девушка осторожно двинулась вперед, ступая по черепице и мысленно возвращаясь в сарай старика Меркурио – по полу разбросаны засохшие листья, горло горит от жажды после трех перемен без питья, вокруг графина с кристально чистой водой спят четыре бешеных пса.

Мотивация была жизненным кредо старика, неоспоримым и истинным.

Уже близко. Мия не знала, говорить или действовать, начинать или кончать. Где-то в двадцати шагах от него увидела, как юноша напрягся и повернул голову. А затем перекатилась по крыше под залпом из трех ножей, пущенных с молниеносной скоростью и сверкнувших в свете треклятого солнца. Будь сейчас истинотьма, он уже был бы у нее в кулаке. Будь сейчас истинотьма...

Не смотри.

Она вскочила на ноги и достала стилет, ее тени извивались по черепице и тянулись к юноше. Двеймерец выхватил ятаган, в другой его руке были зажаты еще два кинжала. Темные дреды качались у него перед глазами. Таких отвратительных татуировок Мия еще не видела – словно их нарисовал незрячий во время приступа эпилепсии. А вот само лицо...

Парочка, разглядывая друг друга, застыла, они были бездвижны словно статуи; казалось, что прошли не секунды, а часы, пока над ними завывал шторм.

– У вас очень хороший слух, сэр, – наконец произнесла она.

– Но ваша поступь лучше, Бледная Дочь. Я ничего не слышал.

– Тогда как?

Юноша улыбнулся, и на его щеке появилась ямочка.

– От вас воняет сигарилловым дымом. Гвоздика, кажется?

– Это невозможно. Я стою против ветра.

Двеймерец взглянул на тени, извивающиеся, как клубок змей, у его ног.

– Похоже, в этих краях невозможное в порядке вещей.

Мия уставилась на него. Крепкий, резкий, гибкий и быстрый. Рапира в мире палашей. Меркурио читал людей лучше, чем кто-либо другой, и научил ее делать выводы в мгновение ока. Кем бы ни был этот парень, каковы бы ни были причины, которые побуждали его искать Церковь, он не психопат, не из тех, кто совершает убийство ради убийства.

Любопытно.

– Вы ищете Красную Церковь, – сказала она.

– Тот толстяк отказался брать мое подношение.

– Как и мое. Думаю, нас испытывают на прочность.

– Я тоже так подумал.

– Возможно, они покинули эти места. Я собиралась отправиться в пустыню и поискать их.

– Если хотите умереть, есть более гуманные способы, – юноша указал за стены Последней Надежды. – Да и с чего вы начнете?

– Я планировала идти по запаху, – Мия улыбнулась. – Но что-то мне подсказывает, что лучше довериться вашему чутью.

Двеймерец внимательно на нее посмотрел. Холодный, изучающий взгляд карих глаз прошелся по телу Мии. Затем скользнул по кинжалу в ее руке. По теням у его ног. По шепчущей пустыне за спиной.

– Меня зовут Трик, – представился он, пряча ятаган за пояс.

– ...Трик? Вы уверены?

– Уверен ли я в своем имени? Так точно.

– Я не хотела вас оскорбить, сэр, – ответила Мия. – Но если мы отправимся в Пустыню Шепота вместе, то должны по крайней мере быть честны друг с другом и использовать настоящие имена. А вас не могут звать Триком.

– ...Ты назвала меня лжецом, девочка?

– Я никак вас не называла, сэр. И буду очень благодарна, если вы перестанете называть меня «девочкой», как если бы это слово было родственным тому, в чем вы испачкали подошву ботинок.

– ...Странный у тебя способ заводить друзей, Бледная Дочь.

Мия вздохнула. Взяла свой гнев за ухо и опустила его на колени.

– Я читала о двеймерском обычае давать ритуальные имена. Их придумывают по заданному шаблону. Сначала существительное, потом глагол. Например: Спинолом, Волкоед, Свинолап.

– Свинолап?..

Мия моргнула.

– Свинолап был одним из самых презираемых двеймерских пиратов на свете. Наверняка вы о нем слышали.

– Я никогда не любил историю. За что же его презирали?

– За то, что лапал свиней²⁹. На протяжении почти десяти лет он был грозой фермеров от Стормвотча до Донспира. За его голову обещали награду в триста железных. Ни одна свинья не чувствовала себя в безопасности.

– ...И что с ним случилось?

– Люминаты. Их мечи сделали с его лицом то же, что он делал со свиньями.

– А-а-а.

– Поэтому вас не могут звать Трик.

Юноша осмотрел ее сверху донизу со странным выражением на лице. Но, когда он заговорил, в его голосе послышалась железная твердость. Оскорбленное чувство достоинства. Укрошенная, пожизненная злость.

– Меня зовут Трик, – повторил он.

Мия, прищутив глаза, бросила на него быстрый взгляд. Не парень, а сплошная загадка. А она всегда питала слабость к загадкам.

– Мия, – наконец представилась девушка.

Двеймерец медленно и уверенно зашагал к ней по черепице, не обращая никакого внимания на тени под ногами. Затем протянул руку. Пальцы в мозолях, на указательном – кольцо в форме трех змеевидных морских драков, сплетенных вместе. Мия снова оценивающе посмотрела.

²⁹ Ой, хватит смеяться! Как дети малые.

рела на юношу, на шрамы и безобразные татуировки, на оливковую кожу, широкие и мускулистые плечи. Облизала губы и почувствовала солоноватый привкус пота.

Тени покрылись рябью под ее ногами.

– Рад знакомству, донна Мия, – сказал он.

– И я, дон Трик.

И, улыбнувшись, она пожала ему руку.

Глава 5

Комплименты

Девочка промчалась по узким улочкам, пересекла мост и ринулась вниз по ступенькам. На ее руках засыхала алая кровь. Нечто следовало за ней, темной лужицей несло по пятам, шустро отскакивая от разбитых плит. Она понятия не имела, что это и чего хочет, – знала лишь то, что оно помогло ей, и без этой помощи она была бы такой же мертвой, как отец.

глаза открыты

ноги дергаются

из горла раздаются булькающие звуки

Мия подавила слезы, сжала руки в кулаки и побежала. Позади слышались крики и ругань душителя щенков и его приятеля. Но девочка была ловкой и быстрой, она ужасно боялась; страх даровал ей крылья. Она летела по кривым проулкам и над замусоренными каналами, пока наконец не сползла по стене в каком-то закутке, схватившись за бок.

В безопасности. Пока что.

Подобрав под себя ноги, Мия пыталась сдержать поток слез, как учила ее мама. Но они были гораздо сильнее и рвались наружу, пока она не сдалась. Икая и вздрагивая всем телом, она прятала зареванное лицо в красные от крови руки.

Отца повесили как предателя под надзором самого верховного кардинала. Мать заковали. Владения семьи Корвере передали тому ужасному судье Рему, скрутившему шею Капитану Лужице. А Юлий Скаева, консул итрейского Сената, приказал утопить ее в канале, как какого-то ненужного котенка.

Весь ее мир разрушили за одну перемену.

– Дочери, спасите меня... – выдохнула девочка.

Мия увидела, как тень под ней зашевелилась. Пошла волнами, словно поверхность воды, в которую бросили камешек. Как ни странно, она не боялась. Казалось, страх вытекал из нее, просачиваясь через кожу на ее ступнях. Она не ощущала ни угрозы, ни детской боязни чего-то неизведанного, притаившегося под кроватью, от которой раньше бросало в дрожь. Но она вновь ощутила то присутствие – или, скорее, отсутствие, – свернувшееся в ее тени на каменных плитах.

– И снова здравствуй, – прошептала Мия.

Она почувствовала это неосязаемое нечто. В своей голове. В груди. Девочка знала, что оно улыбалось – дружелюбная улыбка, которая отразилась бы и в глазах, имейся они у этого создания. Мия нащупала в рукаве окровавленный стилет, полученный с его помощью.

Подарок, спасший ей жизнь.

– Кто ты? – прошептала она в черноту у своих ног.

Ответа не последовало.

– У тебя есть имя?

Оно вздрогнуло.

Выжидая.

Вы-жи-да-я.

– Ты хороший, – объявила девочка. – Так что нужно подобрать тебе хорошее имя.

Очередная улыбка. Черная и нетерпеливая.

Мия тоже улыбнулась.

Решено.

– Мистер Добряк, – подытожила она.

Согласно табличке над стойлом, жеребца звали Рыцарем, но Мия довольно быстро узнала, что на самом деле он просто Ублюдок.

Сказать, что она не питала теплых чувств к лошадям, все равно что сказать, что мерины³⁰ не питают теплых чувств к ножам. Прожив почти всю жизнь в Годсгрейве, она редко нуждалась в этих животных, да и путешествовать на них, честно говоря, не самое большое удовольствие, что бы там ни говорили ваши поэты. Запах лошадей сродни меткому удару в уже сломанный нос, филейные части всадника часто бывали отмечены волдырями, а не просто синяками, не говоря уже о том, что копыта ненамного быстрее ног. И все эти минусы усугубляются, если у коня есть чувство собственной важности. К сожалению, у бедного Рыцаря оно имелось.

Жеребец принадлежал гарнизонному центуриону, костеродному воину легиона люминатов по имени Винченцо Гарибальди. Породистый, черный, как легкие трубочиста³¹. Получая лучший уход (и еду), чем большинство людей Гарибальди, Рыцарь не терпел никого, кроме своего хозяина. Посему, столкнувшись со странной девушкой в своем стойле, он раздраженно фыркнул и стал опорожнять мочевого пузыря, стараясь обрызгать максимально возможное количество квадратных метров вокруг.

Однако Мия, прожившая несколько лет рядом с рекой Розой, не потеряла сознание от вони конской мочи, а лишь быстро засунула жеребцу в пасть удила, чтобы заткнуть его. Девушке пришлось отсидеть трехнедельный срок на лошадиной ферме по «просьбе» старика Меркурио и, как бы она ни ненавидела этих тварей, за это время она хотя бы узнала, что уздечка надевается не на задницу³². Тем не менее, когда Мия накинула на Рыцаря попону, тот заметался по стойлу, и лишь спешный прыжок верхом на калитку уберег ее от неминуемой участи быть расплюсненной в тонкий блинчик.

– Ради вздымающихся буферов Трелен, заставь его умолкнуть! – прошипел Трик, стоя у входа в конюшню.

– ...Ты серьезно только что выругался, упомянув «буфера» богини?

– Забудь об этом, просто заткни его!

– Я предупреждала, что лошади меня не любят! И богохульство на тему груди Леди Океанов никак нам не поможет. Скорее, приведет к тому, что ты утонешь, извращенец.

– Меня, без сомнений, ждут долгие годы заключения в каком-то обоссанном подобии тюрьмы этого отстойника, чтобы покаяться в грехах.

– Попридержи исподнее, – прошептала Мия. – Отстойник будет занят какое-то время.

Трик недоумевал: о чем толковала эта девчонка? Но стоило ей скользнуть в стойло Рыцаря для очередной попытки его оседлать, как с гарнизонной башни раздался чей-то вой, молитвы к Всевидающему и вспышка столь красочной брани, что ее можно было подкинуть в воздух и назвать радугой. Ветер принес с собой такой едкий смрад, что у юноши заслезилась глаза. Пока Мия осыпала тихими проклятиями голову Рыцаря, Трик решил разведать, из-за чего поднялась буча.

Мистер Добряк сидел на крыше конюшни и изо всех сил пытался изобразить любопытство, присущее настоящим котам. Он наблюдал, как двумерец подкрадывается к башне и лезет по стене. Трик заглянул через окно внутрь, и его лицо под безыскусными татуировками

³⁰ Кастрированные жеребцы (*прим. пер.*).

³¹ Конь, не капитан.

³² За время пребывания на ферме Мио трижды укусили разные лошади, семь раз сбросили (дважды в навоз) и один раз на нее наступили. Ее также ушибнул за зад особо смелый конюх по имени Ромеро (увы, это случилось в ту же перемену, когда ее впервые сбросили в дерьмо), которого ввел в заблуждение странствующий менестрель, сказав, что горожанки «такое любят». Нос мальчика так и не сросся должным образом, но ему удалось восстановить три своих зуба. Последнее, что я слышал, это что его приговорили к четырем годам в Философском Камне за жестокое и, как многие говорили, ничем не спровоцированное нападение на странствующего менестреля.

позеленело. Затем он бесшумно приземлился на землю и вернулся в конюшню как раз вовремя, чтобы увидеть, как Мия оседлала Рыцаря с помощью нескольких украденных кубиков сахара.

Юноша помог ей вывести фыркающего жеребца из конюшни. Мия была низенькой, а породистый конь – огромным, поэтому запрыгивать в седло пришлось с разбега. Взявшись на мерина, она заметила зеленоватый оттенок кожи Трика и поинтересовалась:

– Что-то не так?

– Что, бездна их побери, происходит в той башне?

– Казус.

– Что?..

– Три сушеных бутона лиизианской ежевики, треть чашки экстракта мелассы и щепотка сушеного древесного корня. – Она пожала плечами. – Казус. Также известный как «бич ассенизатора».

Трик уставился на нее.

– Ты отравила целый гарнизон?

– Ну, строго говоря, их отравил Жирный Данио. Он подавал ужин. Я лишь добавила специй. – Мия улыбнулась. – Это не смертельно. Они просто немного страдают от... кишечного расстройства.

– Немного? – Юноша бросил испуганный взгляд на башню, представляя стоны и размазанные ужасы, спрятанные внутри. – Слушай, не обижайся, но в будущем готовить буду только я, лады?

– Как скажешь.

Мия бросила взгляд на пустыню за границей Последней Надежды и, отсалютовав гарнизонной башне, ударила пятками Рыцаря по бокам. Увы, вместо того чтобы лихо помчаться навстречу горизонту, девушка подлетела в воздух, и ее короткий полет закончился приземлением прямо в кучу мусора на обочине дороги. Она перекатилась в грязи, потирая зад, и окинула ржущего жеребца уничижительным взглядом.

– Вот ублюдок! – прошипела Мия.

Затем посмотрела на Мистера Добряка, сидящего рядом.

– Ни. Одного. Гребаного. Слова.

– ...Мяу...

Дверь гарнизонной башни распахнулась от резкого удара. На улицу, пошатываясь, вышел оскверненный центурион Винченцо Гарибальди, придерживая рукой расстегнутые штаны.

– Воры! – простонал он.

С сомнительным достоинством центурион люминатов вытащил свой меч. Сталь засияла ярче, чем солнца в небе. От одного его слова по краю лезвия запылали язычки пламени, и мужчина поплелся вперед с лицом, искаженным от праведного гнева.

– Именем Света, остановитесь!

– Ради персиков Трелен, уходим!

Трик запрыгнул в седло Рыцаря и перекинул Мию перед собой, как мешок с изрыгающей ругательства картошкой. А затем, после еще одного удара в бока острыми каблуками, жеребец поскакал, унося парочку прочь, навстречу неминуемой гибели³³.

³³ Ашкахская империя управляла миром около семи веков; период, который рассматривается учеными как выдающаяся эпоха достижений науки и темных искусств. Ашках был обществом колдунов, чьи дерзкие начинания в области магии – или механики, или подставьте любой другой термин, который придется вам по вкусу, – не только затмили слабые чаротворные обряды лиизианских волхвов, но и изменили форму самой реальности. К сожалению, как это часто бывает, когда смертные балуются с материями, сотканными самими богами, в конечном итоге кто-то или *что*-то непременно получает за это по носу. Ни один смертный ученый не может назвать точной причины падения Ашках. Многие считают, что империю стер с карты мира сам Аа. Другие утверждают, что магия ашкахских колдунов привлекла внимание существ, древнее самих богов, – безымянных чудовищ за гранью Вселенной и здравого смысла, которые поглотили империю, как черниломан после трехпеременного запоя. А есть и такие, кто говорит, что кто-то из колдунов просто облажался. Очень, ОЧЕНЬ сильно.

Отъехав на приличное расстояние, пара сделала крюк, чтобы забрать жеребца Трика – высокого каштанового коня с необъяснимым именем Цветочек, – прежде чем помчаться в пустыню. «Бич ассенизатора» сделал свою работу; погоня гарнизона Последней Надежды длилась недолго и была очень беспорядочной. Вскоре их преследователи исчезли из виду, и Мия с Триком замедлились до рыси.

Пустыня Шепота, как ее называли, была пустошью, ничего мрачнее которой Мия еще не видывала. Горизонт, иссушенный ветрами, наполненными едва слышными голосами, покрывался коркой, как потрескавшиеся губы нищего. Второе солнце, целующее небо, как правило, предзнаменовало начало холодной зимы в Итрее, но здесь царила жгучая жара. Мистер Добряк, свернувшись в тени Мии, чувствовал себя таким же несчастным, как его хозяйка. Надвинув (украденную, а затем оплаченную) треуголку на лоб, девушка осматривала дорогу впереди.

– Скорее всего, церковники гнездятся на возвышении, – начал Трик. – Предлагаю начать с тех гор на севере, а потом свернуть на восток. После этого, вероятно, нас иссушат до смерти пыльные призраки или съедят песчаные кракены, так что нашим скелетам будет все равно, где им гнить.

Ублюдок слегка взбрыкнул, и Мия выругалась. Ее ноги болели от долгого сидения в седле, а зад готов был помахать белым флагом. Она указала на обломок одинокой скалы в десяти милях от них.

– Туда.

– При всем уважении, Бледная Дочь, я сомневаюсь, что величайший анклав убийц в этом мире расположился в такой близости к вонючим свинофермам Последней Надежды.

– Согласна. Но мне кажется, что нам стоит разбить лагерь. Похоже, поблизости есть родник. И могу поспорить, что сверху открывается хороший вид на Последнюю Надежду и пустыню.

– Мне казалось, мы следовали за моим чутьем?

– Я предложила это лишь в интересах того, кто может нас слышать.

– Слышать?

– Мы же сошлись на том, что это испытание, верно? Что Красная Церковь проверяет нас?

– Да, – двеймерец медленно кивнул. – Но в этом нет ничего удивительного. Твой шахид ведь готовил тебя к предстоящим испытаниям?

Мия резко дернула за поводья, когда Ублюдок попытался развернуться в пятый раз за пять минут.

– Старик Меркурио обожал устраивать проверки на прочность, – ответила она. – Каждая минута могла быть неким замаскированным испытанием³⁴. Но дело в том, что он никогда не давал мне задач, с которыми я не могла бы справиться. Вряд ли Церковь чем-то отличается. Итак, какова наша единственная подсказка? Какая часть головоломки стала общей для нас?

– Последняя Надежда...

– Именно. Я сомневаюсь, что Церковь самодостаточна. Даже если они выращивают кое-что для пропитания сами, они нуждаются и в других припасах. Я копалась в трюмах «Кавалера» и обнаружила там товары, которые без надобности выродкам Последней Надежды. Думаю, у Церкви есть тут последователи. Может, они приглядывают за желающими вступить

³⁴ Меркурио называл эти испытания «охотой за сокровищами», и хоть они варьировались по степени трудности и опасности для жизни и конечностей, злключения Мии почти всегда начинались одинаково: она просыпалась с головной болью в незнакомой обстановке. Однажды, после урока по основам магнетизма, она очнулась в крошечной тьме городской канализации с одной лишь железной шпилькой и кусочком мела в качестве вспомогательных средств для поиска выхода. После шести месяцев обучения древнеашкахскому языку Мия проснулась на глубине пяти миль в некрополе Годсгрейва, чтобы обнаружить наполовину заполненный бурдюк воды и указания, как найти выход, написанные на ашкахском. Естественно, хоть Меркурио и называл это «охотой за сокровищами», единственной наградой, которую можно было заполучить после пройденного испытания, было «продолжение существования». Тем не менее это помогало ученику стать необычайно самоотверженным.

в их ряды, но, что важнее, они доставляют товары в крепость Церкви. Все, что нам нужно, это найти навьюченный караван, направляющийся в пустыню. И проследить за ним.

Трик осмотрел девушку с головы до ног и слабо улыбнулся.

– Мудрая Бледная Дочь.

– Не бойтесь, дон Трик. Я не позволю этому...

Двеймерец поднял руку и резко остановил Цветочка. Затем прищуренно посмотрел на бесплодные окрестности, сморщил нос и принялся к шепчущему пустынному воздуху.

– Что такое? – Мия схватилась за свой кинжал из могильной кости.

Трик покачал головой, закрыл глаза и выдохнул.

– Незнакомый запах. Напоминает... старую кожу и мертв...

Ублюдок фыркнул и поднялся на дыбы. Мия вцепилась в седло и выругалась, как вдруг красный песок вокруг них взорвался, и из земли вырвалась дюжина шупалец. Шесть метров в длину, усеянные хваткими зазубренными когтями: они выглядели такими же иссушенными, как внутренности иглы черниломана.

Ублюдок испуганно заржал, когда один из кожистых отростков обвился вокруг его передней ноги, а второй сжал шею хваткой палача. Жеребец боролся, плюясь и брыкаясь, как дикое животное. Мия вновь взмыла вверх, перелетела через голову Ублюдка и покатилась к обладателю щупалец, вылезающему из песка и разевающему отвратительную крючковатую пасть. Воздух зазвенел от свистящего, гортанного *ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-шипения*.

– Песчаный кракен! – взревел Трик, хотя в этом не было особой нужды³⁵.

Мия достала стилет и ранила шупальце, пытавшееся убрать ее с дороги. Брызнула маслянистая кровь, и земля задрожала от громоподобного рева. Мия прокатилась между двумя смертоносными конечностями, увернулась от третьей и с одышкой пригнулась, занимая боевую позицию. Мистер Добряк выступил из ее тени, глядя на воцарившийся ужас, и тихо невздыхнул.

– ...Симпатяга...

Трик вытащил ятаган, прыгнул со спины своего жеребца и замахнулся на шупальце, обвившееся вокруг ноги Ублюдка. Со звуком, напоминавшим удар засаленного хлыста, зверь вновь громко заревел, глядя на свой искалеченный отросток. Его глаза стали круглыми, как блюдца, пыльные жабры вздулись. Отрезанная конечность извивалась по земле, обрызгивая Трика вонючей сукровицей. Ублюдок опять заржал от страха, на его шее показалась кровь там, где ее сдавливало шупальце.

– Отпусти его! – закричала Мия, атакуя другой отросток.

– Отойди! – рявкнул на нее Трик.

– Отойти? Ты свихнулся?

– А ты? – Трик указал на ее кинжал. – Думаешь убить песчаного кракена своей зубочисткой? Пусть сожрет коня!

³⁵ Вопреки тому, что те безумные ученые, которым хватило духу изучать сверххищников ашхахской пустыни, называют их «песчаными кракенами», фактически они не являются головоногими. Кракены плавают в песке с той же легкостью, с какой их морские «родичи» – в воде, фильтруя кислород в земле с помощью специальных жабр. Питаются всем, что обладает средней скоростью бега, и славятся характером, которые многие описали бы как «несговорчивый». Признанный эксперт в их изучении, Луресман Карло Рибизи, выдвинул теорию, что эти существа своего рода пустынные черви, мутировавшие благодаря магическим загрязнителям с руин Ашхахской империи. Рибизи утверждал, что чудища обладают интеллектом уровня собаки и, чтобы доказать свою теорию, поймал младенца песочного кракена, привез его в Великую Коллегию Годсгрёйва и попытался обучить простейшим командам. Рибизи построил каменные лабиринты, наполнил их землей и выпустил чудовище (которое назвал Альфи в честь любимого семейного питомца) на волю. Если Альфи успешно проходил лабиринт, то награждался пищей. Когда он подрос (при последнем зафиксированном измерении он был почти два метра в высоту), Рибизи соорудил более сложные модели лабиринта, добавив препятствия в виде зашелок и калиток, чтобы доказать растущий интеллект зверя. К сожалению, одной ночью Альфи, использовав эти знания, сбежал из своей тюрьмы и погубил большую часть зоологического факультета, включая очень разочарованного Рибизи, прежде чем был уничтожен сильно озадаченными люминатами. После этого случая правила о содержании диких животных на территории Коллегии значительно ужесточились.

– В бездну! Я только что украла этого гребаного жеребца!

Проделав обманный маневр, Мия ударила по очередной когтистой конечности и пустила свежую кровь. Тварь замахала щупальцами и размазала недовольного Трика по песку. Девушка сжала кулаки, спешно окутывая себя тенью, чтобы избежать подобной участи. Эти когти выглядели достаточно острыми, чтобы продырявить боевого ходока³⁶.

Сильно раздосадованный этими маленькими тьюфьями, набитыми мясом, и их острыми палочками, кракен по большей части сосредоточился на том, чтобы затащить свой породистый ужин – который, несомненно, теперь сокрушался, что был украден, даже больше, чем раньше, – под песок. Но когда Мия укуталась во тьму, чудовище издало оглушительный рев и вновь выскочило из земли, размахивая щупальцами во все стороны. Казалось, Мия окончательно его разозлила.

Трик выплюнул песок изо рта и выкрикнул предупреждение, пытаясь разрубить очередную конечность. Похоже, от тенистого плаща не было никакого проку – под ним Мия почти ослепла, а зверь все равно ее видел. Она позволила тенью упасть со своих плеч, прыгнула к стонущему коню и покатила по пыли. Девушка извивалась между лесом когтей и отростков под звуки свистящего шипения щупалец в воздухе, чувствуя волну почти неминуемых ударов, которые чудом не задевали лицо и горло. В этой буре она не знала настоящего страха. Просто увиливала и пригибалась, скользила и перекачивалась. Танец, которому научил ее Меркурию. Танец, которым она жила почти каждую перемену с тех пор, как ее отец совершил длинный прыжок с короткой веревкой.

Кувырок в пыли, переворот назад. Она прыгала между щупальцами, как дитя между дюжиной скакалок. Мия глянула на распахнутый клюв чудовища, чье щелканье и рычание заглушало ржание Ублюдка, прислушалась к скрежету огромной туши, вылезавшей из песка. Пыль царапала ей легкие, в воздухе витал запах влажной смерти и соленой кожи. Вдруг Мию осенило, и на ее губах заиграла улыбка. Резко рванув вперед и перепрыгнув через одно, два, три извивающихся отростка, девушка вскочила на спину жеребца.

– Зубы Пасти, она и вправду свихнулась... – выдохнул Трик.

Конь снова взбрыкнул, но Мия цеплялась за него ногами, руками и несокрушимой решимостью. Потянувшись к седельным мешкам, она схватила тяжелую банку с красным порошком. А затем, сделав глубокий вдох, замахнулась и кинула ее в пасть кракену.

Банка разбилась о клюв существа, и осколки вперемишку с порошком посыпались прямо в глотку. Мия скатилась со спины Ублюдка, чтобы избежать нового удара, и поползла по песку. Воздух пронзил мучительный вой. Кракен отпустил жеребца и начал царапать и раздирать себе рот. Трик еще раз неуверенно пронзил его ятаганом, но зверь совершенно позабыл о своей добыче. Его большие глаза закатились, и он начал вертеться на песке, закапываясь глубже и глубже, завывая, как пес, вернувшийся домой после трудного рабочего дня, чтобы обнаружить в своей конуре другую псину, курящую его сигариллы в постели с его женой.

Мия поднялась на ноги, песок бурлил от дерганья кракена. Смахнув с глаз влажную от пота челку, улыбнулась, как безумная. Трик стоял с отвисшей челюстью, окровавленный ятаган вяло болтался в его руке, лицо было перепачкано в пыли.

³⁶ Несмотря на то, что в Годсгрейве имеется с десяток боевых ходоков, этих механических гигантов Железной Коллегии держат незаправленными и неукomплектованными и используют лишь в случае крайней необходимости. Благодаря итрейской военной мощи и географическому положению Годсгрейва, на который можно напасть только с моря, присутствие машин в городе по большей части является формальным. За последние сорок настоящих ночей столичных боевых ходоков пускали в дело ровно два раза. Первый – во время свержения короля Франциско XV. Когда новости о восстании разошлись, преданные монархии легионеры попытались взять дворец штурмом и спасти короля от нападавших. Пилоты-лоялисты (строгая церемониальная должность в тот период) сдались сразу же, как узнали, что Франциско и вся его семья уже мертвы. Во втором случае все началось с трех бутылок золотого вина и пьяного хвастовства перед потенциальной возлюбленной, которое переросло в неловкое столкновение с шестым Ребром (переломившимся у основания и упавшим в море) и закончилось быстрым судом и еще более быстрым распятием молодого человека. И это при том, что дама не проявила к нему особого интереса...

– Что это было? – изумленно поинтересовался он.

– Ну, строго говоря, они не головоногие...

– Нет, я о том, что ты кинула ему в пасть.

Мия пожала плечами.

– Банку с «вдоводелом» Жирного Данио.

Трик моргнул пару раз.

– Ты только что одолела кошмар Пустыни Шепота банкой с молотым чили?

Мия кивнула.

– Обидно. Он действительно вкусный, а я украла лишь одну банку.

На минуту в пустыне воцарилась звенящая, недоверчивая тишина, наполненная фальшивой песней изматывающих ветров. А затем юноша разразился хохотом, и его грязное лицо озарилось белоснежной, как кость, улыбкой, и на щеках появились ямочки. Вытерев глаза, он смахнул капли темной крови с ятагана и ушел за Цветочком. Мия повернулась к своему украденному жеребцу, поднимающемуся с песка; его шея и передние ноги были залиты кровью. Девушка, пытаясь уговорить коня, обратилась к нему успокаивающим тоном, несмотря на то, что у нее в горле пересохло от пыли.

– Ты цел, мальчик?

Мия медленно подошла к нему с вытянутой рукой. Животное пережило огромное потрясение, но через пару перемен отдыха в их наблюдательном пункте он поправится и, если повезет, проявит к ней большее расположение – теперь, когда она спасла ему жизнь. Мия уверенно погладила его по бокам, потянулась к седельным мешочкам за...

– Дерьмо!

Девушка взвизгнула: жеребец так сильно укусил ее за руку, что остались кровавые отметины. Конь откинул голову, и его ржание до боли напомнило хихиканье³⁷. Взмахнув гривой, он ковыляющей трусцой поскакал по направлению к Последней Надежде, оставляя за собой кровавые отпечатки копыт.

– Стой! – закричала Мия. – Стой!

– Ты действительно ему не нравишься, – заметил Трик.

– Благодарю, дон Трик. Когда закончишь петь свою Оду Очевидности, возможно, ты окажешь мне честь и догонишь коня, свалившего со всеми моими гребаными вещами?!

Юноша ухмыльнулся, запрыгнул на Цветочка и помчался в погоню. Мия прижала к себе раненую руку, прислушиваясь к слабому, принесенному ветром, смеху кота, который не был котом.

Сплюнула в песок, глядя на отдаляющегося жеребца, и прошипела:

– Ублюдок...

Трик вернулся спустя полчаса, ведя за собой прихрамывающего Ублюдка. Воссоединившись, они с Мией побрели по пустыне к небольшой скале, которая должна была послужить им наблюдательным пунктом. Они постоянно следили, не шевелится ли что-то под песком; двеймерец принюхивался, как ищейка, но никто больше не поднимал свои щупальца (или другие отростки), чтобы стать преградой на их пути.

Ублюдку и Цветочку разрешили пожевать небольшие островки травы, окружающие скалу, – конь Трика с радостью взялся за дело, а вот Ублюдок просто смерил Мию уничижительным взглядом животного, привыкшего есть свежий овес в каждый прием пищи. Он дважды пытался укусить девушку, пока та его привязывала, из-за чего Мия выбрала новую тактику и демонстративно погладила Цветочка (хотя он ей тоже не особо нравился), а также скормила

³⁷ Если хоть один конь, рожденный при свете Аа, и был способен на смех, то это Ублюдок.

ему пару сахарных кусков из седельных мешков. Единственным лакомством для украденного жеребца стал самый грубый жест, который Мия могла изобразить³⁸.

– Почему ты назвал своего коня Цветочком? – спросила девушка, когда они с Триком готовились к подъему.

– А что не так?

– Ну, большинство мужчин дают своим коням более... мужественные прозвища, вот и все.

– Легенда, Принц и все такое прочее.

– Однажды я встретила коня, которого звали Громобоем, – она подняла руку. – Клянусь светом.

– Мне это кажется глупым, – юноша шмыгнул. – Выдавать подобные сведения за просто так.

– В смысле?

– Ну, если называешь коня Легендой, ты даешь людям знать, что считаешь себя неким сказочным героем. Если называешь Громобоем... Дочери, с тем же успехом можно повесить себе на шею табличку «У меня горошинка вместо члена».

Мия улыбнулась.

– Поверю тебе на слово.

– То же самое с парнями, которые называют свой меч Душегубом или Череполомом и так далее, – Трик собрал дреды в неряшливый пучок на голове. – Все они просто придурки.

– Если бы я хотела дать имя своему клинку, – задумчиво начала Мия, – то прозвала бы его Пушистиком.

Трик хрюкнул от смеха.

– Пушистиком?

– Бездна, конечно! – девушка закивала. – Только представь, какой страх бы он внушал. Одно дело, если тебя одолел противник, владеющий мечом по имени Душегуб... с этим еще можно жить. Но до чего будет стыдно, если из тебя выбьют все дерьмо клинком по имени Пушистик.

– Ну, вот и я о том же. Имена многое рассказывают о тех, кто их дает. Может, я не хочу, чтобы люди знали, кто я такой. Может, мне нравится, когда меня недооценивают. – Двеймерец пожал плечами. – Или же я просто люблю цветочки...

Мия не могла сдержать улыбки, пока они поднимались по обломанному утесу. Оба взбились без крюков и веревок – подобная глупость распространена среди молодых, видимо,

³⁸ Известный как «костяшки», этот жест подразумевал собой поднятие кулака с указательным пальцем и мизинцем, оттопыренными так далеко, как позволяли суставы. Жест берет начало со времен битвы Алых Песков, в которой король Франциско I Итрейский, также величаемый Великим Объединителем, одолел последнего лиизианского короля волхвов, Люциуса Всемогущего. После поражения Люциуса предполагалось, что лиизианское сопротивление итрейскому правлению наконец прекратится. Итрейская оккупация завоеванных территорий была столь же изобретательна, сколь коварна: небольшая группа костеродных администраторов заполняла собой вакуум, образовавшийся благодаря уничтожению правящего класса, и, путем принуждения и взяточничества, учреждала новую элиту, связанную напрямую с Итреей. Местные сыны отправлялись в Годстрейв на обучение, а итрейские дочери выходили замуж за местных мужчин, и богатство перетекало в нужные карманы. Через несколько поколений побежденные задавались вопросом, почему они вообще оказывали сопротивление. Но с Лиизом все сложилось иначе, дорогие друзья. После смерти Люциуса в лиизианскую столицу, Элай, отправили гарнизон люминатов, чтобы они присматривали за тем, как идет процесс «ассимиляции». Все шло хорошо, пока кадры элитных войск, преданных памяти Люциуса, не организовали нападение во время банкета во дворце бывшего короля волхвов. Итрейская элита и гарнизон люминатов были захвачены, сторонники Люциуса построили их в ряд и, одного за другим, кастрировали раскаленным клинком. Позже пленников освободили, а элитные силы лиизианцев забаррикадировались во дворце, ожидая неизбежного возмездия. Продлившись больше шести месяцев, осада Элая стала легендой. Она гласила, что сторонники Люциуса ходили по дворцовым зубчатым стенам, держа кулаки поднятыми, с указательным пальцем и мизинцем, оттопыренными так далеко, как позволяли суставы, – издевательский жест, который должен был напомнить атакующим итрейцам, что повстанцы все еще обладали своими... причиндалами, в то время как итрейское достоинство скормили собакам. Несмотря на то, что в конечном итоге сторонники Люциуса победили, «костяшки» вошли в широкое употребление у граждан республики: издевательский жест служил демонстрацией превосходства над лишенным чести противником.

считающих себя бессмертными. Их наблюдательный пункт находился на высоте тридцать метров, и когда парочка добралась до вершины, то совсем выбилась из сил. Но, как Мия и предполагала, со скалы открывался великолепный вид; перед ними простиралась вся пустыня. Саан направлял на них свой беспощадный жаркий взгляд. Мия задумалась, насколько же невыносимой станет жара во время истиносвета, когда небеса опалят все три солнца.

– Хороший обзор, – кивнул Трик. – Если в Последней Надежде кто-нибудь чихнет, мы это увидим.

Мия, столкнув камешек со скалы, наблюдала, как он падает в пустоту. Затем села на валун, закинув ноги на другой камень, и приняла позу, от которой донну Корвере бы передернуло. Девушка достала из-за пояса тонкий серебряный портсигар с выгравированными на крышке вороной и скрещенными мечами семьи Корвере. Зажав сигариллу между губ, протянула его Трику. Юноша взял портсигар, сел напротив и наморщил нос, рассматривая надпись на обратной стороне.

– «Не диис лус’а, лус диис’а», – пробормотал он. – Мой лиизианский ужасен. Что-то про кровь?

– Когда все – кровь, кровь – это все. – Мия зажгла сигариллу и довольно затянулась. – Семейный девиз.

– Это фамильная вещица? – Трик обвел герб пальцем. – Я-то думал, ты ее украла.

– Что, не похожа на костеродную?

– Я не знаю, на кого ты похожа. Но на какую-то сопливаю девчонку, сидящую на шее у родителей? Вот уж нет.

– Вам нужно поработать над комплиментами, дон Трик.

Двеймерец наступил на ее тень с ничего не выражающим взглядом. Затем покосился на не-кота, ошивающегося за спиной девушки. Мистер Добряк беззвучно посмотрел в ответ. Когда Трик заговорил, в его голосе слышался нескрываемый трепет:

– Я много чего слышал о таких, как ты. Но никогда не встречал. Не думал, что когда-нибудь доведется.

– Таких, как я?

– О даркинах.

Мия выдохнула дым и прищурилась. Затем потянулась к Мистеру Добряку, словно хотела погладить его, но ее пальцы прошли сквозь него, как сквозь туман. Если честно, людей, которые видели, как она использует свой дар, и выжили после этого, почти не осталось. Жители республики боялись того, чего не понимали, и ненавидели то, чего боялись. Тем не менее юноша выглядел скорее заинтригованным, нежели напуганным. Осмотрев его с ног до головы – этого двеймерца-полуростка с татуировками островитянина и именем жителя материка, – она поняла, что он тоже чужак. И в ту же секунду внезапно ощутила радость от того, что именно он составил ей компанию в этом странном и пыльном путешествии.

– И что же вам известно о даркинах, дон Трик?

– Народные рассказы. Хрень всякая. Что вы крадете младенцев из колыбелей, растлеваете девственниц и прочая гниль. – Юноша пожал плечами. – До меня доходили слухи, что пару лет назад даркин напал на Гранд Базилику. Перебил целую кучу легионеров.

– А-а, – Мия спрятала улыбку, выпустив облачко дыма. – Резня в истинотьму.

– Наверняка очередная брехня, которую они состряпали, чтобы поднять налоги.

– Наверняка, – Мия кивнула на свою тень. – И все же тебя это не смущает.

– Я знавал гадалку, которая могла предсказывать будущее по внутренностям животных. Встречал аркимика, который создавал пламя из пыли и убивал людей одним дыханием. Как по мне, игра с тьмой – это просто очередной вид грязного чудотворства. – Он взглянул на безоблачное небо. – Да и в стране, где солнца почти никогда не заходят, от этого дара мало проку.

– ... *Чем ярче свет, тем гуще тени...*

Трик удивленно посмотрел на не-кота – он определенно не ожидал, что тот заговорит. Юноша настороженно наблюдал за ним какое-то время, словно у того вот-вот появятся несколько голов, выдыхающих черное пламя. Поскольку головы так и не показались, двеймерец вновь повернулся к Мие.

– Как тебе достался этот дар? От мамы, папы?

– Не знаю... Я никогда не встречала других даркинов, чтобы спросить. Мой шахид говорил, что меня коснулась сама Мать. Что бы это ни значило. Он-то точно не знал.

Трик пожал плечами и провел большим пальцем по гербу на портсигаре.

– Если мне не изменяет память, пару настоящих ночей назад семья Корвере была замешана в каком-то неприятном деле. Что-то насчет царетворства?

– Никогда не отводи взгляд. Никогда не бойся, – Мия вздохнула. – И никогда, никогда не забывай.

– Итак, я начинаю видеть картину целиком. Последняя дочь опальной семьи. Направляется в лучшую школу убийц во всей республике. Задумала свести счеты после выпуска?

– Вы же не собираетесь читать мне мораль о тщетности возмездия, правда, дон Трик? Я ведь только начала проникаться к вам теплотой.

– О нет, – Трик улыбнулся. – Я понимаю, что такое жажда возмездия. Но, учитывая ошибки, которые ты настроена исправить, полагаю, по твоим целям будет нелегко ударить.

– Одна уже поражена, – она похлопала по мешочку с зубами. – Остались еще три.

– У этих ходячих трупов есть имена?

– Первый – Франческо Дуомо.

– *Тот самый* Франческо Дуомо? Великий кардинал Церкви Света?

– Именно.

– Бездна и кровь...

– Второй – Марк Рем. Судья легиона люминатов.

– И третий?..

В глазах Мии заблестел свет от Саана, длинная черная прядь волос прилипла к краю губ. Тени вокруг нее заколыхались, как волны океана, покрываясь рябью у ног Трика. В два раза темнее, чем должны быть. Почти такие же мрачные, как ее настроение.

– Консул Юлий Скаева.

– Четыре Дочери, – ахнул Трик. – Поэтому ты хочешь обучаться в Церкви!

Мия кивнула.

– При большой удаче острый нож сможет пронзить Дуомо или Рема. Но Скаеву не прикончишь какой-то заточенной палочкой. Не после Резни. Он даже в койку не ложится, пока legionеры не прощупают его простыни.

– Трижды избранный консул итрейского Сената, – двеймерец вздохнул. – Главный аркимик. Самый могущественный человек во всей республике. – Покачал головой. – Умеешь ты создавать себе проблемы, Бледная Дочь.

– О да. Он опасен, как мешок черных гадюк, – кивнула девушка. – Даже не сомневайся, он та еще манда.

Юноша поднял брови и слегка приоткрыл рот.

Мия насупленно встретила его взгляд.

– Что?

– Мама говорила, что это плохое слово, – Трик нахмурился. – Очень плохое. Мне запретили его произносить. Особенно в присутствии донны.

– Ой, да что ты, – Мия снова затянулась сигариллой и сощурила глаза. – И почему же?

– Не знаю, – пробормотал Трик. – Просто она так сказала.

Девушка покачала головой, кривая челка упала на глаза.

– Знаешь, я никогда этого не понимала. Почему, если тебя обзывают женской промежностью, – это обиднее, чем какое-либо другое ругательство? Как по мне, когда тебя обзывают мужским причиндалом, это куда хуже. К примеру, что ты думаешь, когда слышишь, как какого-то паренька кличут «елдой»?

Трик пожал плечами, озадаченный таким поворотом в разговоре.

– Ты думаешь, что он олух, не так ли? – продолжила Мия. – Что в нем столько дерьма, что места для мозгов не осталось. Тупоголовый ублюдок, который думает только о дрочке и совершенно не понимает, как он выглядит в глазах других.

В воздухе между ними повисло серое облачко дыма с гвоздичным ароматом.

– «Елда» – это то же самое, что и «дурак». Но если назвать кого-то мандой, что ж... – девушка улыбнулась. – В этом слове ощущается злоба. Намеренная. Яростная и осознанная. Не думай, что, называя консула Скаеву мандой, я пытаюсь его оскорбить. Это значит, я признаю, что у него есть мозги. Есть острые зубки. Если кто-то назовет тебя мандой, считай это комплиментом. Знаком того, что люди думают, что с тобой опасно связываться. – Пожала плечами. – Кажется, это называют иронией.

Мия шмыгнула носом, глядя на простирающуюся перед ними пустыню.

– По правде говоря, между нашими половыми органами нет особой разницы. Помимо очевидной, конечно же. Что один, что другой не придадут нам большего или меньшего значения. Почему то, что у меня между ног, должно считаться умнее или глупее, лучше или хуже? Это всего лишь плоть, дон Трик. В конце концов она станет пищей для червей. Прямо как Дуомо, Рем и Скаева.

Последняя затяжка, долгая и щедрая, словно она вытягивала саму жизнь из этой сигариллы.

– Но я бы все равно предпочла, чтобы меня называли мандой, а не елдой.

Девушка выдохнула дым и затушила сигариллу носком ботинка.

Сплюнула в ветер.

И, вот так просто, наш юный Трик влюбился.

Глава 6

Пыль

Когда Мие было пять, мама подарила ей коробку-головоломку – деревянный куб с подвижными деталями, которые, если их выстроить правильно, откроют настоящий подарок, спрятанный внутри. Это был лучший подарок на Великое Подношение, который она когда-либо получала³⁹.

Сначала Мие это показалось жестоким. Пока остальные костеродные дети играли с новыми куклами или деревянными мечами, она сидела с проклятой коробкой, которая просто отказывалась открываться! Она бросала ее об стену, но это не принесло никакой пользы. Плакала на коленях у отца, считая это нечестным, но тот лишь улыбался. А когда обремененная Мия пришла к донне Корвере и потребовала объяснений, почему ей просто не подарили красивую ленту для волос или новое платье вместо этой убогой вещицы, мама присела и посмотрела дочери в глаза.

– Твой разум послужит тебе лучше любой безделушки, – сказала она. – Это оружие, Мия. И, как с любым оружием, ты должна учиться, чтобы хорошо им овладеть.

– Но, мама...

– Нет, Мия Корвере. С красотой рождаются, а вот мозги нужно заслужить.

Поэтому Мия взяла коробку и вернулась с ней на диван. Прожигала ее взглядом. Смотрела на нее до тех пор, пока та не стала являться во снах. Вертела, крутила и осыпала всеми ругательствами, которые только слышала от отца. Но через два, полных раздражения, месяца она нашла верное место для последней детали и услышала чудесный звук.

Щелчок.

Крышка открылась, и внутри девочка нашла брошь – ворону с крошечными янтарными глазами. Символ ее семьи. Ворона Корвере. На следующую перемену она надела ее к завтраку. Мать просто улыбнулась, но не произнесла ни слова. Мия сохранила коробку; спустя все Великие Подношения, спустя все головоломки, которые дарили ей родители, эта оставалась ее любимой. После казни отца и ареста матери она оставила коробку и частичку девочки, которая ее любила, позади.

Но саму брошь взяла с собой. Ее и свою любовь к головоломкам.

Мия проснулась рядом с кучей мусора в пустынном проулке где-то на задворках Годсгрейва. Потерев глаза после сна, почувствовала урчание в животе. Девочка понимала, что слуги консула до сих пор ее ищут, и что Скаева отправит подкрепление, если узнает, что им не удалось ее утопить. У нее не было ни дома. Ни друзей. Ни денег, ни еды.

Ей было больно, одиноко и страшно. Она скучала по матери. По младшему брату Йонену. По мягкой кровати, теплой одежде и своему коту. При воспоминании о его изувеченном тельце, брошенном на пол, глаза девочки наполнились слезами, а мысль о человеке, который его убил, заставила ее сердце наполниться ненавистью.

– Бедный Капитан Лужица...

– ...Мяу... – раздалось рядом.

³⁹ Великим Подношением отмечается (приблизительная) срединная отметка между следующей и прошлой истинотьмой – это один из священных праздников Аа, в который близкие люди традиционно дарят друг другу подарки. Первое Великое Подношение отмечалось в ту перемену, когда Аа подарил своим дочерям власть над стихиями. Цане, старшенькой, он подарил царствование над огнем. Кеф – над землей, Трелен – над океанами, а Налипсе – над бурями. В ответ дочери подарили отцу свою любовь и покорность. Говорят, Ная ничего не преподнесла дочерям, так как у Пасти ничего и не осталось. Но это ложь, сплетенная духовенством церкви Аа. Кеф Ная подарила сны, чтобы те составили ей компанию в вечной дремоте. Трелен подарила загадку – темную глубину вод за пределами солнечного света. Налипсе мать даровала спокойствие; мир в центре бури. А Цане? Старшей дочери, которая так ее презирала? Цане, Богине Огня, Ная подарила голод. Неутолимый голод.

Девочка повернулась на звук, убирая угольные пряди волос от мокрых ресниц. И там, на мостовой, среди очисток, гнили и грязи, сидел кот.

Не ее кот, это уж точно. О, он был черным, как истинотьма, прямо как добрый Капитан. Но при этом плоским, как бумага, и полупрозрачным, словно кто-то вырезал силуэт кота из самой тени. Несмотря на то, что теперь он принял форму, вместо отсутствия каких-либо очертаний, Мия все равно узнала своего друга. Того, кто помог ей, когда никто другой в мире не был на это способен.

– Мистер Добряк?

– ...Мяу...

Она протянула к существу руку, желая его погладить, но та прошла сквозь кота, как через струйку дыма. Вглядываясь в его черноту, она уловила уже знакомое ощущение – ее страх вытекал из тела, как яд из раны, оставляя девочку суровой и бесстрашной. И тогда она поняла: хоть у нее нет ни брата, ни мамы, ни отца, ни семьи, она все равно не одинока.

– Все хорошо, – кивнула Мия.

Сперва еда. У нее не было денег, зато имелись стилет и брошь, прикрепленная к (поразительно грязному) платью. Клинок из могильной кости стоил целое состояние, но ей было жалко продавать свое единственное оружие. Однако она знала, что существуют люди, которые отстегнут монеты за драгоценное украшение. Деньги дадут ей возможность купить еду и заплатить за комнату, чтобы залечь на дно и продумать дальнейшие действия. Ей десять лет, мать в цепях, отец...

– ...Мяу... – снова отозвался Мистер Добряк.

– Верно, – кивнула она. – Всею свой черед.

Она даже не знала, в какой части Годсгрейва находится. Вся ее жизнь прошла в Хребте. Но в кабинете отца хранились карты города – висели на стенах рядом с его мечами и лаврами, – и она примерно помнила схему столицы. Лучше держаться подальше от кварталов костеродных и прятаться так глубоко, как только возможно, пока люди консула не прекратят преследование.

Когда девочка встала, Мистер Добряк перетек, как вода, в черноту у ее ног, и тень потемнела. Хотя подобное зрелище должно было ее напугать, Мия просто сделала глубокий вдох, расчесала волосы пальцами и шагнула из переулка прямо в хлюпающую кучку чего-то, что, как она надеялась, было грязью⁴⁰.

Ругаясь совершенно недопустимыми словами и вытирая подошвы о край мостовой, она увидела толпу разношерстных людей, проталкивающих вдоль тесной проезжей части. Рыжеволосые ваанианцы и голубоглазые итрейцы, высокие двеймерцы с татуировками из чернил левиафана и десятки рабов с архимическими метками о продаже, выжженных на щеках. Но вскоре Мия осознала, что большинство людей были лиизианцами: оливковая кожа и темные волосы. Витрины лавок украшал символ, который она узнала – помнила его еще со своих уроков с братом Крассом и с истинотемных месс в великих соборах, – три горящих переплетенных круга. Отражение трех солнц, странствующих по небесам. Глаза самого Аа.

Троица⁴¹.

⁴⁰ Это была не грязь. Увы.

⁴¹ Естественно, число три является сакральным в Итрее, и поклонение Всевидающему считается официальной религией республики. Тем не менее любопытно отметить, что даже в других регионах, где поклонение Аа было не столь распространенным, числу три все равно придавалось неимоверное культурное значение. Возьмите Лииз, к примеру. Еще до тех перемен, когда итрейские Железные Коллегии отправили своих боевых ходоков на Лииз и захватили его во имя Великого Объединителя, короля Франциско I, у лиизианцев был собственный пантеон богослужения – троица, состоящая из Отца, Матери и Ребенка. Дети, рожденные в третью перемену месяца, считались благословленными. Третий ребенок третьего ребенка третьего ребенка посвящался в лиизианское духовенство без исключения. И, наконец, поговаривали, что каждый лиизианский король обладал тремя яичками – знак их божественного права на царствование. Несмотря на то, что изначально этот факт оспаривался завистливыми коллегами-правителями, в конечном итоге король Франциско I нашел ему доказательство. Захватив последнего лии-

Мия догадалась, что находится в лиизианском квартале – Малом Лиизе, как его называли. Он был убогим и перенаселенным, в каждой крошащейся каменной кладке читалась нищета. Воды канала выходили за границы и затопливали нижние этажи зданий. От влаги палатки из красного кирпича ржавели до темно-коричневого цвета. К смраду воды примешивались ароматы пряных булочек и гвоздичного дыма. Мия прислушалась к песням на довольно странном языке – она не понимала слов, но в то же время они казались до боли знакомыми.

Стоило Миш нырнуть в поток людей, как она тут же попала в водоворот толчков и ударов. Такой натиск мог бы напугать девочку, которая провела всю жизнь под защитой Хребта, но уже во второй раз она обнаружила, что не чувствует ни капли страха. Ее толкали на протяжении всего пути, пока она шла по улице, которая перетекала в широкую площадь, обрамленную рядами лотков и лавок. Поднявшись по стопке пустых ящиков, Мия поняла, что оказалась на рынке. Воздух гудел от звуков кутерьмы и говора сотен людей, сверху за происходящим сердито наблюдали два жгучих солнца, а ветер разносил самый необыкновенный запах в ее жизни.

Мия не решилась бы описать его как зловоние – скорее вонь, приукрашенная несравненным парфюмом. Мальчик Лииз находился на юго-западе Годсгрейва, под Бедрами у залива Мясников, и был окружен скотобойнями и канализационными стоками. Смрад залива можно было сравнить с запахом, исходящим от вспоротого живота, покрытого лошадиным дерьмом и палеными человеческими волосами, который уже три перемены гнил под жаром истины.

Тем не менее это зловоние маскировалось запахом самого рынка. Теплым ароматом свежеспеченного хлеба, пирожных и сладких булочек. Терпким благоуханием садов на крышах. У Миш потекли слюнки, смешанные с желчью: часть девочки хотела съесть все, что попадалось на глаза, а другая часть задавалась вопросом, сможет ли она когда-либо снова есть.

Погладив брови на груди, она оглянулась в поисках торговца. Продавцов бездельюшек хватало с лихвой, но большинство из них походили на мошенников. На краю рынка, на пересечении двух крючковатых дорог, стоял горбатый, как бедняк, домик. Над его грустной дверцей раскачивалась на скрипящих петлях табличка.

«СУВЕНИРЫ МЕРКУРИО – ДИКОВИНКИ, РЕДКОСТИ И ЛУЧШИЙ АНТИКВАРИАТ».

Надпись на двери сообщала: «Бездельникам, оборванцам и верующим вход воспрещен».

Девочка посмотрела на дорогу, опустила взгляд на слишком темную тень у своих ног и спросила:

– Ну?

– ...Мяу... – ответил Мистер Добряк.

– И я так думаю.

Мия прыгнула с ящиков и направилась к лавке.

Густая кровь заляпала пол фургона, засыхала на руках Миш. Пыль летела в глаза, поднимаясь в воздух из-под копыт верблюдов. Бить животных хлыстом не понадобилось: они и без подначивания бежали со всей прыти. Поэтому она сосредоточилась на том, чтобы унять головную боль и уже знакомое желание многократно ударить Трика по лицу.

Юноша стоял в хвосте фургона и лупил по приспособлению, напоминавшему ксилофон, если бы тот был сделан из железных труб и издавал звуки, похожие на крики ослов, совокупляющихся на колокольне. Двеймерец был с ног до головы покрыт кровью и пылью; его идеально белые зубы были крепко сжаты, лицо исказилось в гримасе из уродливых татуировок и грязных алых пятен.

зианского короля Люциуса Всемогущего в битве Алых Песков, Великий Объединитель отрезал мошонку монарха собственным кинжалом и обнаружил три яичка, грустно смотрящих на него из мешочка. И хоть народ выразил признательность за то, что легенда подтвердилась, Люциус Всемогущий был очень недоволен методом проверки Франциско. Но не долго.

– Трик, заткни свою волынку! – прорычала Мия.

– Она отпугивает кракенов!

– Отпугивает кра-а-акенов... – простонала Наив, распластавшись в луже собственной крови.

– Ни хрена она не отпугивает! – рявкнула девушка.

Она посмотрела через плечо, просто на случай, если эта безбожная штука действительно отпугнула чудищ, мчавшихся за ними по пятам, но, увы, четыре туннеля бурлящего песка все еще преследовали их вплотную.

Ублюдок бежал рядом с фургоном, привязанный к нему поводьями. Жеребец злобно косился на Мию и время от времени обвинительно ржал в ее сторону.

– Ой, закройся! – крикнула она коню.

– ...*Ты и вправду ему не нравишься*... – прошептал Мистер Добряк.

– Своими замечаниями ты делу не поможешь!

– ...*А что поможет?*..

– Лучше объясни, как мы вляпались в это дерьмо!

Кот из теней наклонил голову, будто задумался. От пробирающего до костей рева чудовищ фургончик едва не распадался на части, подскакивая на дюнах, но Мистер Добряк оставался непоколебим. Он посмотрел на бугрящуюся Пустыню Шепота, на приближающийся зубчатый горизонт, на свою хозяйку. И заговорил таким тоном, каким обнажают безобразную, но необходимую истину:

– ...*В общем-то, это ты виновата*...

Вот уже две недели они сидели в засаде в своем наблюдательном пункте. Мия с Триком начали терять веру в правильность ее теории. Приближалась первая перемена Септимия – если очень скоро они не переступят порог Церкви, их не примут с паствой этого года. Они посменно следили за округой, чтобы было время отдохнуть, и иногда делали перерывы на болтовню. Обменивались историями о тех временах, когда были учениками, и делились профессиональным опытом. Мия редко упоминала о своей семье. Трик о своей вообще не говорил. Тем не менее он всегда ненадолго задерживался рядом с ней – даже если ему было нечего сказать, юноша просто сидел и с пару минут смотрел, как она читает.

В конце концов Ублюдок сдался и начал пощипывать траву у основания скалы, хоть и делал это с нескрываемым презрением. Мия часто ловила на себе его взгляд, будто он предпочел бы сожрать ее взамен.

С наступлением неночи на их, наверное, тринадцатую перемену они с Триком сидели на валуне и смотрели на пустыню. Запасы сигарилл Мии стремительно сокращались; осталось всего сорок две, и девушка уже жалела, что не взяла больше.

– Однажды я пыталась бросить, – сказала она, разглядывая водяной знак Черного Дориана⁴² на скрученной вручную сигарилле. – Продержалась четырнадцать перемен.

– Так по ним соскучилась?

– У меня началась ломка. Меркурио заставил меня снова закурить. Сказал, с него хватает и того, что три перемены в месяц я веду себя как медведь с похмелья.

– Три перемены в... а-а-а...

– Ага.

– На самом деле ты не настолько ужасна, правда?

– Расскажешь мне через пару перемен, – усмехнулась она.

⁴² Поставщик лучших итрейских сигарилл, качественного коньяка и обладатель самой большой коллекции непристойных литографий во всем Годсгрейве.

– У меня нет сестер, – Трик распустил и снова начал собирать дреды в пучок – эта привычка, как заметила Мия, проявлялась, когда он чувствовал себя неудобно. – Я не разбираюсь в... – он неопределенно помахал рукой – ...женских делах.

– Ну, значит, тебя ждет незабываемый сюрприз.

Трик замер и как-то странно покосился на Мию.

– Ты не похожа ни на одну девушку, которую я когда-либо...

Юноша умолк, соскользнул с валуна и присел на землю. Затем вытащил старую подозрительную капитанскую трубу – с выгравированными на ней тремя морскими драками, точь-в-точь как на кольцо – и приставил ее к глазу.

Мия расположилась рядом, глядя в сторону Последней Надежды.

– Что видно?

– Караван.

– Охотники за приданым⁴³?

– Не думаю. – Трик плюнул на линзу подозрительной трубы и стер пыль. – Два загруженных фургона. Четыре человека. Едут на верблюдах, так что путь их ждет дальний.

– Никогда раньше не ездила на верблюдах.

– И я. Слышал, они воняют. И плюются.

– Все равно звучит лучше, чем Ублюдок.

– Даже оседланный белый драк звучит лучше, чем Ублюдок.

Где-то с час они наблюдали, как караван движется по кроваво-алому песку, и размышляли о том, что их ждет впереди, если группа действительно направляется в Красную Церковь. Когда караван почти превратился в точку на горизонте, Мия и Трик слезли со скалы и последовали за ним по пустыне.

Поначалу они держались на расстоянии; Цветочек и Ублюдок медленно брели по песку. Мия была уверена, что слышит странную мелодию ветра. Не сводящий с ума шепот – к которому она до сих пор не привыкла, – а что-то похожее на фальшивившие колокольчики, по которым стучали железной дубинкой. Девушка понятия не имела, что бы это могло быть.

Парочка не была подготовлена к путешествию вглубь пустыни и решила подобраться к каравану, когда тот остановится на привал. Подкрасться незаметно не выйдет – каменных обломков и разрушенных памятников, усеивающих пустыню, не хватит, чтобы как следует спрятаться, а в плащ из теней помещался только один человек. Кроме того, рассуждала Мия, если это действительно слуги Матери Священного Убийства, им может не понравиться, что к ним подойдут исподтишка, когда они остановятся помочиться.

К сожалению, люди из каравана, похоже, не испытывали никаких неудобств и продолжали двигаться дальше. Мия с Триком их нагоняли, но после целых двух перемен в седле Ублюдка, который постоянно кусал ее за ноги и даже сбрасывал в пыль, Мия не выдержала. Подведя жеребца к кругу обветренных статуй, она не столько потеряла самообладание, сколько просто швырнула его в песок.

– Стой, стой! – сплюнула она. – Ебись оно все в уши!

Трик поднял бровь.

– Что-что?

⁴³ Примерно три перемены назад одна группа отправилась в Пустыню Шепота, ведя длинный кортеж порожних лошадей. Заметив выставленное напоказ оружие, Мия приняла их за расхитителей гробниц, но на самом деле это были паломники из живущей на окраине фракции, члены которой именовали себя кефийцами. Лидер группы – мужчина по имени Эмилиано Ростас – убедил их, что близится время пробуждения великой Кеф, что скоро Богиня Земли очнется от своего сна и устроит конец света. Только те верующие, кто соберется в Пупке Богини (а по мнению Эмилиано, он находился именно в ашкахской пустыне), будут спасены. Когда люди попытались обратить его внимание на то, что путешествие может быть опаснее, чем покорное ожидание пробуждения Кеф, Эмилиано ответил, что он и его последователи – любимцы Богини Земли, и она не даст их в обиду. Остается только предположить, что пыльные призраки, поглотившие их трупы, не получили божественного меморандума.

– У меня в штанах больше ушибов, чем задницы. Ей нужна передышка.

– Это была метафора или ты действительно...

– Отвали. Мне нужен отдых.

Трик хмуро глянул на горизонт.

– Мы их упустим.

– Их тащит дюжина верблюдов, Трик. Даже безногая псина в разгар истинотымы сможет найти их по следу из дерьма. Если они внезапно начнут передвигаться быстрее, чем заядлый курильщик с кучей пьяных проституток, думаю, мы все равно их найдем.

– Какое отношение имеют пьяные простит...

– Мне не нужен массаж стоп. Не нужен массаж спины. Я просто хочу хотя бы час посидеть на чем-то неподвижном. – Мия, скривившись, прыгнула с седла и помахала стилетом перед носом Ублюдка. – И если ты еще хоть раз меня укусишь, клянусь Пастью, я сделаю из тебя мерина.

Ублюдок фыркнул, а Мия со вздохом сползла по гладкому камню. Одну руку прижала к ноющему животу, а второй потеряла зад.

– Я могу помочь с этим, – предложил Трик. – Если хочешь.

Юноша улыбнулся, когда Мия показала ему костяшки. Привязав коней, он сел напротив девушки, которая как раз выуживала сигариллу из портсигара, после чего подожгла ее кремневым коробком и сделала глубокий вдох.

– Твой шахид был мудрым человеком, – сказал двеймерец.

– С чего ты взял?

– Трех таких перемен в месяц действительно хватает с головой.

Мия усмехнулась и пнула горстку песка в его сторону. Юноша с хохотом уклонился. Надвинув треуголку на глаза, она прислонилась головой к камню с зажатой между губами сигариллой. Трик наблюдал за ней, пытаясь разглядеть хоть намек на Мистера Добряка. Тщетно.

Затем окинул взглядом окружавшие их каменные изваяния. Все статуи были похожи – отдаленно гуманоидные фигуры с кошачьими головами, разрушенные ветром и временем. Встав на камень, он, прищурившись, посмотрел в подзорную трубу на отдаляющийся караван. Мия была права – те шли медленно, и даже после пары часов отдыха они с легкостью их догонят. Трик не был таким противником поездок верхом, как Мия, но после трех перемен в седле его тело тоже болело в интересных местах. Поэтому он устроился в тени, изо всех сил стараясь не пялиться на нее, пока она спала.

И на секунду прикрыл глаза.

– Наив советует ему молчать.

Неразборчивый шепот на ухо, острый, как нож у его шеи. Трик открыл глаза, учуяв запах кожи, стали и чего-то вонючего. Наверное, верблюдов. Женский голос, вязкий от слюны и незнакомого акцента. Прямо позади него.

Трик не произнес ни слова.

– Почему он преследует Наив?

Юноша оглянулся, увидел привязанных Ублюдка и Цветочка. Следы на песке. Мия исчезла. Нож сильнее прижался к его горлу.

– Говори.

– Ты посоветовала мне молчать, – прошептал он.

– Умный мальчик, – улыбка в голосе. – Может, даже слишком?

Трик потянулся к ремню и поморщился, когда лезвие ножа царапнуло кожу. Медленно-медленно достал маленькую деревянную коробочку и слегка потряс ею. Зубы внутри издали тихий стук.

– Мое подношение. Для Пасты.

Коробок быстро вырвали из его рук.

– Пасть мертва.

– О, Богиня, только не опять...

– Она играет с вами, дон Трик.

Двеймерец улыбнулся, услышав голос Мии, а женщина с ножом зашипела от удивления.

– Предлагаю игру получше, – беспечно заявила Мия. – Называется «Брось свой нож и отпусти его, пока я не отрезала тебе руки».

– Наив перережет ему глотку.

– Тогда ваша голова присоединится к вашим пальцам на песке, ми донна.

Трик не был уверен, что это блеф. Задумался, каково это будет – почувствовать, как нож рисует ему улыбку от одного уха до другого. Каково будет умереть до того, как он успеет пожить. Давление на шею ослабло, и его передернуло, когда что-то маленькое и острое задело его кожу.

– Ай!

В глазах заплескали темные звезды, на языке появился привкус пыльных цветов. Юноша перекатился и часто заморгал, смутно осознавая, что позади него разгорается драка. Шепчущие клинки рассекали воздух, ноги шуршали по кроваво-алому песку. Перед расплывающимся взглядом возникла их обидчица – низенькая жилистая женщина с закрытым паранджой лицом, укутанная в ткань песочного цвета. Орудующая двумя изогнутыми обоюдоострыми мечами и танцующая, как человек, который хорошо знает шаги.

Трик нащупал царапину на шее, и почувствовал на пальцах влагу. Попытался встать, но не смог. Уставился на свою руку, наконец начиная понимать. Разум все еще принадлежал ему, но вот тело...

– Отравлено... – выдохнул он.

Мия и незнакомка кружили друг вокруг друга, сжав клинки в боевой хватке. Они двигались, как любовники в первую ночь, – сперва неуверенно подступали, а затем наконец сомкнулись в клубок из кулаков, локтей и колен, блоков, контратак и ударов. Вздохи повисли в воздухе. Влажная перкуссия плоти и костей. Никогда прежде не видел ее в бою с достойным соперником, Трик медленно осознавал, что Мия очень искусна с клинком – умелая и бесстрашная. Она двигалась со скоростью молнии, боролась левой рукой, ее боевой стиль был неортодоксальным. Но, несмотря на все ее таланты, женщина ей не уступала. Она предвидела каждый замах Мии, парировала каждый удар.

По прошествии нескольких минут этого спектакля к ногам Трика вернулась чувствительность. Мия пыхла от напряжения, волосы цвета воронова крыла липли к коже, как сорняки. Незнакомка не шла в атаку, просто молча защищалась. Мия кружила вокруг нее, пытаясь встать спиной к солнцу, но ее сопернице хватало ума не поворачиваться лицом к Саану. И тогда, наконец, с тихим вздохом поражения Мия переместила свою тень, чтобы незнакомка оказалась в ней по щиколотку.

Женщина тревожно зашипела, пытаясь увернуться, но тени двигались быстрее ртути. Трик наблюдал, как она замерла, словно ее ноги приросли к месту. Мия подошла, клинок засвистел, и она ударила женщину в шею. Но вместо того, чтобы умереть, незнакомка схватила Мию за предплечье, выбила у нее стилет и перевернула девушку на ушибленный зад – быстро, как душа, воспарившая к Очагу⁴⁴.

⁴⁴ Очаг – огонь, вечно подогреваемый богиней Цаной в животе дремлющей Богини Земли, Кеф. Пламя привлекает праведных духов умерших и становится ярче и жарче с каждой душой, перешедшей в загробный мир. Итрейцы верят, что однажды мертвых станет так много, что огонь пробудит Кеф, и миру придет конец. Нечестивым душам отказывают в месте у Очага и оставляют бродить в холоде, пока их не поглотит Ная. Иногда богиня отправляет эти души обратно в мир живых, чтобы они мучили праведных и безгрешных. Именуемые «безочажными», они часто упоминаются в фольклоре. Притаившись в заброшенных гробницах или в местах, где совершалось ужасное зло, они похищают младенцев, растляют девственниц и контроли-

Клинок Мии упал в песок между ног Трика – всего в паре сантиметров от непоправимого. Юноша устоял на могильную кость, пытаясь сосредоточиться. Ему пришло в голову, что стоило бы отдать клинок – это казалось важным, – но теплая влага на шее подсказывала ему не двигаться.

Мия перекатилась и вскочила на ноги, ее лицо покраснело от ярости. Схватив нож с песка, она повернулась к женщине и оскалилась.

– Ну что, попробуем еще раз? – прохрипела девушка.

– Даркин, – произнесла странная женщина. Она почти не выбилась из сил. – Очень глупый даркин.

– Что?..

– Она призывает Тьму здесь? В глубокой пустыне?

– Кто ты?

– Наив, – невнятно ответила она. – Просто Наив.

– Это ашкахское слово. Оно значит «ничто».

– Начитанный глупый даркин.

Мия кивнула на Трика.

– Что ты сделала с моим другом?

– Чернила. – Женщина показала колючее кольцо на своем пальце. – Небольшая доза⁴⁵.

– Почему ты напала на нас?

– Если бы Наив напала на нее, пески стали бы краснее. Наив спросила, почему они преследовали ее. И теперь Наив знает. Наив заинтересовали таланты девочки. И теперь Наив видит. – Женщина перевела взгляд с Мии на Трика и издала чавкающий звук. – Видит пару дураков.

Трик встал на ноги, пошатываясь, и оперся на камень позади себя. В голове понемногу прояснялось, растерянность сменялась злостью. Он достал ятаган и сердито посмотрел на маленьких женщин, расплывающихся перед глазами. Его гордость задела едва не до крови.

– Кого это ты назвала дураком, коротышка?

Женщина покосилась в его сторону.

– Мальчишку, чью глотку Наив могла перерезать.

– Ты подкралась ко мне, пока я спал.

– Мальчишку, который спал на дозоре.

– Почему бы тебе не постоять дозором, пока я вырезаю тебе...

– Трик, – оборвала Мия. – Успокойся.

– Мия, этот тощий кусок дерьма приставил нож к моему горлу!

– Она проверяет тебя. Нас. Каждым словом и действием. Взгляни на нее.

Наив по-прежнему смотрела на Мию, ее глаза напоминали черные лампы, горящие в черепахе. Мие уже доводилось видеть подобный взгляд – взгляд человека, который так часто смотрел в лицо смерти, что мог назвать ее другом. У старика Меркурио был такой же взгляд. И наконец она поняла, кто эта незнакомка.

руют несправедливое и нелогичное увеличение налогов.

⁴⁵ Чернила, извлеченные из жидкости, которую глубоководный левиафан выделяет в случае опасности, являются галлюциногенным седативным средством. Введение препарата вызывает чувство благополучия и потерю контроля над мышцами (в дикой природе левиафан использует чернила для побега от хищников – доза этого вещества на время отбивает аппетит даже у самых голодных белых драков). Однако их длительное применение вызывает потерю сопереживания, а в случаях чрезмерного употребления – полную оторванность от реальности. Франциско XV, последний король Итреи, был печально известным черниломаном. Сообщается, что, когда личная охрана объявила его предателем народа (во время восстания, в результате которого его свергли с престола), он, будучи под воздействием наркотика, находился в очень приподнятом настроении. Говорят, королева Изабелла тоже питала пристрастие к чернилам и заливалась смехом, наблюдая, как ее мужа режут на кусочки в тронном зале. Скорее всего, ее истерический хохот прекратился, когда республиканцы направили мечи на нее и ее детей.

Это мгновение ничем не походило на то, которое она репетировала перед зеркалом. Тем не менее Мия все равно почувствовала облегчение, когда отцепила мешочек с зубами от ремня и перекинула его жилистой женщине. словно с ее груди сбросили шесть лет тяжелого труда.

– Мое подношение. Для Пасти.

Женщина взвесила мешочек в руке.

– Наив он не нужен.

– Но ты из Красной Церкви...

– Для Наив честь служить дому Матери Священного Убийства, да. По крайней мере, еще пару минут.

– Пару минут? О чем ты...

Земля вздрогнула под их ногами. Сначала легкий трепет, пробежавший до самой поясницы. Но с каждой секундой он возрастал.

– ...Это то, что я думаю? – спросил Трик.

– Кракен, – вздохнула Наив. – Они слышат, когда она призывает Тьму. Дура, как я и сказала.

Мия с Триком переглянулись и заговорили одновременно:

– Вот дерьмо...

– Ты что, не знала? – поинтересовался Джеймерс.

– Четыре Дочери, откуда мне было знать? Я никогда не была в Ашкахе!

– Кракен, который напал на нас раньше, слетел с катушек, когда ты сделала ту тенистую штуку!

– «Тенистую штуку»? Тебе что, пять лет?

– Короче, как бы она ни называлась, может, прекратишь это делать? – Трик указал на тени у ног Наив. – Пока она не привлекла остальных?

Тень Мии заскользила змеей по песку и приняла свой обычный вид. Девушка настороженно посматривала в сторону Наив, но незнакомка просто спрятала клинок в ножны и склонила голову.

– Их двое, – произнесла она с причмокиванием. – Очень большие.

– Что будем делать? – спросила Мия.

– Бежать? – Наив пожала плечами. – Умирать?

– «Бежать» звучит неплохо. Трик?

Тот уже оседлал Цветочка и был готов улепетывать.

– Жду тебя.

Мия запрыгнула в седло и протянула руку жилистой женщине.

– Поедешь со мной.

Наив замешкалась на секунду, наклонила голову и перевела свой черный взгляд на Мию.

– Слушай, можешь остаться здесь, если хочешь...

Наив шагнула ближе, земля начала сотрясаться. Ублюдок встал на дыбы, молотя копытами воздух. Мия оглянулась и увидела приближающийся туннель бурлящего песка – будто под пылью плыло что-то огромное.

Прямо к ним.

Когда жеребец опустил копыта на землю, девушка призвала тени, задержав его на месте, чтобы Наив успела сесть сзади. Под почвой раздался громоподобный рев, словно существа тоже отвечали на ее зов. Когда Наив обхватила руками талию Мии, девушка учуяла запах специй и дыма. И чего-то гниющего...

– Она их только злит, – произнесла женщина.

– Вперед! – крикнул Трик.

Мия отпустила поводья и ударила Ублюдка по бокам, после чего жеребец пустился в галоп. Земля позади них взорвалась, и из песка вырвались щупальца, треща, как когтистые

хлысты. Девушка слышала пробирающий до костей вой, увидела огромный клюв, который мог бы проглотить Ублюдка целиком. С запада на них с грохотом мчался второй туннель. Уши Мии наполнились стуком копыт и ревом.

– Их двое, как ты и говорила! – крикнула она.

Женщина указала на север.

– Скачите к фургонам. У нас есть железная песнь, чтобы отгонять кракенов.

– Что еще за железная песнь?

– Вперед!

Мия с Триком послушались. Во весь опор поскакали по океану кроваво-алого песка. Оглянувшись, Мия увидела, что два туннеля быстро их нагоняют. Как же эти чудища смогли ее выследить? Откуда они знали, что это она призвала Тьму? Поверхность песка пробило щупальце размером с два этажа, усеянное когтями из почерневшей кости. Когда оно ударило по земле, воздух наполнился озлобленным рычанием.

Пыль летела в глаза. Ублюдок хрипел, его копыта били в такт ее сердцу. Мия изо всех сил вцепилась в поводья, пытаясь ускорить коня и радуясь, что хоть жеребец ее и ненавидел, как яд, мысль о том, чтобы быть съеденным, он ненавидел еще больше.

– Берегись! – крикнул Трик.

Мия посмотрела вперед и увидела еще один туннель, приближающийся с севера. Он был больше, двигался быстрее и сотрясал почву под ними. Цветочек испуганно заржал.

– Прошу прощения... – сказала Наив. – Похоже, их трое.

Щупальца вырастали из земли, распускаясь, словно лепестки смертоносного бутона. Мия посмотрела в пасть монстра, на щелкающий клюв и крючковатые кости. Когда Цветочек свернул на восток, чтобы избежать столкновения с кракеном, Ублюдка наконец осенило, что без двух всадников он будет бежать значительно быстрее. И начал брыкаться.

У Мии было преимущество – стремена, поводья, седло. Но Наив сидела прямо на крупе Ублюдка и могла держаться только за талию Мии. Конь снова взбрыкнул, мотая их из стороны в сторону, как тряпичных кукол. И, не успев издать ни звука, Наив соскользнула с жеребца.

Мия свернула на восток вслед за Триком, крича ему в спину:

– Мы потеряли Наив!

Двеймерец быстро оглянулся.

– Может, они остановятся, чтобы съесть ее?

– Нужно вернуться!

– С каких пор ты стала альтруисткой? Это самоубийство!

– Дело не в альтруизме, придурок, я отдала ей свое подношение!

– Вот дерьмо, – Трик пощупал ремень. – Она и мое забрала!

– Ты подберешь Наив, – решила девушка. – А я пока их отвлеку!

– ...Мия... – прошептал кот в ее тени. – ...*Это глупое решение...*

– Мы должны спасти ее!

– ...*Конь мальчишки не вернется обратно...*

– Потому что он напуган! А ты можешь это исправить!

– ...*Если я начну пить его, то не смогу пить тебя...*

– Я справлюсь со своим страхом! Просто разберись с Цветочком!

Тихий вздох.

– ...*Как угодно...*

Алый песок, изрытый и раненый, затрепетал. Пыль все так же летела в глаза. Сердце выскакивало из груди. Мия почувствовала, как Мистер Добряк вспорхнул над землей и свернулся в тени Цветочка, упиваясь страхами жеребца. Ее собственный ужас нахлынул ревущим потоком – в животе появился ледяной комок, такой уже непривычный, что девушка даже слегка

растерялась. Прошло так много лет с тех пор, как она ощущала его в последний раз. Столько лет с Мистером Добряком, лакающим каждую капельку, чтобы она всегда была храброй.

Страх.

Мия дернула за поводья, чтобы остановить Ублюдка. Конь фыркнул, но повиновался куску стали во рту, не прекращая сопеть и топтать копытами. Развернув его, Мия увидела, что Наив встала и бежит к ним по бурлящим пескам, хватаясь за ребра.

– Трик, скорее! – прорычала Мия. – Встретимся у фургона!

Двеймерец так и не успел полностью прийти в себя после чернил. Но он кивнул и помчался к женщине и приближающемуся кракену. Цветочек бежал навстречу монстру быстрее урагана, окончательно потеряв страх благодаря незрячему коту, впившемуся в его тень.

Первый кракен вылез позади Наив; его щупальца размером с лодку рассекали воздух. Жилистая женщина перекатилась по песку и начала метаться из стороны в сторону, избегая таким образом полудюжины ударов. Увы, седьмой попал в цель – когти пронзили ее грудь и живот, а щупальца оторвали тело от земли. Даже оказавшись в ужасной хватке, женщина не закричала, а достала нож и попыталась пронзить им отростки.

Ужас растекался по жилам Мии, пальцы покалывало, зрачки расширились. Ощущение было столь незнакомым, что ей потребовались все силы, чтобы не поддаться ему. Страх поражения был сильнее страха смерти в лапах кракена, воспоминания о маминых словах в день казни отца придавали ей сил. Поэтому она погрузилась в себя и сделала то, что было нужно.

Девушка обернулась тенью и прямо на спине жеребца скрылась из виду. Кракен, державший Наив, замер, и по его телу пошли волны дрожи. Издав вой, пробирающийся до самых костей, чудовище отбросило свою добычу на песок и повернулось к Мие и двум своим сородичам, быстро подбиравшимся к лошади сзади.

Мия развернулась и пустила Ублюдка в самый быстрый галоп в его жизни.

Сцепив зубы, взглянула через плечо на огромные туши, которые прорывались сквозь землю и ныряли вниз, как морские драки на охоте. Позади этих кошмарных существ Трик подскочил к Наив и закинул раненую женщину на седло. Та была вся в крови, но Мия видела, что она еще двигалась. Значит, пока жива.

Девушка направила Ублюдка на север, к каравану. Церковники не были дураками – их верблюды уже бежали по пустыне. Кракены не отставали от Ублюдка; один врезался в песок всего в тридцати шагах от них, и жеребец оступился, когда земля вздрогнула. Воздух наполнился оглушительным воем и шорохом тел, пронзающих землю. Гадая, как им удастся ее учуять, Мия поскакала к скалистому участку, молясь, чтобы почва там была твердой.

Поверхность пустыни испещряли около сорока каменных шпилей; небольшой скалистый сад в бесконечной пустоте. Откинув плащ из теней, Мия начала петлять между ними и услышала позади раздраженное рычание. Ей удалось немного оторваться от преследователей, пока она мчалась к противоположному концу участка, в то время как кракены окружали его по бокам. Пот лил ручьями. Сердце колотилось. Она приближалась к веренице верблюдов – шаг за шагом, метр за метром. Трик уже был там; один из фургонщиков тянулся за окровавленным телом Наив, а другой заряжал арбалет болтами размером с ручку метлы.

Мия услышала уже знакомую металлическую песню, плывущую по ветру – и поняла, что к заднему фургону, рядом с арбалетом, было привязано некое странное приспособление. Похожело оно на большой ксилофон, сделанный из железных труб. Один из фургонщиков колотил по нему с таким бешенством, наполняя воздух шумом, словно тот оскорбил его мать.

«Железная песнь», – догадалась Мия.

Но за всей этой какофонией слышно было не только ропот кракенов, но и шорох песка, разверзнувшегося, чтобы выпустить этих кошмарных существ размером с целый дом. Ноги у нее ныли, мышцы стонали, но Мия все равно упорно мчалась к цели. Ее страх набухал –

живое, дышащее создание, царапающее изнутри и затмевающее разум и взор. Руки трясутся, губы подрагивают, пожалуйста, мама, прогони их...

Наконец она добралась до заднего фургона, скривившись от грохота. Трик что-то кричал и протягивал ей руку. Сердце яростно колотилось в груди. Зубы клацали, их шелканье отдавалось в голове. Зажав в кулаке поводья, Мия приподнялась на ослабших ногах и спрыгнула вниз, к Трику.

Юноша поймал ее и прижал к груди – твердой, как дерево, и пропитанной кровью. Затрепетав в его объятиях, она всмотрелась в карие глаза, поймала их взгляд – в нем смешались облегчение, восхищение и что-то еще. Что-то...

Мия почувствовала, как Мистер Добряк скользнул обратно в ее тень и на секунду потерял голову от ужаса в ее жилах. А затем испил его и вздохнул, и от страха ничего не осталось, кроме тускнеющего воспоминания. Она снова стала собой. Сильной. Ни в ком не нуждающейся. *Ни в чем* не нуждающейся.

Пробормотав слова благодарности, девушка выскользнула из объятий Трика и начала привязывать Ублюдка к фургону. Двеймерец присел подле истекавшего кровью тела Наив, чтобы проверить, жива ли она. Церковник, сидевший на месте мехариста^{46*}, попытался перекричать ксилофон:

– Черная Мать, что вы...

Из песка перед ними вырвалось щупальце и со свистом опустилось. Пронзило живот мехариста и разорвало их с напарником пополам; кишки и кровь брызнули в разные стороны, а крышу фургона снесло прочь. Мия рухнула на землю. Когти пролетели в сантиметрах от ее головы, а фургон накренился набок. Трик завопил, Ублюдок заржал, а новоприбывший кракен взревел от ярости. Арбалет и стрелков снесло с фургона; они взлетели в воздух. Верблюды метались в панике, фургон тоже подбросило в воздух. Мия кинулась к брошенным поводьям и остановила караван резким рывком. Затем села на место мехариста и выругалась, увидев позади уже *четырех* преследующих их монстров. Она попыталась докричаться сквозь шум до Мистера Добряка:

– Напомни мне больше никогда не призывать Тьму в этой пустыне!

– ...*Можешь не беспокоиться об этом...*

Кракен сбил с ног церковника, бывшего по ксилофону, и потащил орущего мужчину на верную смерть. Трик подхватил упавшую дубинку и начал наносить удары по отпугивающему кракенов приспособлению. Мия крикнула Наив:

– В какой стороне Красная Церковь?!

Женщина застонала в ответ, прижимая руки к рваным ранам на груди и животе. Местами блестели внутренности, а одежда Наив была мокрой от крови.

– Наив, слушай меня! В какую сторону ехать?

– Север, – прокряхтела женщина. – Горы.

– Какие горы? Их тут десятки!

– Не высокие... и не низкие. Не... с хмурым лицом, и не с грустным стариком, и не с разрушенной стеной. – Прерывчатый, булькающий вдох. – Самая обыкновенная гора из всех.

Женщина засипела и свернулась клубком. Железная песнь едва не оглушала, боль в голове Мии своевольно и радостно подпрыгивала.

– Трик, заткни свою волюнку! – прорычала Мия.

– Она отпугивает кракенов!

– Отпугивает кра-а-акенов... – простонала Наив, распластавшись в луже собственной крови.

– Ни хрена она не отпугивает! – рявкнула девушка.

⁴⁶ Погонщик верблюдов (прим. пер.).

Она посмотрела через плечо, просто на случай, если эта безбожная штука действительно отпугнула чудищ, мчавшихся за ними по пятам, но, увы, четыре туннеля бурлящего песка все еще преследовали их вплотную.

Ублюдок бежал рядом с фургоном, привязанный к нему поводьями. Жеребец злобно косился на Мию и время от времени обвинительно ржал в ее сторону.

– Ой, закройся! – крикнула она коню.

– ...*Ты и вправду ему не нравишься...* – прошептал Мистер Добряк.

– Своими замечаниями ты делу не поможешь!

– ...*А что поможет?..*

– Лучше объясни, как мы вляпались в это дерьмо!

Кот из теней наклонил голову, будто задумался. От пробирающего до костей рева чудовищ фургончик едва не распадался на части, подскакивая на дюнах, но Мистер Добряк оставался непоколебим. Он посмотрел на бугрящуюся Пустыню Шепота, на приближающийся зубчатый горизонт, на свою хозяйку. И заговорил таким тоном, каким обнажают безобразную, но необходимую истину:

– ...*В общем-то, это ты виновата...*

Глава 7

Знакомство

Мия толкнула дверь в лавку «Сувениры Меркурио», крошечный колокольчик над дверным косяком оповестил о ее прибытии. Помещение было темным и пыльным и разветвлялось во все стороны. Ставни не выпускали внутрь солнечный свет. Мие вспомнилась надпись на табличке снаружи: «Диковинки, редкости и лучший антиквариат». Взглянув на полки, она увидела много подтверждений первому. А вот насчет справедливости других частей фразы можно было поспорить.

По правде говоря, лавка выглядела так, будто была под завязку набита хламом. Мия также могла поклясться, что внутри она была больше, чем снаружи, хотя, возможно, ей так показалось потому, что она осталась без завтрака. Словно в напоминание об этом ее живот жалобно заурчал.

Мия начала прокладывать себе дорогу через все эти завалы барахла и наконец добралась до прилавка. Там, за столом из красного дерева с резным спиральным рисунком, от которого защищало в глазах, она обнаружила главную странность «Сувениров Меркурио» – самого владельца.

Его лицо, казалось, было с рождения хмурым; короткая копна седых волос покрывала только макушку. Узкие голубые глаза прятались за очками в проволочной оправе, которые знавали и лучшие времена. Рядом с хозяином на столе стояла статуэтка элегантной эженщины с львиной головой, поднимающей на ладонях архимический шар. Старик читал огромную книгу размером с Мию. В его зубах была зажата сигарилла, слабо пахнувшая гвоздикой. Когда мужчина заговорил, она закачалась в такт его словам:

– Я могу тебе щем-то помочь?

– Доброй перемены, сэр. Да благословит и сохранит вас всемогущий Аа...

Старик постучал по маленькой латунной табличке на столе, на которой повторялось предупреждение, висевшее снаружи: «Бездельникам, оборванцам и верующим вход воспрещен».

– Простите, сэр. Пусть Четыре Дочери...

Мужчина настойчивей постучал по табличке, хмуро глядя на Мию.

Девочка умолкла. Старик вернулся к чтению и повторил:

– Я могу тебе щем-то помочь?

Мия прочистила горло.

– Сэр, я хотела бы продать вам украшение.

– Хотеть и делать – это разные вещи, девочка.

Мия смущенно притихла, закусив губу. Старик снова постучал по табличке, пока она не поняла, что от нее хотят, и, сняв брошь, наконец положила ее на деревянный стол. Маленькая ворона уставилась на нее своими глазами из красного янтаря, словно обидевшись, что хозяйка может заложить ее такому сварливому старому хрычу. Девочка виновато пожала плечами.

– Где ты ее украла? – пробормотал владелец лавки.

– Я не крада ее, сэр.

Меркурио достал сигариллу изо рта и внимательно посмотрел на Мию.

– Это герб семьи Корвере.

– Верно подмечено, сэр.

– Вчера Дарий Корвере был казнен за измену по приказу итрейского Сената. И ходят слухи, что всю его семью заперли в Философском Камне⁴⁷.

⁴⁷ Философским Камнем народ называл узкую скалу на побережье Годсгрейва, окруженную беспощадными рифами и глубинами, полными драков. На вершине находилась глубокая темница, которую, как поговаривали, вырезала в скале

У девочки не было платочка, так что она молча вытерла нос рукавом.

– Сколько тебе лет, малявка?

– Десять, сэр...

– У тебя есть имя?

Мия моргнула. Да кем себя возомнил этот старик? Она – Мия Корвере, дочь судьбы легиона люминатов. Костеродная из знатной семьи, представительница одного из двенадцати верховных домов республики. Она не станет отвечать на вопросы какого-то лавочника! Особенно если учесть, что она предлагает ему трофей, который стоит больше, чем весь хлам в этой убогой дыре, вместе взятый.

– Мое имя вас не касается, сэр. – Сложив на груди руки, Мия постаралась изобразить свою мать, когда та ругала распоясавшегося слугу.

– Васнекается? – Старик поднял седую бровь. – Странное имя для девочки, тебе так не кажется?

– Вам нужна брошь или нет?

Старик снова зажал сигариллу губами и вернулся к чтению книги.

– Нет.

Мия уставилась на него.

– Она сделана из лучшего итрейского серебра. Она...

– Вали отсюда, – рявкнул мужчина, не поднимая глаз. – И проблемы твои на хер никому не нужны, мисс Васнекается.

Щеки Миш зарделись от гнева. Она схватила брошь и прикрепила ее обратно к платью, после чего, взмахнув волосами, развернулась на пятках.

– Небольшой совет, – сказал старик, по-прежнему не поднимая взгляда. – Корвере и его приспешники еще легко отделались – их всего лишь повесили. Низкородные союзники из войска были распяты на берегах Хора. Если верить слухам, их черепами хотят проложить улицы вокруг Сенатского Дома. У многих из тех солдат были семьи. Так что, будь я тобой, я не стал бы расхаживать здесь с эмблемой предателя на груди.

Слова поразили Мию словно камень, брошенный в затылок. Она повернулась лицом к старику и ослабилась.

– Мой отец не был предателем!

Девочка стремительно вылетела на улицу, ее тень распустилась на тротуаре, как цветок, и хлопнула дверью. Мия пребывала в такой ярости, что ничего этого не заметила.

Она вернулась на рынок, сжимая кулаки от гнева. Как он посмел так говорить о ее отце?! Она чуть было не пошла обратно, чтобы потребовать извинений, но тут ее живот снова заурчал – нужно раздобыть денег.

Она шагнула в людской поток, оглядываясь в поисках ювелирной лавки, как вдруг из толпы выскочил мальчишка немногим старше нее. Его руки были заняты корзинкой с булочками, и, прежде чем Мия успела отойти в сторону, мальчик врезался прямо в нее, проклиная все вокруг и поднимая небольшое облачко сахарной пудры.

сама Ная. В эту дыру Годсгрейв бросал всех преступников, не заслуживавших мгновенной казни. Тюрьма была переполнена разбойниками и ворами, а мелкие администраты, служившие за крайне низкое жалованье, казалось, совершенно не заботились о том, чтобы предоставлять еду и оказывать медицинскую помощь осужденным или хотя бы своевременно их освободить. Срок в один год с легкостью растягивался до трех или пяти, прежде чем тюремные служители брались за рассмотрение необходимых бумаг. Таким образом, многие заключенные проводили большую часть своего времени, размышляя о несправедливости, природе преступления и о том, что те сапоги, которые они украли, не стоили пяти лет жизни, за них заплаченных. Отсюда и пошло название «Философский Камень». Из-за перенаселенности темницы итрейский Сенат придумал гениальный и увлекательный способ контроля популяции, известный как «Падение». «Падение» проводили в истинотьму каждые три года во время Карнавала. Однако необъяснимый «инцидент» во время последнего «Падения» – случившийся в ночь Резни в истинотьму – разрушил огромную часть Философского Камня, да и сама скала местами обвалилась. С тех пор темницу забросили: она превратилась в полую, разрушенную оболочку, предположительно населенную призраками сотен погибших внутри. Их ужасная смерть впечатана в камень на веки веков. Бу!

Мия вскрикнула и упала, на ее платье белели пятна пудры. Мальчик тоже приземлился на зад, и булочки высыпались в грязь.

– Смотрите, куда идете! – сердито произнесла девочка.

– О, Дочери, тысяча извинений, мисс. Прошу, простите меня...

Мальчик поднялся на ноги и протянул Мие руку. Затем помог ей отряхнуть платье от пудры, насколько это было возможно, попутно сыпая извинениями, и наклонился, чтобы собрать выпавшие булочки обратно в корзину. Виновато улыбнувшись, он выбрал наименее грязную и с поклоном протянул ее Мие.

– Пожалуйста, примите ее в качестве извинений, ми донна.

Под урчание живота ярость Миш стихла до легкого недовольства, и, надув губки, она приняла булочку из грязных рук мальчишки.

– Благодарю, ми дон.

– Мне пора идти. Папаша рассердится, если я опоздаю к подаанию. – Он снова улыбнулся и приподнял воображаемую шляпу. – Еще раз прошу прощения, мисс.

Мия присела в реверансе, и ее угрюмое лицо слегка смягчилось.

– Да благословит вас Аа.

Мальчик спешно скрылся в толпе. Мия наблюдала за тем, как он удаляется, и ее гнев постепенно сменился на милость. Она посмотрела на сладкую булочку и улыбнулась своей удаче. Бесплатный завтрак!

Выбрав проулок подальше от людей, девочка взяла булочку обеими руками и откусила от нее солидный кусок. В тот же миг улыбка застыла у нее на губах, глаза расширились. Выругавшись, Мия выплюнула кусок в грязь и выбросила остатки булочки туда же. Тесто оказалось твердым, как дерево, начинка – невыносимо горькой. Мия скривилась и вытерла рот рукавом.

– Четыре Дочери! – сплюнула она. – Зачем кому-то...

Мия моргнула. Опустила взгляд на свое платье, припорошенное сахарной пудрой. Вспомнила, как мальчик дотрагивался до нее, и мысленно отругала себя за глупость, наконец осознав, что ее обвели вокруг пальца.

Брошь пропала.

В конце концов железная песнь все же спугнула кракенов.

По крайней мере, так считал Трик. Он битых четыре часа колошматил по ксилофону, словно тот задолжал ему денег, и, наверное, теперь нуждался в некоем оправдании. Когда их преследователи один за другим начали отставать, Мистер Добряк предположил, что это случилось потому, что земля стала тверже, так как караван приближался к горам. Мия была уверена, что чудищам просто наскучило за ними бегать, и они отправились на поиски более легкой добычи. Наив не выдвигала своих теорий, а просто лежала в луже свертывающейся крови и изо всех сил пыталась не умереть.

Если честно, Мия сомневалась, что ей это удастся.

По ее просьбе Трик взялся за поводья. В блаженной тишине, наступившей после того, как юноша бросил свое перкуSSIONистское занятие, Мия присела рядом с потерявшей сознание женщиной и задумалась, с чего бы начать.

Внутренности Наив были изрублены когтями кракена, в воздухе повисла вонь кишок и блевотины – одним только Дочерям было известно, как с этим справлялся Трик со своим острым обонянием. Мия хорошо знала запах дерьма и крови и просто попыталась устроить женщину поудобнее. Помочь особо было нечем; если она не умрет от потери крови, то за работу примется сепсис. Зная, какой конец ждет Наив, девушка подумала, что было бы милосерднее просто прикончить ее.

Откинув лохмотья с искромсанного живота Наив, Мия начала искать, чем бы забинтовать раны, и наконец остановила выбор на головном уборе женщины. Стянув ткань с ее лица, Мия почувствовала, как Мистер Добряк надулся и довольно вздохнул, упиваясь приливом тошнотворного ужаса, от которого ей хотелось кричать.

Даже несмотря на помощь кота из теней, Мия была на грани.

– Бездна и кровь... – прошептала она.

– Что такое? – Трик оглянулся через плечо и чуть не свалился с сиденья. – Черная Мать Ночи... ее лицо...

«Дочери, ее лицо...»

Назвать его изуродованным было бы все равно, что назвать нож в сердце – небольшим неудобством. Кожу Наив натянули и связали узлом в месте, где должен был находиться нос. Нижняя губа обвисла, как избитый пасынок, верхняя же была поднята, будто в оскале. Плоть пересекали пять глубоких рубцов – словно ее лицо было глиной, которую кто-то сжал в кулаке. И все же это уродство обрамляли прелестные светлые кудряшки.

– Что могло так ее изувечить?

– Понятия не имею.

– Любовь, – прохрипела женщина, и по ее искромсанным губам потекла слюна. – Только любовь.

– Наив... – начала Мия. – Твои раны...

– Серьезные.

– Уж точно не легкие.

– Отвезите Наив в Церковь. Ей еще многое нужно сделать, прежде чем она встретится с Благословенной Леди.

– До гор ехать еще две перемены, – вставил Трик. – А может, и больше. Даже если мы доберемся до них, ты не в том состоянии, чтобы по ним подниматься.

Женщина содрогнулась и закашлялась кровью. Потянувшись к шее, она сорвала с себя кожаный шнур с серебряным пузырьком. Попыталась сесть, но застонала от боли. Мия уложила ее обратно на пол.

– Тебе нельзя...

– Не трогай ее! – прорычала Наив. – Помоги ей подняться. Подтащи ближе. – Махнула рукой, указывая место. – Подальше от крови, где дерево чистое.

Мия понятия не имела, что задумала женщина, но повиновалась, потащив ее по луже свертывающейся крови вглубь фургона. Там Наив откупорила пузырек зубами и вылила содержимое на чистые доски.

Снова кровь.

Алая, словно из свежей раны. Мия нахмурилась, а Мистер Добряк взобрался на ее плечо, выглядывая сквозь завесу волос. Когда Наив провела пальцами по луже, кот из теней громко замурчал, отчего по спине Мии пошел холодок.

– ...Любопытно...

Наив что-то писала, вдруг осознала девушка. Словно лужа была дощечкой, а ее пальцы – кистью. Буквы были ашкахскими – она знала их со времен своего обучения, но сам ритуал...

– Это кровавый обряд, – выдохнула Мия.

Но это невозможно... Ашкахская магия погасла вместе с падением империи. Никто не видел настоящего кровавого колдовства уже...

– Где ты этому научилась? Это искусство вымерло сотни лет назад.

– Не все мертво, что умерло, – прокряхтела Наив. – Мать оставляет только то... что ей нужно.

Женщина перекатилась на спину, прижимая руку к выпотрошенному животу.

– Мчите к горам... к самой обыкновенной. – Мия могла поклясться, что увидела слезы в ее глазах. – Не убивай ее, девочка. Забуди о милосердии. Если Мать... заберет ее, так тому и быть. Но не подталкивай Наив на ту сторону. Девочка все поняла?

– Поняла...

Наив взяла ее за руку. Сжала. А затем ускользнула во мрак.

Мия, как могла, перевязала раны, по запястьям испачкавшись в крови, а затем сходила к Ублюдку (тот попытался ее укусить), чтобы вытащить плащ из мешка, и, скатав его, подложила под голову женщине. Присоединившись к Трику, она всмотрелась в маячившие впереди горы. Полоса огромных черных отрогов тянулась на север и на юг, некоторые были настолько высокими, что их вершины покрывал снег. Одна гора напоминала хмурое лицо, как и описывала Наив. Другой горный хребет походил на обломок стены, как ею упоминалось. И, угнездившуюся рядом с отрогом, смахивавшим на грустного старика, Мия увидела гору, которая отвечала всем их требованиям.

Она была настолько обыкновенной, насколько это возможно в окружении громадных шпилей из доисторического гранита. Недостаточно высокая, чтобы покрыться инеем, не вызывающая никаких ассоциаций с лицами или фигурами. Просто обычная глыба из древнего камня посередине кроваво-алой пустыни. На такую дважды и не посмотрят.

– Вон она, – сказал Трик, указывая на гору.

– Ага.

– Я-то думал, что они подберут что-нибудь более драматичное.

– Наверное, в этом и смысл. Кто бы ни искал гнездышко убийц, вряд ли он начнет с самой скучной горы в природе.

Трик кивнул. Одарил ее улыбкой.

– Мудрая Бледная Дочь.

– Не бойтесь, дон Трик, – улыбнулась она в ответ. – Я не позволю вашей лести вскружить мне голову.

Они пробыли в дороге еще две перемены – Трик погонял верблюдов, а Мия ухаживала за Наив. Она намочила тряпку и промокала изуродованные губы, гадая, кто или что так изувечило лицо женщины. Наив постоянно что-то лепетала, словно в бреду, обращаясь к какому-то призраку с просьбой подождать. Один раз она протянула руку в воздух, желая его погладить. И в тот момент ее губы изогнулись в отвратительной пародии на улыбку. Мистер Добряк все время сидел рядом с ней.

И мурлыкал.

Цветочек и Ублюдок совершенно выбились из сил, и Мия боялась, как бы кто-нибудь из них не начал хромать. Казалось жестоким (даже по отношению к Ублюдку) заставлять их напрасно бежать рядом с фургоном. Трик и Мия прошли точку невозврата; теперь они либо доберутся до Красной Церкви, либо умрут. Она видела диких лошадей, скитающихся по равным предгорьям – значит, где-то неподалеку должна быть вода. И поэтому, нехотя, девушка предложила отпустить жеребцов.

Трик погрузился, но он понимал, что следует поступить, как она предложила. Они остановили фургон, и юноша отвязал Цветочка, позволив коню испить из своего бурдюка. Затем ласково погладил его по шее и тихо зашептал:

– Ты был преданным другом. Но я верю, что ты найдешь себе нового. Остерегайся кракенов.

Он шлепнул коня по крупу, и животное поскакало на восток. Мия отвязала Ублюдка, но жеребец продолжал испепелять ее взглядом, даже когда она отдала ему всю оставшуюся воду из бурдюка. Девушка потянулась к седельному мешку и протянула коню последний кусок сахара.

– Ты заслужил его. Полагаю, теперь ты можешь вернуться в Последнюю Надежду, если хочешь.

Жеребец опустил голову, ласково взял сахар с ее ладони. Тихо заржал и, взмахнув гривой, уткнулся носом ей в плечо. И когда Мия улыбнулась и похлопала его по морде, Ублюдок распахнул пасть и смачно укусил ее прямо над левой грудью.

– Ах ты сукин...

Жеребец помчался по пустыне, а Мия запрыгала на месте, схватившись за грудь и проклиная коня Тремя Солнцами и Четырьмя Дочерьми и всеми, кто по случайности ее слушал. Ублюдок последовал за Цветочком на восток, скрывшись в облачке пыли.

– Поцеловать тебя, чтобы не болело? – с улыбкой предложил Трик.

– Ой, иди на хер! – сплюнула Мия. Забравшись в фургон, она каталась от боли по полу. Прикоснувшись к месту укуса, она обнаружила на пальцах кровь; кожа уже начала синеть, когда она глянула под рубашку. Впервые в жизни поблагодарив Дочерей за свой низкий рост, девушка зашипела себе под нос, пока Мистер Добряк хихикал из тени.

– Какой же он все-таки ублюдок!

Наив быстро угасала, и они не могли больше позволить себе остановок – Мия боялась, что женщина не проживет еще одну перемену, а Септимий начинался завтра. Если они в самое ближайшее время не найдут Церковь, можно будет уже и не искать. Они добрались до нижних склонов кряжа, горы смыкались вокруг них, как объятия любовника. Мия читала, что чаще всего пыльные призраки обитают там, где ветер завывает громче всего, и напрягала слух, чтобы расслышать предательский смех на фоне шепчущего ветра.

Кровь на полу фургона загустела, и ее облепили мухи. Мия пыталась изо всех сил прогнать их с живота Наив, хоть и знала, что перед ней уже лежит почти труп. Решимость женщины испарилась – находясь без сознания, она постоянно стонала, а придя в себя, просто кричала, пока снова не впадала в беспамятство. Она была как раз в разгаре приступа криков, когда Трик остановил фургон. Заметив, что они наконец прекратили движение после многих перемен в пути, Мия подняла взгляд и устало спросила:

– Почему мы остановились?

– Если только ты не можешь починить этих плюющихся тварей, – Трик указал на ревущих верблюдов, – дальше мы не поедem.

Обыкновеннейшая гора поднималась перед караваном отвесными скалами, осыпаясь со всех сторон. Мия осмотрелась, но не увидела никого и ничего необычного. Затем наклонилась и схватила Наив за плечо, пытаясь перекричать ее:

– Куда дальше?!

Женщина свернулась в клубок и пролепетала какую-то чепуху, царапая свою отвратительную рану на животе. Трик слез с сиденья и встал рядом с Мией с угрюмым лицом. Смерд человеческих отходов и гниющей плоти был почти невыносимым. Как и вид страдающей женщины.

– Мия...

– Мне нужно покурить, – буркнула она.

Девушка прыгнула с фургона и прикурила сигариллу. Трик последовал за ней. Ветер разметал ее челку, когда она сделала щедрую затяжку. Ее пальцы были испачканы в крови. Наив заливалась смехом, стучась головой о пол фургона.

– Нужно добить ее, – сказал Трик. – Это было бы милосерднее.

– Она просила нас этого не делать.

– Она мучается от боли, Мия. Черная Мать, ты послушай ее!

– Знаю! Я убила бы ее еще вчера, но она попросила меня этого не делать.

– Поэтому ты спокойно дашь ей умереть в агонии?

– По-твоему, я выгляжу охренительно спокойной?!

– Ну и что нам тогда делать? Насколько я могу судить, это самая обыкновенная гора из всех. Церкви нигде не видно, не так ли? И что теперь, будем скитаться вокруг, пока не умрем от жажды?

– Я знаю не больше твоего. Но Наив велела нам ехать в этом направлении. Кровавая магия – это тебе не шутки. Кто-то знает, что мы здесь.

– Да, гребаные пыльные призраки! Ее крики можно услышать за мили!

– Так что вами движет, дон Трик, милосердие или страх?

– Я ничего не боюсь, – рявкнул он.

– Мистер Добряк чувствует, что от тебя разит страхом. Как и я.

– Пасть тебя побери! – прошипел юноша, доставая нож. – Покончим с этим прямо сейчас.

– Стой, – Мия сжала его руку. – Не делай этого.

– Отвали! – Трик отмахнулся от нее.

Мия потянулась за стилетом, Трик – за ятаганом. Тени вокруг девушки ожили, из-под камней вытянулись длинные щупальца и закачались, словно под музыку, которую слышали только они.

– Она – наш единственный способ найти Церковь, – отчеканила Мия. – Это моя вина, что на нее напали кракены. И она сама попросила меня не убивать ее.

– В нынешнем состоянии она даже собственные штаны не найдет, чтобы отлить. И я не давал никаких обещаний.

– Не обнажайте свое оружие, дон Трик. Иначе это плохо закончится для нас обоих.

– Я знал, что ты жестока, Мия Корвере, – юноша покачал головой. – Просто не осознавал, насколько. Где ты прячешь сердце, которое должно биться в твоей груди?

– Продолжай в том же духе, и я заставлю тебя сожрать свое собственное, ублюдок!

– Может, я и ублюдок, – сплюнул Трик. – Но это ты ведешь себя как манда каждую перемену своей жизни!

Мия достала нож и улыбнулась.

– Это самый милый комплимент, который я от тебя слышала.

Трик вытащил ятаган, его очаровательные карие глаза сосредоточились на Мие. В ее взгляде бушевали недоумение и ярость. Их смесь, сгущаясь в голове, заглушала доводы рассудка, безуспешно пытавшиеся докричаться из закоулков сознания. Мия внезапно поняла, что хочет убить этого мальчишку. Разрезать его от глотки до живота и умыть в нем руки. Окунуться в него по локти и окрасить свои губы и грудь его кровью. От этой мысли у нее заныли бедра, дыхание участилось. Она зажала руку между ног, жажда крови и похоть завихрились в голове под шепот Мистера Добряка из тени:

– ...*Это не ты...*

– Прочь, – прошипела Мия. – Иди в Пасть, демон.

– ...*Эти мысли принадлежат не тебе...*

Трик наступал, прищулив глаза до щелочек, от напряжения его вены взбухли на шее. Его учащенное дыхание выходило рывками, зрачки сузились. Мия опустила взгляд ниже пояса и поняла, что он возбужден, брюки топорщились, и мысль об этом заставляла ее дышать быстрее. Она сморгнула пот с глаз и представила, как ее клинок входит и выходит из его груди, а его входит в нее, и юноша чувствует медный привкус на языке...

– Это неправильно... – выдохнула она.

Трик прыгнул, но Мия уклонилась, и его удар пришелся мимо. Она прицелилась ему в пах, но он блокировал удар коленом, и на секунду девушка почувствовала искушение самой опуститься на колени. Она замахнулась в сторону его незащищенного живота, зная, что это неправильно, это неправильно, но в последний момент сдержалась и перекатилась набок, избегая очередного удара в голову. Губы Трика изогнулись в безумной улыбке, и ей это показалось

забавным. Сдерживая смех, она пыталась очистить сознание от желания убить его, желания трахнуть его – все одновременно, лежать с ним внутри нее, пока они будут наносить раны друг другу, кусаться и истекать до смерти на песке.

– Трик, остановись, – пропыхтела Мия.

– Иди сюда...

Грудь быстро опускалась и поднималась, рука продолжала тянуться вниз, даже когда Мия придвинулась ближе. Задышавшись. Жажда.

– Что-то не так. Это неправильно.

– Иди сюда, – повторил Трик, преследуя ее по песку с кинжалами наготове.

– ...*Все это не по-настоящему...*

Она помотала головой, смаргивая жгущий пот с глаз.

– ...*Ты – Мия Корвере...* – сказал Мистер Добряк. – ...*Вспомни...*

Мия взмахнула рукой, и ее тень задрожала и вытянулась, чтобы схватить за ноги юношу. Он тут же прирос к песку, и Мия попятилась, подняв руки, будто защищалась от удара. Тяжелый клинок оттягивал ладонь, голову наводнили мысли о том, чтобы вонзить стилет в Трика, чтобы Трик вонзился в нее, но нет, НЕТ, это не она (это не я), и, издав отчаянный крик, она отшвырнула оружие.

Затем упала на колени, плюхнулась на живот и зажмурила глаза. С песком на зубах Мия встряхнула головой, усмирила похоть и жажду убийства и сосредоточилась на подаренной Мистером Добряком мысли, хватаясь за нее, как утопающий за соломинку.

– Я – Мия Корвере, – выдохнула она. – Я – Мия Корвере...

Раздались медленные рукоплескания.

Мия подняла голову на этот мрачный звук, раскатывающийся эхом в ее голове. Увидела вокруг себя людей с прикрытыми лицами, в пустынно-алых робах. Дюжина стояла вокруг низенького мужчины с изогнутой саблей на поясе. Эфес был сделан в форме человеческих фигур с кошачьими головами – мужчины и женщины, обнаженных и переплетенных. Клинок был изготовлен из ашкахской чернотали⁴⁸.

– Мия? – позвал Трик уже нормальным голосом.

Мия подняла взгляд на хлопавшего мужчину, продолжая валяться в пыли. Он был хорошо сложен и красив, как дьявол. Темные с проседью волосы завивались. Лицо намекало, что ему около тридцати, а вот темно-карие глаза цвета какао свидетельствовали, что он мудр не по годам. В уголках губ порхала легкая улыбка, такая лукавая, словно планировала умыкнуть столовое серебро.

– Bravo! – произнес он. – Я не видел, чтобы кто-то так упорно противился «Розни» еще со времен лорда Кассия.

Когда мужчина шагнул вперед, остальные расступились, словно по команде. Начали разгружать караван, отцеплять изнуренных верблюдов. Четверо из них положили Наив на носилки и понесли к утесу. Мия не видела веревки. Не видела...

– Как тебя зовут?

– Мия, господин. Мия Корвере.

– И кто твой шахид?

⁴⁸ Черноталь, также известная как «железный враг» – это чудесный металл, сотворенный ашкахскими колдунами до падения империи. Черный как истинотма, металл никогда не тускнеет и не ржавеет и может заточиваться до невозможных границ. Поговаривали, что готовым клинком ашкахские кузнецы разрезали собственные наковальни пополам, чтобы доказать его остроту, – практика, которую от всей души поддерживала ашкахская Гильдия изготовителей наковален. В одной известной сказке повествуется о воре по имени Тарик, который украл у ашкахского принца меч из чернотали. Спеша ретироваться с места преступления, вор уронил меч, и тот проткнул пол и вошел в почву. Поток лавы, хлынувшей из раны мира, сжег весь город. После этого за воровство в Ашкахе наказывали смертью через сожжение – независимо от масштаба преступления, будь то кража небольшой буханки хлеба или королевских драгоценностей, любого вора, пойманного в Ашкахе, привязывали к каменному столбу и сжигали. Вот умеют же некоторые портить всем кайф!

– Меркурио из Годсгрейва.

– А, Меркурио наконец набрался храбрости, чтобы послать очередную овечку в Церковь Заклания? – Он протянул руку. – Любопытно.

Мия приняла протянутую руку, и незнакомец помог ей подняться с песка. Во рту у нее пересохло, сердце колотилось. В жилах пульсировало эхо желания и жажды крови.

– А ты – Трик, – с улыбкой повернулся к юноше мужчина. – Который обязан кровью, но не именем клану Тридраков. Ученик Адиры.

Трик медленно кивнул, смахнув дреды с лица.

– Так точно.

– Меня зовут Маузер*⁴⁹, слуга Матери Священного Убийства и шахид карманов в Красной Церкви, – он отвесил небольшой поклон. – Полагаю, вы нам кое-что принесли.

Вопрос повис словно дамоклов меч над головой Мии. Тысяча перемен. Бессонные неночи, окровавленные пальцы и яд, капающий с рук. Сломанные кости, обжигающие слезы и ложь на лжи. Все, что она делала, все, что она потеряла, – все сводится к этому моменту.

Мия потянулась к ремню за мешочком с зубами.

Живот сковало ледяным холодом.

– *Нет...* – ахнула она.

Ощупала пояс, тунику. Глаза расширились от паники, когда она поняла...

– Мое подношение! Оно исчезло!

– Какой кошмар, – прокомментировал Маузер.

– Но оно только что было здесь!

Мия рыскала взглядом по песку вокруг себя, испугавшись, что потеряла мешочек во время схватки с Триком. Начала копать в пыли со слезами на глазах. Мистер Добряк набух и закатился в гущу ее тени, но даже он не мог полностью поглотить ее страх, – мысль о том, что все ее старания были впустую... Ползая в грязи, со спутанными волосами, она закусила губу и...

Звяк, звяк.

Мия подняла голову. Увидела в ловких пальцах знакомый мешочек из овечьей шкуры.

Маузер улыбнулся.

– Тебе нужно быть более осторожной, маленькая овечка. Шахид карманов, как я и сказал.

Мия встала и с рычанием выхватила мешочек. Открыла его, пересчитала зубы, сжала их в побелевшем кулаке. Окинула мужчину изучающим взглядом, гнев ненадолго поглотил ее страх. Пришлось бороться с желанием добавить его зубы в коллекцию.

– Это было бессердечно, – сказала она.

Улыбка Маузера стала шире, в уголках мудрых глаз появилась грусть.

– Добро пожаловать в Красную Церковь, – ответил он.

⁴⁹ Mouser – в переводе с английского «мышелов»; тот, кто любит высматривать, вынюхивать (*прим. пер.*).

Глава 8

Спасение

– Две железных и двенадцать медяков, – прокаркал мальчишка. – Сегодня запируем, как королі! Или королевы. В зависимости от обстоятельств.

– Что? – фыркнула чумазая девочка рядом с ним. – Имеешь в виду, будем распяты на улице Тирана? Если тебе все равно, я бы лучше попировала, как консул.

– Девчонки не могут быть консулами, сестренка.

– Но пузо-то я могу набивать ничуть не хуже.

В переулке неподалеку от рыночной толпы сидели три оборванца с корзинкой черствых булочек. Первым оборванцем был шустрый паренек, врезавшийся в Мию на рынке. Вторым оборванец – девочка с грязными светло-русыми волосами и босыми ногами. Третий – мальчик постарше, худой как спичка и злобный на вид. Их одежда выглядела изношенной, но у старшего мальчика имелся при себе хорошенький пояс с ножжами. Перед ними лежала утренняя добыча: горсть монет и серебряная ворона с янтарными глазами.

– Это мое! – крикнула Мия им в спины.

Троица быстро вскочила на ноги и повернулась к своей обвинительнице. Мия стояла в начале проулка, держа руки со сжатыми кулаками по бокам. Старший мальчик вытащил нож из-за пояса.

– Верните немедленно! – продолжила Мия.

– Или что? – поинтересовался мальчик, поднимая клинок.

– Или я позову люминатов. Они отрежут вам руки и выкинут вас в Хор, если повезет.

А если нет, то вас ждет Философский Камень.

Троица разразилась издевательским хохотом.

Чернота под ногами Миши покрылась рябью. Страх внутри испарился. Сложив руки, она выпятила грудь, прищурилась и заговорила голосом, который сама не узнала:

– Верните. Ее. Быстро.

– Пошла на хрен, мелкая шлюха! – огрызнулся старший мальчик.

Мия насупленно сморщила лоб.

– ...Шлюха?

– Режь ее, Финка! – крикнул мальчик помладше. – Прodelай в ней новую дырку!

С покрасневшими щеками Мия взглянула на первого мальчика.

– Тебя зовут Финка? А, потому что ты носишь ножи, верно? – Перевела взгляд на младшего. – А ты кем будешь, Блохой? – Затем на девочку. – Дай угадаю, Личинка?⁵⁰

– Остроумно, – ответила девочка. И, медленно подходя к Мие сбоку, отвела назад руку и врезала ей в живот кулаком.

Воздух с влажным кашлем вышел из легких, и Мия упала на колени. Моргая, ослепнув от боли, она прижимала руки к животу и пыталась сдержать тошноту. Внутри нее росло изумление. Изумление и ярость.

Никто и никогда ее не бил.

Никто не смел.

В Хребте она наблюдала бесчисленное количество раз, как ее мать парировала остроумными в разговоре. Видела, как донна Корвере унижала мужчин, превращая их в заикающихся тряпки, и доводила женщин до слез. Мия хорошо училась. Но правила гласили, что оскорб-

⁵⁰ Больше понтов, чем мозгов, дорогие друзья. Больше понтов, чем мозгов.

ленный должен ответить собственной остротой, а не загнать тебя в переулок и ударить, как какой-то низкородный хулиган...

– О... – просипела Мия. – Точно.

Финка прошел по проулку и пнул ее ботинком по ребрам. Блондиночка (которую впоследствии Мия всегда будет называть Личинкой) радостно улыбнулась, когда Мио вырвало, хотя в желудке у нее было пусто. Повернувшись к мальчику помладше, Финка указал на их добычу.

– Собирайте все и уходим. У меня есть...

Финка почувствовал, как в его брюки впивается что-то острое и смертельно холодное. Опустил взгляд на стилет, упирающийся в его причинное место, и на крепко сжимающий его кулачок. Мия обхватила его за пояс, приставив мамин кинжал к промежности мальчика, ворона на рукоятки сердито смотрела на Финку янтарными глазами. Шепот хозяйки клинка был тихим и смертоносным:

– Шлюха, значит?

Что ж, будь это сказкой, дорогие друзья, а Мия – ее героиней, то Финка понял бы намек на тень убийцы, которой она станет, и попятился бы, дрожа от страха. Но правда заключается в следующем: мальчик был выше Мио на шесть сантиметров и весил на пару десятков килограммов больше. Глянув на девочку, которая обвилась вокруг его талии, он увидел не самого опасного ассасина во всей республике, а просто мелкую сошку, не умеющую держать нож, и ее лицо находилось так близко к его локтю, что одно точное движение должно было повалить ее на землю.

Так что Финка ударил. И Мия не столько повалилась, сколько полетела на землю.

Она упала в грязь, зажимая сломанный нос и ослепнув от мучительных слез. Младший мальчик (который впоследствии всегда будет именоваться Блохой) поднял откатившийся стилет донны Корвере и округлил глаза.

– Дочери, вы только гляньте на это!

– Кидай сюда.

Мальчик подкинул его рукояткой вперед. Финка схватил клинок в воздухе и начал жадными глазами изучать это произведение искусства.

– Срань Аа, да это же настоящая могильная кость...

Блоха со всей силы пнул Мио по ребрам.

– Где эта лахудра могла достать...

На плечо паренька опустилась морицинистая рука и толкнула его к стене. Колено поприветствовало его пах, изогнутая трость пригласила челюсть на танец⁵¹. Два удара по затылку – и вот он уже валяется в грязи, закапывая все кровью.

Над ним стоял старик Меркурио, одетый в длинное пальто из потертой кожи, с тростью, зажатой в костлявой руке. Его ледяные голубые глаза прищурились, осматривая сцену битвы и окровавленную девочку, распластанную на земле. Затем он глянул на Финку и оскалится в ухмылке.

– Во что играете? В выбивалу? – Старик хорошенько прошелся ботинком по ребрам юного Блохи и в награду услышал тошнотворный хруст. – Не против, если я присоединюсь?

Финка злобно посмотрел на него, затем на истекающего кровью товарища. И, грязно выругавшись, замахнулся стилетом донны Корвере и метнул его в голову Меркурио.

Бросок был хороший. Прямо промеж глаз. Но, вместо того чтобы умереть, старик поймал клинок прямо в воздухе – так быстро, как вонь с берегов Розы достигает вашего носа⁵². Спрятав стилет в карман пальто, Меркурио крепче обхватил трость и со звонким ляз-

⁵¹ Та отказалась, но, увы, они все равно пустились в пляс.

⁵² Река Роза обладает самым неправдоподобным названием во всей Итрейской республике, а быть может, и во всей Вселенной. Ее зловоние настолько ужасно, что, делая выбор между утоплением в Розе и кастрацией с распятием, наянский еретик, дон Антон Боскони, произнес знаменитую фразу, спросив у своих исповедников: «Дорогие друзья, вам одолжить нож?»

гом достал длинный клинок из могильной кости, который был спрятан внутри. Затем начал наступать на Финку с Личинкой, размахивая клинком.

– О, так мы играем по лиззианским правилам? Старая школа? Что ж, справедливо.

Финка с Личинкой переглянулись с паникой в глазах. И, не промолвив ни слова, развернулись и кинулись по проулку, бросив бедного Блоху валяться без сознания в грязи.

Мия поднялась на четвереньки. Щеки испещряли полосы слез и крови. Нос покраснел, опух и пульсировал. Она не могла четко видеть. Не могла думать.

– Говорил же, что брошь не принесет тебе ничего, кроме проблем, – проворчал Меркурио. – Лучшие бы ты ко мне прислушалась, девочка.

Мия чувствовала жар в груди. Глаза обжигало. Другой ребенок наверняка бы уже взывал к мамочке. Кричал о несправедливости мира. Вместо этого вся ярость, все унижение, память о смерти отца, аресте матери, жестокости и покушении на убийство, к которым теперь прибавились еще и ограбление и потасовка в переулке, закончившаяся не ее победой, – все это сложилось внутри, как древесина для костра, и вспыхнуло ярким свирепым пламенем.

– Я вам не «девочка»! – сплюнула Мия, яростно вытирая слезы. Затем попыталась подняться, держась за стену, но на полпути к успеху свалилась обратно. – Я – дочь судьбы. Первенец одного из двенадцати благородных домов. Я – Мия Корвере, черт бы вас побрал!

– О, я знаю, кто ты, – ответил старик. – Вопрос в том, кто еще знает?

– ...Что?

– Кто еще знает, что ты отпрыск Царетворца, деточка?

– Никто, – прорычала она. – Я никому не говорила. И не называйте меня «деточкой»!

Мужчина шмыгнул носом.

– Значит, ты не так глупа, как я думал.

Он посмотрел вдоль проулка. В сторону рынка. Затем на истекающую кровью девочку у его ног. И с чем-то, похожим на вздох, протянул ей руку.

– Пошли, вороненок. Вправим тебе клювик.

Мия вытерла губы кулаком, и тот окрасился кровью.

– Я совсем вас не знаю, сэр, – ответила она. – А доверяю вам и того меньше.

– Что ж, это первые разумные слова, которые ты прокаркала. Но если бы я желал тебе смерти, то просто бросил бы в этом проулке. В одиночку ты была бы мертва уже к неночи.

Мия не двигалась с места, в ее глазах ясно читалось недоверие.

– У меня есть чай, – вздохнул Меркурио. – И торт.

Девочка прикрыла урчащий живот руками.

– ...Какой торт?

– Бесплатный.

Мия надула губки. Затем облизала их и ощутила вкус крови.

– Мой любимый.

И взяла старика за руку.

– А я сказал, что не стану это надевать! – взвыл Трик.

– Прошу прощения, – ответил Маузер. – Тебе показалось, будто я спрашивал?

Стоя у подножия самой обыкновенной горы, Мия изо всех сил пыталась сохранять спокойствие. Церковники собрались у утеса. Одни несли груды снаряжения, другие вели взмыленных верблюдов. Маузер протягивал повязки для глаз и настаивал, чтобы Мия с Триком их надели. По какой-то необъяснимой причине Трик пришел от этого в ярость. Мия почти видела, как вдоль спины двеймерца вздыбливается загривок.

И хоть она не чувствовала остатков странной смеси из гнева и похоти, наполнившей ее ранее, Мия полагала, что ее друг все еще может находиться под ее воздействием. Она повернулась к Маузеру.

- Шахид, мы были сами не свои, когда прибыли...
- Это «Рознь». Чары, наложенные на Тихую гору много веков назад.
- Они по-прежнему на него действуют.
- Нет. Они препятствуют тем, кто приходит в Церковь без... приглашения. Теперь вам здесь рады. *Если* вы наденете повязки.
- Мы спасли ей жизнь, – Трик кивнул на Наив. – А вы все равно нам не доверяете?
- Маузер просунул большие пальцы под пояс и расцвел улыбкой вора, явившегося за столовым серебром. Его голос был таким же насыщенным, как золотое вино «Двенадцать бочек»⁵³.
- Но вы же до сих пор живы, не так ли?
- Трик, да какая разница? – не выдержала Мия. – Просто надень ее.
- Я не стану надевать никакую повязку.
- Но мы прошли такой путь...
- А дальше не пойдете, – добавил Маузер. – Не с открытыми глазами.
- Трик скрестил руки и окинул его испепеляющим взглядом.
- Нет.
- Мия вздохнула и провела рукой по челке.
- Шахид Маузер, могу я поговорить со своим приятелем наедине?
- Только быстро, – ответил шахид. – Смерть Наив у самого порога Церкви не понравится вещателю Адонаю. Если Мать ее заберет, это будет на вашей совести.
- Мия гадала, что он имел в виду: раны от кракена были фатальными, и Наив уже все равно труп. Тем не менее она взяла Трика за руку и потащила по осыпающемуся предгорью. Отойдя за пределы слышимости, она развернулась к юноше, и ее печально известная вспыльчивость начала медленно вскипать.
- Зубы Пасти, да что с тобой не так?!
- Я не буду этого делать. Лучше перерезать себе глотку.
- Они сделают это за тебя, если продолжишь в том же духе!
- Пусть попробуют.
- Это их обычай, таковы правила! Ты понимаешь, кто мы здесь? Мы аколиты! Самое дно! Либо мы делаем, либо отделают *нас*.
- Я не буду надевать повязку на глаза.
- Тогда ты не попадешь в Церковь.
- К Пасти Церковь!
- Мия покачалась на пятках, нахмуривая лоб.
- ...*Ему страшно*... – прошептал Мистер Добряк из ее тени.
- Заткнись, срань ты бессердечная! – рявкнул Трик.
- Трик, чего ты боишься?
- Мистер Добряк принюхался своим не-носом, моргнул не-глазами.
- ...*Темноты*...
- Закройся! – проревел двеймерец.

⁵³ Золотое вино – это итрейское виски, названное в честь обширных полей в Серединных землях, поросших кукурузой, из которой его гонят. Несколько семей, включая фамилии Валенте и Албари, прославились благодаря своим рецептам. Соперничество между семьями не единожды выливалось в столкновения, от мелких стычек до открытого кровопролития, самое известное из которых – Война Двенадцати бочек – продлилось четыре истинотмы и забрало не менее тридцати двух жизней. Объявленный официальной Вендеттой – то есть кровной враждой, одобренной Священной Церковью Аа, – конфликт так прозвали потому, что в хаосе резни и поджогов, которые ему сопутствовали, выжили лишь двенадцать бочек виски Албари, которые распределили по всей республике. Посему «Двенадцать бочек» встречается чрезвычайно редко и является необычайно дорогим – известно, что однажды на аукционе одну бутылку продали за сорок тысяч золотых мудаков. Когда двое неуклюжих слуг устроили пожар на летней вилле сенатора Ари Джанкарли, рассказывали, что сенатор лично забежал в пылающий дом не меньше трех раз – чтобы спасти жену, сына и две бутылки «Двенадцати бочек». Разумеется, слухи о том, что *первым* делом он спас бутылки виски, – это гнусная клевета, придуманная политическими конкурентами, и не имеет абсолютно никаких оснований. (Он спас их вторыми).

Мия часто заморгала, на ее лице отразилось недоверие.

– Ты же это не серьезно...

– ...*Прошу прощения, меня не проинформировали, что я был низведен до статуса шута...*

Мия пыталась встретиться взглядом с Триком, но тот хмуро смотрел в землю.

– Трик, ты действительно хочешь сказать, что пришел сюда, чтобы обучаться у самых опасных ассасинов в республике и *боишься гребаной темноты?*

Юноша вознамерился было снова закричать, но слова застыли на языке. Он стиснул зубы, сжал руки в кулаки, его безыскусные татуировки исказились от гримасы.

– Дело не в треклятой темноте... – тихий вздох. – Просто... в невозможности видеть. Я...

Он плюхнулся на пятую точку и пнул горсть сланца со склона.

– Ай, к черту...

В груди Мии просыпалось чувство вины, замещая злость. Она со вздохом присела рядом с двеймерцем и опустила ладонь на его руку в утешительном жесте.

– Прости, Трик. Что с тобой произошло?

– Кое-что плохое, – он вытер глаза. – Просто... плохое.

Она сжала его руку, остро осознавая, что сильно прикипела к этому странному юноше. И видеть его таким – дрожащим, как ребенок...

– Я могу его забрать, – предложила Мия.

– ...Что забрать?

– Твой страх. Ну, если точнее, не я, а Мистер Добряк. Ненадолго. Он пьет его. Дышит им. Страх держит его в нашем мире. Дает силу для роста.

Трик насупленно глянул на тенистое создание, в его глазах читалось отвращение.

– ...Страх?

Мия кивнула.

– Он уже много лет упивается моим. Этого недостаточно, чтобы я забыла о здравом смысле, разумеется. Но достаточно, чтобы я не дрожала во время поножовщины или когда нужно что-нибудь украсть. Он делает меня сильной.

– Бред какой-то, – нахмурился Трик. – Если он пожирает твой страх, ты никогда не научишься справляться с ним самостоятельно. Это не сила, а самообман...

– Что ж, тогда я готова одолжить этот самообман вам, дон Трик, – сердито посмотрела на него Мия. – Так что вместо того, чтобы читать лекции о моих недостатках, я бы предпочла, чтобы ты сказал «спасибо, Бледная Дочь» и доставил свою жалкую задницу в Церковь, пока нам не перерезали плотки и не оставили на съедение кракенам.

Юноша посмотрел на их сомкнутые руки. Медленно кивнул.

– Спасибо, Бледная Дочь...

Она встала, помогла ему подняться на ноги. Мистера Добряка просить было не нужно – он просто перетек по их пересекающимся теням. В ту же секунду Мию начало подтачивать изнутри беспокойство, словно ее желудок грызли холодные червяки, но она сделала все возможное, чтобы раздавить их ботинками. Трик, продолжая держать ее за руку, направился по крошащейся под ногами почве к Маузеру.

– Ну что, вы готовы? – спросил шахид.

– Готовы, – ответил Трик.

Мия улыбнулась, услышав, что его голос стал почти на октаву ниже. Юноша сжал ее пальцы и закрыл глаза, позволяя Маузеру надеть повязку. Завязав ткань на глазах Мии, шахид взял их за руки и повел по скале. Мия услышала прошептанное слово – что-то древнее и могущественно вибрирующее. Затем раздался громкий треск и каменный грохот. Земля содрогнулась под ногами, в воздух поднялись удушающие клубы пыли. Девушка почувствовала стремительный поток ветра, ощутила маслянистый архимический привкус.

Ее вывели по бугристой почве на гладкую каменную поверхность. Температура резко понизилась, свет, едва проникающий сквозь повязку, медленно померк. Они оказались в каком-то темном месте; в недрах горы, как она предположила. Маузер привел ее к лестнице, и они начали подниматься по расширяющейся спирали. От постоянных поворотов ее голова слегка закружилась, она начала терять ориентацию в пространстве – уже не понимая, откуда они пришли и куда направлялись. Вверх. Вниз. Влево. Вправо. Бессмысленные направления. Ничего невозможно запомнить. Мия ощутила чуть ли не всепоглощающее желание позвать Мистера Добряка обратно, испытать это знакомое прикосновение, без которого она уже не знала, как жить.

Наконец, спустя, казалось, много часов, Маузер ослабил хватку. На секунду Мия замешкалась. Представила себя на вершине горы, без каких-либо оград, только резкий обрыв, ведущий напрямик к смерти. Развела руки, чтобы восстановить равновесие. Тяжело задышала. И тихо прошептала:

– Возвращайся.

Не-кот вернулся стремительным потоком, набрасываясь на бабочек в ее животе и расчленяя их одну за другой. Повязку сняли с глаз, и Мия, часто заморгав, увидела огромный зал – больше, чем недра величайшего собора. Стены и пол из темного гранита были гладкими, как речные камешки. Через прекрасные витражные окна лился мягкий архимический свет, создавая впечатление, будто снаружи светило солнце – хотя на самом деле они находились глубоко в горе. Трик стоял рядом и рассматривал помещение. По кругу были расположены широкие остроконечные арки и гигантские колонны, высокие каменные фронтоны будто вырезали в самой горе.

– Треленовы большие... мягкие...

Глянув в центр зала, юноша потерял дар речи. Мия проследила за его взглядом и увидела статую женщины: на ее эбонитовой мантии, как звезды, висели драгоценности. Статуя была просто колоссальной. Она возвышалась в двенадцати метрах над ними, вытесанная из блестящего черного камня. Примерно на уровне головы в нее были вставлены небольшие железные кольца. В руках женщина держала весы и огромный грозный меч, шириной со ствол дерева и острый, как обсидиан. Ее лицо было прекрасно. Жестокое и холодное. По спине Мии побежали мурашки. Глаза статуи будто следили за каждым ее движением, пока она подходила ближе.

– Добро пожаловать в Зал Надгробных Речей, – сказал Маузер.

– Кто она?

– Мать, – шахид коснулся глаз, губ и груди. – Пасть. Мать Священного Убийства. Всемогущая Ная.

– Но... она такая красивая, – выдохнула Мия. – На картинках, которые я видела, ее изображали как чудовище.

– Свет полон лжи, аколит. Солнца служат лишь для того, чтобы ослеплять нас.

Мия побрела по грандиозному залу, пробегая пальцами по спиральным узорам на камне. В стенах были проделаны сотни маленьких квадратных дверок, размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров, размещенных одна над другой, словно склепы в каком-то большом мавзолее. В просторном зале ее шаги звучали как звон колокольчиков. Единственным звуком в самом зале была мелодия, которую будто исполнял бесплотный хор, парящий в воздухе. Прекрасный, бессловесный, нескончаемый гимн. Атмосфера этого зала отличалась от любого другого, который она посещала. Здесь не было ни алтарей, ни золотой отделки, но впервые в жизни Мия почувствовала, что находится в... священном месте.

Мистер Добряк прошептал ей на ухо:

– ...*Мне тут нравится*...

– Шахид, что это за имена? – поинтересовался Трик.

Мия опустила взгляд и поняла, что на полу выгравированы имена. Сотни. Тысячи. Выведенные крошечными литерами на полированном черном граните.

– Имена каждой жизни, которую забрала эта Церковь для Матери, – мужчина поклонился статуе. – Мы почитаем их. Зал Надгробных Речей, как я и сказал.

– А склепы? – спросила Мия, кивая на стены.

– В них хранятся тела прислужников, отправившихся к Матери. Как и тех, кого забрали, мы чтим тех, кто пал.

– Но на этих склепах не выгравированы имена, шахид.

Маузер молча посмотрел на Мию. Звуки мелодии, выводимой призрачным хором, лились в темноте.

– Мать знает их имена, – наконец ответил он. – А это единственное, что имеет значение.

Мия моргнула. Посмотрела на статую, парящую над головой. Богиня, которой принадлежит эта Церковь. Прекрасная и ужасная. Непостижимая и могущественная.

– Идемте, – позвал шахид Маузер. – Ваши комнаты готовы.

Он повел их к выходу из грандиозного зала через одну из остроконечных арок. Под ней оказалась длинная лестница, спиралью уходящая в черноту. Мия вспомнила ивовый прут старика Меркурио, треклятые библиотечные ступеньки, по которым он заставлял ее бегать бесчисленное количество раз. Улыбнулась и мысленно поблагодарила старика за тренировки, поднимаясь легкими размашистыми шагами.

Троица забралась наверх. Шахид карманов шел последним – тихий, как чума.

– Черная Мать, – проговорил Трик, задыхаясь. – Им стоило назвать ее Красная Лестница...

– Ты в порядке? – прошептала Мия. – Мистер Добряк помог?

– Ага. Это было... – юноша покачал головой. – Будто я заглянул внутрь себя и обнаружил сталь. Никогда не испытывал ничего подобного. К черту самообман. Быть даркином, должно быть, очень круто.

Они попали в длинный коридор. Арки тянулись в беспросветный мрак, стены украшали спиралевидные узоры. Шахид Маузер остановился у деревянной двери и толкнул ее. Мия оглядела просторную комнату, отделанную красивым темным деревом, и при виде огромной кровати, укрытой роскошной серой шкурой, почувствовала, как заныло ее тело. Она не спала уже минимум две неночи...

– Твоя комната, аколит Мия, – объявил Маузер.

– А где буду жить я? – полюбопытствовал Трик.

– Дальше по коридору. Остальные аколиты уже поселились. Вы двое прибыли последними.

– И сколько нас всего? – спросила Мия.

– Почти тридцать. С нетерпением жду, когда мы узнаем, кто из вас железо, а кто стекло.

Трик кивнул на прощание и последовал за Маузером по коридору. Мия шагнула внутрь и кинула походный мешок у двери. Сила привычки заставила ее осмотреть каждый угол, ящик и замочную скважину. Напоследок она заглянула под кровать, и только затем плюхнулась на нее. Обдумав, насколько необходимо расшнуровывать ботинки, она решила, что слишком устала, а посему и так сойдет. Устроившись поудобнее на подушках, девушка погрузилась в самый глубокий сон в своей жизни.

Кот из теней сидел в изголовье кровати и наблюдал за ее снами.

– ...Кто-то идет...

Мия проснулась от холодных слов Мистера Добряка, шептавшего ей на ухо. Она распахнула глаза и быстро села, услышав тихий стук в дверь. Девушка достала кинжал, смахнула волосы с по-прежнему забитых песком глаз. На секунду забыла, где находится. В своей старой

комнате над лавкой Меркурио? В Ребрах, рядом со спящим младшим братом и родителями в соседней комнате?..

Нет.

«Не смотри...»

Мия неуверенно подала голос:

– Входите.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошла фигура в черной мантии, пересекла ее и встала у изножья кровати. Мия настороженно подняла могильную кость.

– Либо вы ошиблись комнатой, либо девушкой...

Незванный гость поднял руки. Затем откинул капюшон, и Мия увидела копну светлых локонов, а также знакомые глаза, пристально глядевшие на нее в прорезь черной ткани.

– Наив?..

Но это невозможно! Крюки кракена разодрали внутренности женщины в клочья. После двух перемен разложения под солнцем ее кровь должна была переполниться ядом. Как, во имя Пасти, она может быть жива, не говоря уже о том, чтобы ходить и разговаривать?

– Ты должна была умереть...

– Должна была. Но нет, – невысокая женщина поклонилась. – Благодаря ей.

Мия покачала головой.

– Ты не обязана меня благодарить.

– Не только благодарить. Она рисковала жизнью, чтобы спасти Наив. Наив не забудет.

Когда Наив достала из рукава нож, Мия отшатнулась, а Мистер Добряк раздулся в ее тени. Но женщина просто провела лезвием по ладони – и из пореза потекла кровь, капая на пол.

– Она спасла Наив жизнь. Поэтому Наив перед ней в долгу. И, на глазах у Матери Ночи, клянется своей кровью.

– Тебе не нужно этого делать...

– Готово.

Наив наклонилась и начала развязывать шнурки на ботинках Мии. Девушка ойкнула и спрятала ноги под себя. Тогда женщина потянулась к узлу на рубашке, но Мия отмахнулась от нее, отползла по кровати и подняла руки в защитном жесте.

– Так, а ну-ка послушай меня сюда...

– Она должна раздеться, – сказала Наив.

– Ты *правда* ошиблась девушкой. И вообще-то приличные люди сначала предлагают чего-нибудь выпить.

Наив уперла руки в бока.

– Она должна помыться перед встречей с Духовенством! Если Наив позволят говорить откровенно, от нее разит лошаадьми и экскрементами, волосы жирнее, чем лиизианское сладкое мясо, а все тело покрыто запекшейся кровью. Если она хочет явиться на свое посвящение в Церковь Матери похожей на двеймерскую дикарку, Наив рекомендует сберець всем время и сразу прыгнуть с Небесного алтаря.

– погоди... – Мия моргнула пару раз. – Ты что-то сказала о мытье?

– ...Да.

– С водой? – Мия встала на колени и прижала руки к груди. – И мылом?

Женщина кивнула.

– Даже с пятью видами мыла.

– Зубы Пасти! – Мия развязала узелок на рубашке. – Значит, ты все-таки не ошиблась девушкой.

У подножия каменной богини собрались темные фигуры, окутанные бесцветным сиянием.

С их прибытия в Тихую гору прошло двенадцать часов. Четыре с тех пор, как Мия проснулась. Двадцать семь минут с тех пор, как она заставила себя вылезти из ванны и прийти в Зал Надгробных Речей, оставив в воде слой крови и грязи, который, если бы ему дали еще несколько перемен на созревание, и сам смог бы оттуда уйти.

На ней была мантия из приятной на ощупь ткани, влажные волосы она собрала в косу, тело девушки источало аромат душистого мыла. Повернув за угол, Мия увидела других аколитов – двадцать восемь человек, одетых в безжизненно-серый. Увидела итрейского верзилу с кулаками размером с кувалду. Жилистую девицу с короткими рыжими волосами и волчьим коварством в глазах. Рослого двеймерца с живописными татуировками на лице и такими широкими плечами, что на них можно было возложить весь мир. Двух светловолосых и веснушчатых ваанианцев – судя по виду, брат и сестра. Худощавого паренька с голубыми, как лед, глазами, стоявшего в конце ряда за Триком. Он был таким неподвижным, что Мия не сразу его заметила. Все примерно ее возраста. Все стойкие, голодные и молчаливые.

Наив, объятая теньями, держалась поблизости. Другие тихие люди в черных робах стояли на краю тьмы, сложив руки, как кающиеся в соборе.

– Десницы, – прошептала Наив. – В Красной Церкви есть два типа людей. Те, кто следует призыванию, делают подношения... те, кого в народе зовут ассасинами, да? Мы зовем их Клинками.

Мия кивнула.

– Меркурио рассказывал мне об этом.

– А вторые – Десницы, – продолжила Наив. – К каждому Клинку приставляется по двадцать Десниц. Они содержат его Дом в порядке. Помогают с делами. Ходят в продовольственные рейсы, как Наив. Из каждой паствы выбирают не более четырех Клинков. Те, кто пережил учебный год, но не прошел экзамен, станут Десницами. Остальные же просто приходят, чтобы служить богине, чем могут. Не все созданы для того, чтобы убивать во имя нее.

«Значит, отбор пройдут лишь четверо из нас».

Мия кивнула, наблюдая за мужчинами и женщинами в черных робах. Если вглядеться, на щеках некоторых можно было рассмотреть архимические шрамы рабов. Когда все аколиты собрались возле статуи, Наив с Десницами наизусть зачитали отрывок из святого писания:

*Та, кто все и ничего,
Первая, последняя и вечная,
Кромеиная тьма, Голодный Мрак,
Дева, Мать и Матриарх,
Сейчас и в миг нашей гибели,
Помолись за нас.*

Где-то в сумраке тихо прозвенел колокольчик. Мия почувствовала, как Мистер Добряк сворачивается вокруг ее ног и щедро упивается страхом. Услышала шаги; из теней возник чей-то силуэт. Десницы хором повысили голос:

– *Маузер, шахид карманов, помолись за нас.*

На постамент у основания статуи вышел знакомый мужчина. Благолепное лицо и древние глаза – тот, кто встретил у горы Мию с Триком. Он был в серой мантии, единственное украшение – сабля из чернотали. Мужчина занял свое место, повернулся к аколитам и с улыбкой, которая легко могла бы стащить столовое серебро и канделябры, произнес:

– Двадцать шесть.

Мия снова услышала шаги, и Десницы продолжили:

– *Паукогубица, шахид истин, помолись за нас.*

Из сумрака решительно вышла высокая и статная двеймерка. Вдоль ее прямой, подобно колоннам вокруг, спины струились тугие, как веревка, дреды. Ее кожа была такой же смуглой, как и у всего двеймерского народа, но на лице отсутствовали татуировки. Она выглядела как живая статуя, вытесанная из красного дерева. Сцепленные руки были испачканы чем-то, что напоминало чернила. Губы покрашены черной помадой. На поясе висела целая коллекция стеклянных флаконов и три изогнутых кинжала.

Женщина заняла свое место на постаменте и гордо объявила сильным голосом:

– Двадцать девять.

Мия молча наблюдала, закусив губу. И хоть Меркурио хорошо ее обучил тонкому искусству терпения, любопытство наконец взяло над ней верх⁵⁴.

– Что они делают? – шепотом поинтересовалась она у Наив. – Что значат эти числа?

– Это счет для богини. Число подношений, которые они принесли в ее честь.

– *Солис, шахид песен, помолись за нас.*

Мия наблюдала, как из теней выходит еще один одетый в серое мужчина. Настоящий громила, бицепсы толщиной с ее бедро! Голова обрита, один только очень короткий ежик почти белых волос на макушке, кожу черепа испещряют шрамы. Борода уложена в форме четырех игл дикобраза. Он носил ремень для меча, но ножны пустовали. Когда он встал на свое место, Мия посмотрела ему в глаза и поняла, что он слеп.

– Тридцать шесть, – заявил мужчина.

«Тридцать шесть убитых? Рукой слепца?!»

– *Аалея, шахид масок, помолись за нас.*

Мягкой поступью, покачивая бедрами, на свет вышла еще одна женщина – с алебастровой кожей, будто состоявшая из изгибов. У Мии отвалилась челюсть – новоприбывшую можно было с легкостью назвать самой прекрасной женщиной, которую она когда-либо видела. Густые черные волосы каскадом спускались к талии, темные глаза были подведены сурьмой, губы покрашены кроваво-алым. Она была безоружной. По крайней мере, с виду.

– Тридцать девять, – произнесла она голосом таким же сладким, как дым.

– *Достопочтенная Матерь Друзилла, помолись за нас.*

Из тьмы совершенно бесшумно, как внезапная смерть, выскользнула женщина. Пожилая, с вьющимися седыми волосами, заплетенными в косички. На ее шее висела серебряная цепочка с обсидиановым ключом. Она выглядела как добрая старушка, блестящие живые глаза внимательно осматривали группу собравшихся аколитов. Мия не удивилась бы, застав ее в кресле-качалке у счастливого домашнего очага, с внуками, расположившимися возле ее ног, и с чашкой чая в руке. Она никак не могла быть главным священником самой смертоносной группы...

– Восемьдесят три, – объявила старушка, занимая свое место на постаменте.

⁵⁴ На раннем этапе ученичества Мии любимым испытанием старика была игра, которую он назвал «Железный священник» – в ней побеждал тот, кто молчал дольше всех. Поначалу Мия думала, что игра должна испытывать на прочность ее терпение и выдержку, но через пару лет Меркурио признался, что придумал ее, чтобы в лавке хоть ненадолго воцарялась тишина. Как бы там ни было, через самое тяжелое испытание Мия прошла, когда ей было двенадцать. Во время особенно холодной зимы старик приказал ей залечь на крыше напротив Большой часовни Цаны и ждать посланника в красных перчатках, а затем последовать за ним, куда бы тот ни пошел. По его словам, это было дело «смертельной важности». «Посланником», разумеется, был один из многочисленных городских агентов Меркурио. Ни по каким важным – или смертельным – делам он не шел, просто ему было велено отправить Мию в веселую погоню по лютному морозу и под конец вывести ее обратно к сувенирной лавке. Однако когда юноша направлялся в храмовый район, его сбила беглая лошадь, и посему он так никуда и не прибыл. Меркурио об этом не знал. Несмотря на жуткий холод (в зимний долгий и горький период в Годсгрейве светит лишь одно солнце), Мия осталась на крыше. Даже когда пошел снег, она решила не двигаться с места, чтобы не упустить цель. Когда на следующее утро девочка так и не пришла, Меркурио забеспокоился и пошел по намеченному маршруту «посланника», пока, наконец, не достиг крыши храмового района. Там он нашел свою страдающую от гипотермии ученицу, которая безудержно дрожала, но упорно не сводила глаз с часовни Цаны. Старик спросил, почему, ради Матери, Мия осталась на крыше, ведь она могла замерзнуть насмерть, и тогда двенадцатилетняя девочка просто ответила: «Ты сказал, это важно». Как я и говорил, не без обаяния.

«Пасть меня побери, восемьдесят три!..»

Достопочтенная Мать посмотрела на новеньких, ласково улыбнулась.

– Приветствую вас в Красной Церкви, дети! – сказала она. – Чтобы оказаться здесь, вы прошли через мили и годы. И впереди вас ждут мили и годы. Но в конце пути вы станете Клинками, рассекающими на славу богине, и будете посвящены в самые сокровенные таинства. Те из вас, кто выживет, разумеется.

Женщина показала на четверых шахидов рядом с ней.

– Прислушайтесь к наставлениям своих шахидов. И учтите: все, чем вы были до этого момента, умерло. Как только вы поклянетесь служить Пасти, вы станете принадлежать ей и только ей. – Человек в робе и с серебряным кубком подошел к Достопочтенной Матери, и она подозвала Мию. – Принеси свое подношение. Останки убийцы, убитого в ответ и отданного Матери Священного Убийства в час твоего крещения.

Мия вышла вперед с мешочком в руке. Живот скрутило, но ее руки оставались твердыми, как камень. Она заняла место перед старушкой с ласковой улыбкой, всмотрелась в ее светло-голубые глаза. Почувствовала, как ее оценивают. Задумалась, прошла ли она отбор.

– Мое подношение, – выдавила девушка. – Для Пасти.

– От ее имени я принимаю его с благодарностями на устах.

Услышав ответ, Мия вздохнула и чуть не упала на колени. Достопочтенная Мать обняла ее, поцеловала в щеки ледяными губами и крепко прижала к себе, пока девушка пыталась дышать глубже и подавить горячие слезы. Затем, повернувшись к серебряному кубку, церковница окунула в него костлявую кисть. Когда она вытащила руку, с пальцев капало алым.

Кровь.

– Назовись.

– Мия Корвере.

– Клянешься ли ты служить Матери Ночи? Клянешься ли выучить смерть во всей красе, навлекать ее на тех, кто этого заслуживает и не заслуживает, во имя Ее? Станешь ли ты аколитом Наи и мирским инструментом тьмы между звездами?

От волнения у Мии перехватило дыхание, слова не шли с губ.

Затишье перед бурей.

– Клянусь.

Достопочтенная Мать прижала ладонь к ее щеке и размазала кровь. Та была по-прежнему теплой, легкие Мии наполнились запахом соли и меди. Женщина оставила отметку на другой щеке, после чего провела длинную полосу вдоль губ и подбородка. Мия прониклась важностью момента до самых костей, от трепета сердце ушло в пятки. Мать кивнула, и девушка попятилась, обхватив себя руками и слизывая кровь с губ. Мия не знала, плакать ей или смеяться. Теперь она была на шаг ближе к мести за свою семью. На шаг ближе к могиле Скаевы.

Наконец она осознала, где находится.

«Я здесь!»

Обряд повторялся, все аколиты по очереди выходили и отдавали свое подношение. Некоторые принесли зубы, другие – глаза; высокий юноша с руками-кувалдами принес гниющее сердце, завернутое в черный бархат. Мия понимала, что каждый из них – убийца. Что, вероятно, во всей республике нет более опасного места, чем зал, в котором она сейчас стоит⁵⁵.

– Завтра утром начнутся занятия, – сказала Достопочтенная Мать. – Ужин будет подан в Небесном алтаре через полчаса. – Она показала на людей в робах. – Если вам нужна будет помощь, Десницы в вашем распоряжении, и я рекомендую пользоваться их услугами, пока вы не освоитесь на новом месте. Поначалу в горé сложно ориентироваться, и если вы заблуди-

⁵⁵ Поразительно, удивительно, невероятно ошибочное представление.

тес в этих залах, это может привести к... неблагоприятным последствиям. – Ее голубые глаза сверкнули во мгле. – Так что будьте осторожны. Учитесь хорошо. Пусть Матерь обретет вас как можно позже. А когда это все же случится – поприветствует поцелуем.

Женщина поклонилась и шагнула обратно во тьму. Остальные члены Духовенства ушли один за другим. Трик, улыбнувшись, подошел к Мие, его щеки были окрашены кровью. Юноша отмылся, даже его дреды стали выглядеть немного лучше, перестав напоминать живое чудище.

– Ты побрился, – ухмыльнулась Мия.

– Только не стоит к этому привыкать. Я бреюсь два раза в год. – Он покосился на Наив, его глаза медленно округлились при узнавании. – Как, ради Матери...

– Мы снова встретились, – женщина низко поклонилась. – Наив благодарит за его помощь в пустыне. Долг будет выплачен.

– Как это возможно, что ты до сих пор ходишь и дышишь?

– В этом месте сплошные секреты.

– Корвере? – раздался позади тихий голос.

Мия обернулась. Это оказалась та симпатичная девушка с рыжими волосами, стрижкой боб-каре и зелеными охотничьими глазами. Она пристально изучала Мию, склонив голову набок. Позади нее, словно сердитая тень, маячил здоровяк-итреец с руками-кувалдами.

– Во время церемонии ты представилась как Корвере, верно? – продолжила девушка.

– Да, – кивнула Мия.

– Ты, случайно, не родственница Дария Корвере? Бывшего судьи?

Мия мысленно оценила незнакомку. Натренированная. Быстрая. Крепкая, как дерево. Но кем бы она ни была, Мия не сомневалась, что в этих стенах у Скаевы и его дружков нет союзников; в конце концов, после Резни в истинотьму Рем и его люминаты поклялись уничтожить Красную Церковь. Тем не менее Меркурио настаивал, чтобы, перешагнув через порог этого места, Мия оставила свое имя позади. Это одна из немногих тем, на которые они спорили. Наверное, это глупо. Но смерть отца – та самая причина, по которой она ступила на эту дорожку. Скаева и его прислужники вычеркнули фамилию Корвере из истории – она не бросит ее в пыли, чего бы ей это ни стоило.

– Я дочь Дария Корвере, – наконец ответила Мия. – А ты?

– Джессамина, дочь Маркина Грациана.

– Прошу прощения, я должна знать это имя?

– Первый центурион легиона люминатов, – насупилась девушка. – Казненный по приказу итрейского Сената после Восстания Царетворцев.

Мия еще больше нахмурилась. Черная Мать, это дочь одного из центурионов ее отца! Такая же, как она: девочка, ставшая сиротой из-за консула Скаевы, судьи Рема и остальных ублюдков. Кто-то, кто тоже познал вкус несправедливости.

Мия протянула ей руку.

– Рада встрече, сестра. Мой...

Джессамина отмахнулась от ее руки и сверкнула глазами.

– Ты мне не сестра, сука!

Мия почувствовала, как Трик напрягся, как в тени у ее ног вздыбился заливоч Мистера Добряка. Потерла отбитые костяшки и осторожно заговорила:

– Я сожалею о твоей потере. Серьезно. Мой отец...

– Твой отец был гребаным предателем! – прорычала Джессамина. – Его люди умерли, потому что чтили свои клятвы глупому судье, и теперь их черепами выложена дорожка к Сенатскому Дому. Все благодаря могучему Дарию Корвере!

– Мой отец был верен генералу Антонию, – ответила Мия. – Он тоже чтил свою клятву.

– Твой отец был гребаным прихвостнем! – сплюнула Джессамина. – Все прекрасно знают, почему он последовал за Антонием, и честь не имела к этому *никакого* отношения. Из-за него

моих отца и брата *распяли*. Мать умерла от горя в психушке Годсгрейва. Все они остались неотмщенными. – Девушка подошла на шаг ближе и прищурилась. – Но это ненадолго. Советую тебе отрастить глаза на затылке, Корвере. Надеюсь, у тебя чуткий сон.

Мия смерила ее взглядом, не моргая. Мистер Добряк набухал под ее ногами. Наив подкралась ближе к рыжеволосой девушке и прошептала ей на ухо:

– Она отступит. Или на нее наступят.

Джессамина повернулась к женщине, ее скулы заходили желваками. После долгой игры в гляделки она развернулась на пятках и ушла, крупный итреец засеменил следом. Мия вдруг осознала, что впилась ногтями себе в ладони.

– Ты определенно умеешь заводить друзей, Бледная Дочь.

Мия повернулась к Трику и обнаружила, что тот улыбается, хотя его рука тоже успела потянуться к рукаву. Девушка немного расслабилась и позволила себе улыбнуться в ответ. Хотя она не умела их заводить, в этих стенах у нее был как минимум один друг.

– Пойдем, – сказал юноша. – Мы когда-нибудь поужинаем или нет?!

Мия посмотрела вслед удаляющейся Джессамине. На других аколитов. Реальность того, где она оказалась, постепенно принимала очертания. Она в школе убийц. Окруженная послушниками и мастерами в искусстве убийства. Она здесь. Этот момент настал.

«Пора братья за работу».

– Я бы не отказалась от ужина, – кивнула Мия. – Лучшего места для разведки и не придумаешь.

– Разведки? Ты о чем?

– Слышал поговорку, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?

– Всегда меня удивляла, – Трик нахмурился. – Мне кажется, через грудную клетку быстрее.

– Твоя правда. Как бы там ни было, о животных можно многое узнать, наблюдая, как они едят.

– ...Иногда ты немного меня пугаешь, Бледная Дочь.

Она сухо улыбнулась.

– Лишь немного?

– Ну, большую часть времени ты просто вселяешь ужас.

– Идем уже, – сказала Мия, толкая его в плечо. – С меня выпивка.

Глава 9

Тьма

Старик, как мог, вправил ей нос и вытер кровь с лица тряпкой, вымоченной в чем-то, что имело резкий металлический запах. Усадив девочку за столиком в задней части лавки, он пошел заваривать ей чай.

Комната объединяла в себе кухню и библиотеку. Все было окутано тенями, жалюзи спасали от солнечного света снаружи⁵⁶. Кучу грязной посуды и высокие качающиеся стопки книг освещала архимическая лампа. Попивая отвар Меркурио, Мия почувствовала, как ее боль притупляется, пульсирующее безобразие посредине лица милостиво утихало. Он подвинул к ней медовый торт и наблюдал, словно паук за мухой, как она жадно проглотила три куса. Когда девочка отодвинула тарелку, он наконец спросил:

– Как твой клювик?

– Уже не болит.

– Неплохой чаек, верно? – старик улыбнулся. – Как ты его сломала?

– Тот мальчик, который постарше. Финка. Я прижала нож к его причинному месту, и он меня ударил.

– Кто научил тебя сразу целиться по мужской промежности в драке?

– Отец. Он сказал, что самый быстрый способ одолеть мальчика – заставить его пожалеть, что он не девочка.

Меркурио хихикнул.

– Дуум'а.

– Что это значит? – уставилась на него Мия.

– ...Ты не знаешь лиззианского?

– А должна?

– Я думал, мама тебя научила. Она родом из тех краев.

Мия удивленно моргнула.

– Правда?

Старик кивнул.

– Ну, это было давно. До того, как она вышла замуж и стала донной.

– Она... никогда об этом не упоминала.

– Полагаю, у нее не было причин. Скорее всего, она думала, что навсегда покинула эти улицы, – он пожал плечами. – Как бы там ни было, самый близкий перевод «дуум'а» – это «мудро». Так говорят, когда соглашаются с чьими-то словами. Как ты бы сказала «верно-верно» и тому подобное.

– Что значит «Не диис...» – Мия нахмурилась, с трудом произнося незнакомые слова. – «Не диис лус'а... лус диис'а»? Что это значит?

Меркурио с удивлением приподнял бровь.

– Где ты услышала эту фразу?

– Ее сказал консул Скаева моей матери, когда заставил молить о пощаде.

Меркурио почесал щетинистый подбородок.

– Это старая лиззианская пословица.

⁵⁶ Как вы можете себе представить, дорогие друзья, в стране, где солнца почти никогда не садятся, способам, с помощью которых можно избавиться себя от этих ублюдков, придают большое значение. Спальни в республике часто строятся в подвалах, а посетители более-менее приличных таверн готовы заплатить с излишком, лишь бы получить комнату без окон. Бессонница – недуг, приобретаемый из-за недостатка глубокого сна – становится все более частой проблемой, и хоть духовенство Аа сожгло дона Августина Д'Антелло, изобретателя тройной шторы, как еретика, в фойе Железной Коллегии до сих пор можно найти его статую в Ряду Мечтателей.

– И как она переводится?

– Когда все – кровь, кровь – это все.

Мия кивнула, решив, что поняла. Они посидели в тишине какое-то время, старик прикурив одну из сигарилл с ароматом гвоздики и затянулся. Наконец Мия снова заговорила:

– Вы сказали, что моя мама родом отсюда. Вы имели в виду Малый Лиз?

– Да. Но, как я и сказал, это было давно.

– У нее была семья? Кто-то, к кому я могла бы...

Меркурио покачал головой.

– Они ушли, дитя. Или умерли. В основном и то и другое.

– Как отец.

Меркурио прочистил горло, снова затянулся сигариллой.

– Мне жаль. Что они так с ним поступили.

– Его называли предателем.

Старик пожал плечами.

– Предатель – это тот же патриот, только со стороны проигравших.

Мия смахнула челку с глаз, посмотрела на него с надеждой.

– Значит, он был патриотом?

– Нет, вороненок. Он проиграл.

– И его убили, – в ней закипела ненависть, заставив сжать кулаки. – Консул. Толстый священник. Новый судья. Они убили его.

Меркурио выдохнул тонкое серое колечко, внимательно наблюдая за Мией.

– Твой отец и генерал Антоний хотели свергнуть Сенат, девочка. Они собрали чертову армию и планировали выступить против собственной столицы. Подумай, ко скольким смертям это бы привело, если бы их не поймали прежде, чем развязалась настоящая война. Быть может, им стоило повесить твоего папашу. Быть может, он этого заслуживал.

Глаза Миши округлились, и она оттолкнула стул, потянувшись за кинжалом, которого не было на месте. Проснулась ярость, внутри полыхнули вся боль и злость, накопившиеся за прошедшие сутки, гнев так быстро наполнял тело, что ее руки и ноги задрожали.

И тогда все тени в комнате содрогнулись.

Чернота извивалась. У ее ног. За глазами. Она снова сжала кулаки. Сплюнула сквозь стиснутые зубы:

– Мой отец был хорошим человеком. И не заслуживал такой смерти.

Чайник соскользнул со столешницы и с грохотом разбился. Дверцы ящиков задрожали на петлях, чашки заплясали на блюдечках. Башины из книг развалились и рассыпались по полу. Тень Миши потянулась к тени старика, царапая треснувшие половицы; чем ближе она ползала, тем больше гвоздей выскакивало из досок на полу. Мистер Добряк свернулся у ног девочки, с шипением вздыбил полупрозрачную шерсть на загривке. Меркурио – быстрее, чем стоило бы ожидать от такого старика, – юркнул в другую часть комнаты, подняв руки над головой в знак капитуляции и продолжая удерживать в пересохших губах сигариллу.

– Спокойно, спокойно, вороненок, – сказал он. – Это была просто проверка. Я не хотел тебя обидеть.

Когда посуда перестала дрожать, а дверцы шкафчиков – скрипеть, у Миши подкосились ноги, и она осела на месте. Желание расплакаться боролось со злостью. На нее столько всего навалилось. Вид раскачивающегося на веревке отца, крики матери, скитание в переулках, кража, избиение... все. Это слишком.

Слишком.

Мистер Добряк кружил у ее ног, мурча и тыкаясь в нее, как настоящий кот. Ее тень скользнула обратно по полу и приняла свою обычную форму, только на оттенок темнее. Меркурио указал на нее.

– Как давно она прислушивается?

– ...Кто?

– Тьма. Как давно она прислушивается к твоему зову?

– Я не понимаю, о чем вы.

Мия села на корточки и обхватила себя руками, пытаясь сдержать всю боль внутри. Свернуть ее и затолкать в носки туфель. Ее плечи дрожали. Живот болел. И тогда девочка начала тихо всхлипывать.

О Дочери, как же она себя ненавидела в тот момент...

Старик потянулся к пальто. Достал более-менее чистый платок и вручил ей. Наблюдал, как она берет его, вытирает, как может, сломанный нос, ненавистные слезы на ресницах. И, наконец, присел на пол перед девочкой и пристально посмотрел на нее своими пронзительными голубыми, как сапфиры, глазами.

– Я вообще ничего не понимаю, – прошептала Мия.

Старик улыбнулся, сверкнув глазами. Покосившись на кота из теней, достал из пальто стилет донны Корвере и вонзил в половицы между ними. Полированная могильная кость заблестела в свете лампы.

– А хочешь понять? – спросил Меркурио.

Мия изучила кинжал, медленно кивнула.

– Да, сэр.

– Здесь нет никаких «сэров», вороненок. И донов с доннами. Только ты и я.

Мия закусил губу, испытывая искушение просто схватить клинок и убежать.

Но куда ей идти? Что делать?

– Тогда как мне вас называть? – наконец спросила она.

– Это от кое-чего зависит.

– От чего?

– От того, хочешь ли ты наказать тех, кто забрал твое по праву. Если ты та, кто не забывает и не прощает. Если ты хочешь понять, почему Мать оставила на тебе свою метку.

Мия уставилась на старика, не моргая. Ее тень пошла рябью у ног.

– И если я отвечу «да»?

– Тогда зови меня «шахид». До тех пор, пока я не назову тебя «Мией».

– Что значит «шахид»?

– Это древнеашихское слово. Означает «заслуженный мастер».

– А как вы тем временем будете звать меня?

С губ старика сорвалось и поплыло тонкое кольцо дыма, когда он ответил:

– Угадай.

– ...Ученица?

– А ты умнее, чем выглядишь, девочка. Одно из немногих качеств, которые мне в тебе нравятся.

Мия посмотрела на свою тень. На суровый солнечный свет, затаившийся за жалюзи. На Годсгрейв за ними. Город мостов и костей, медленно наполняющийся костями близких ей людей. Она знала, что там нет никого, кто ей бы помог. А если она хочет освободить мать и брата из Философского Камня, если хочет спасти их из могилы, соседствующей с отцовской – если его вообще похоронили, – если хочет свершить правосудие над теми, кто разрушил ее семью...

Что ж, ей понадобится помощь, не так ли?

– Хорошо, шахид.

Мия потянулась за клинком. Меркурио выдернул его со скоростью ртути и поднял между ними. Во мраке сверкнули янтарные глаза.

– Заберешь его, когда заслужишь, – отрезал старик.

- Но он мой! – возразила Мия.*
- Забудь о девочке, у которой было все. Она умерла вместе со своим отцом.*
- Но я...*
- Ничто – твое начало. Ничего не имей. Ничего не знай. Будь ничем.*
- И зачем мне это?*
- Старик затушил сигариллу о половицы.*
- Его улыбка заставила Мию улыбнуться в ответ.*
- Потому что тогда ты будешь способна на все.*

В последующие годы Мия будет вспоминать день, когда она впервые увидела Небесный алтарь, как день, когда она уверовала в божественную силу. О, Меркурию привил ей соответствующие религии Матери взгляды. Смерть как подношение. Жизнь как призвание. До всего этого ее растили как прилежную, набожную дочь Аа. Но именно в тот момент, когда она впервые взглянула на балкон, она приняла эти истины и начала действительно осознавать, где находится.

Наив с другими людьми в робах повели Мию с Триком по очередному (и, по-видимому, бесконечному) лестничному пролету. Все двадцать восемь аколитов решили пойти на ужин, их подъем сопровождался тихими беседами, разнообразие акцентов напомнило Мие о рынке Малого Лииза. Но все разговоры стихли, как только группа дошла до верхней площадки. Мия затаила дыхание и прижала руку к груди. Наив прошептала ей на ухо:

- Добро пожаловать в Небесный алтарь.*

Площадка была вырезана прямо в горе и находилась под открытым небом. Столы поставили буквой «Т», в воздухе пахло жареным мясом и свежим хлебом. И хоть в ее животе заурчало от этих вкусных ароматов, все мысли Мии были поглощены представшей картиной.

Площадка парила над пропастью – прямо за перилами из железного дерева оступившихся ждал трехсотметровый полет вниз. Она видела внизу Пустыню Шепота – крошечную, идеальную и неподвижную. Но наверху, где небо должно было гореть светом упрямых солнц, была лишь темнота – черная, непроглядная и совершенная.

Усеянная маленькими звездами.

- Что, во имя Света... – выдохнула девушка.*
- Не Света, – невнятно пробормотала Наив. – Тьмы.*
- Как такое может быть? Истинотьма наступит как минимум через год.*
- Здесь всегда истинотьма.*
- Но это невозможно...*
- Только если «здесь» находится там, где она полагает, – женщина пожала плечами. –*

А оно не там.

Аколитов провели к их местам, пока они таращились на черный свод. Хотя на такой высоте ветер должен был просто завывать, не чувствовалось ни малейшего дуновения. И никакого шума, помимо изумленного шепота и учатившегося сердцебиения Мии.

Она села между Триком и неприметным пареньком с холодными, как лед, глазами. Напротив устроилась парочка, которую Мия приняла за брата с сестрой. Светлые волосы девушки были заплетены в тугие косы на военный манер, виски выбриты. У нее было симпатичное лицо с ямочками и россыпью веснушек. Ее брат тоже был круглолицым, но поскольку он не улыбался, ямочки не были видны. Его короткие пряди на голове были уложены в торчавшие острые шипы. Обоим достались голубые и прозрачные, как небеса, глаза. Их щеки до сих пор покрывала корочка крови с церемонии крещения.

Мия уже услышала одну угрозу в свой адрес с момента прибытия. Она задавалась вопросом, станет ли каждый аколит из их набора ее противником или даже врагом.

Светловолосая девушка указала ножом на щеки Мии.

– У тебя что-то на лице.

– И у тебя, – кивнула Мия. – Хотя тебе идет этот цвет. Подчеркивает глаза.

Девушка фыркнула и криво улыбнулась.

– Что ж, – начала Мия. – Может, представимся? Или просто будем весь ужин прожигать друг друга взглядами?

– Я Эшлин Ярнхайм, – ответила девушка. – Или просто Эш. А это мой брат – Осрик.

– Мия Корвере. А это Трик, – она кивнула на своего друга.

Трик, со своей стороны, свирепо смотрел на другого двоюродного брата за столом. Крупный юноша обладал таким же квадратным подбородком и плоским лбом, как у Трика, но был выше, шире, и если татуировки Трика походили на безыскусные каракули, чернильные рисунки юноши выглядели как настоящее искусство. Он наблюдал за Триком, как белый драк наблюдает за тюленем.

– Здравствуй, Трик, – поздоровалась Эшлин, протягивая ему руку.

Юноша пожал ее, даже не взглянув на новую знакомую.

– Приятно.

Эшлин, Осрик и Мия выжидающе посмотрели на бледного паренька слева. Тот разглядывал ночное небо. Поджал губы, словно обсасывая зуб. Мия вдруг осознала, что он красив – ну, слово «изящен», наверное, лучше его опишет, – с высокими скулами и самыми пронзительными лазурными глазами, которые ей когда-либо доводилось видеть. Но при этом худой. Слишком худой.

– Я Мия, – представилась она, протянув руку.

Юноша моргнул и перевел на нее взгляд. Подняв маленькую доску с колен, что-то вывел на ней мелком и показал Мие.

Там было написано «ТИШЬ».

Мия удивленно моргнула.

– Это твое имя?

Красавец кивнул и молча вернулся к разглядыванию неба. За весь ужин он не издал ни звука.

Эшлин, Осрик и Мия болтали, пока подавали еду – куриный бульон, баранину, маринованную в лимонном масле, запеченные овощи и восхитительное итрейское красное вино. В основном говорила Эшлин, в то время как Осрик увлеченно разглядывал зал. Им было шестнадцать и семнадцать (Осрик старше), и они прибыли пятью переменах раньше. Их наставник (и, как оказалось, по совместительству отец) снабдил их куда более детальным описанием, как найти Церковь, чем старик Меркурио, и по пути к Тихой горе брату с сестрой удалось избежать встреч с чудовищами. Похоже, Эшлин впечатлила история Мии о песчаном кракене. Осрика же больше впечатлила Джессамина. Рыжая, со своими по-волчьи коварными глазами, девушка сидела в трех стульях от них, и Осрик просто не мог оторвать от нее взгляд. Та же, со своей стороны, была увлечена бандитского вида итрейцем, сидевшим рядом. Она что-то шептала ему на ухо и то и дело испепеляла Мию взглядом.

Мия чувствовала на себе взгляды и других учеников – как брошенные украдкой, так и пристальные, но некоторые скрывали это лучше прочих. Почти все аколиты изучали своих новых товарищей. Тишь просто смотрел в небо и попивал бульон с таким видом, будто это тяжкий труд, к другим лакомствам он не прикасался.

Между сменой блюд Мия наблюдала за Духовенством, примечая, как они общаются. Солис, слепой шахид песен, говорил больше всех, хотя, судя по внезапным вспышкам смеха, Маузеру, шахиду карманов, принадлежали самые остроумные реплики. Паукогубица и Аалея, шахиды истин и масок, сидели так близко, что почти соприкасались головами. Величайшим уважением пользовалась Достопочтенная Мать Друзилла: когда пожилая женщина вступала в беседу, все разговоры резко обрывались.

Где-то в середине трапезы Мия ощутила, как ее охватывает странное чувство, в животе что-то неприятно шевельнулось. Она внимательно осмотрела зал. Мистер Добряк лежал в ее тени. Внезапно Достопочтенная Мать встала, и все члены Духовенства быстро последовали ее примеру, опустив взоры в пол.

Мать Друзилла обратилась к аколитам:

– Пожалуйста, все встаньте.

Мия поднялась и слегка нахмурилась. Эшлин повернулась к брату и прошептала чуть ли не с благоговением:

– Черная Мать, это *он*!

Мия увидела на балконе Небесного алтаря темноволосого мужчину, разглядывающего зыбкие пески пустыни внизу, – хоть убейте ее, она не заметила, как он вошел в зал. Ее тень задрожала, съежилась, Мистер Добряк свернулся у ног хозяйки.

– Лорд Кассий, – поклонилась Друзилла. – Вы оказали нам большую честь.

Мужчина в одеянии из мягкой темной кожи повернулся к Достопочтенной Матери с тонкой улыбкой. Он был высоким и мускулистым. Длинные смоляные волосы обрамляли пронзительные глаза и подбородок, о который наверняка можно было сломать кулак. На нем был тяжелый черный плащ, на поясе – два одинаковых клинка. Идеально прост. Идеально смертоносен. Его голос вызвал у Мии трепет во всем теле, даже в тех местах, где она совсем этого не ожидала.

– Не стоит беспокоиться, Достопочтенная Мать. – Его темные глаза осматривали новых аколитов, по-прежнему стоявших, вытянувшись в струнку. – Я просто хотел насладиться видом. Можно к вам присоединиться?

– Разумеется, лорд.

Достопочтенная Мать освободила стул во главе стола Духовенства, шакиды быстро подвинулись, чтобы с удобством разместить новоприбывшего гостя. Улыбаясь, мужчина шагнул к стулу Матери – бесшумный, как закат. Его движения были плавными и текучими, словно вода, он взмахнул плащом, прежде чем сесть на место Друзиллы. Тошнотворное ощущение в животе Мии усилилось, когда незнакомец посмотрел прямо на нее. После того как он устроился и поднял бокал вина, заклятие абсолютной тишины, которое он будто бы наложил на зал, мгновенно разрушилось. Десницы кинулись сервировать еще одно место за столом, Духовенство медленно расселось, аколиты последовали их примеру. Снова начались разговоры – поначалу настороженные, но постепенно все расслабились, и зал наполнился оживленным гомоном.

Когда трапеза продолжилась, Мия стала рассматривать загадочного гостя, взглядом очерчивая линию его подбородка, шеи. Наверное, это все игра света, но его длинные, черные, как вороново крыло, волосы будто бы шевелились, а глаза мерцали сиянием, словно исходящим изнутри.

Мия оглянулась в поисках Наив, но женщина сидела слишком далеко, вместе с остальными Десницами.

– Эшлин, – наконец прошептала она. – *Кто* он?

Девушка уставилась на Мию. Осрик вздернул бровь.

– Зубы Пасти, Корвере, это же Кассий! Черный Принц. Лорд Клинков. Лидер конгрегации. На его счету больше трупов, чем в лиизианском некрополе.

– И чем он здесь занимается? Обучает аколитов?

– Нет, – Осрик покачал головой. – Мы понятия не имели, что он придет сегодня на ужин.

– Папа всегда говорил, что Кассий сюда почти не навещается, – добавила Эшлин. – Его визиты тщательно хранятся в секрете. Ни один последователь Церкви не знает, где будет Кассий, пока он там не появится. Говорят, он посещает гору только во время обрядов посвящения.

Осрик кивнул, окинув взглядом сидевших рядом учеников.

– Некоторые аколиты видят его всего раз в жизни. В ночь, когда он объявляет их полноправными Клинками. Если тебя изберут, Кассий помажет тебя, точно как Достопочтенная Мать сегодня во время сегодняшнего обряда. – Юноша кивнул на запекшуюся кровь на щеках Мии. – Только своей кровью. Кровью Лорда Клинков. Правой руки самой Матери.

Мия обнаружила, что не может оторвать взгляд от мужчины.

Эшлин сверкнула улыбкой с ямочками.

– Для лидера приверженцев культа убийц выглядит он довольно-таки неплохо, да?

Мия смахнула челку с глаз, ее сердце ушло в пятки. Эшлин не...

– Если будешь и дальше так на меня пялиться, *коффи*, – сказал кто-то басовитым голосом, – я вырежу эти симпатичные глазки.

Наступила внезапная тишина. Мия часто заморгала и повернулась обратно к столу. Увидела, что крупный двоемерец обращается к Трику, в его взгляде сквозит презрение.

Трик встал, сжав в руке нож.

– Как ты меня назвал, ублюдок?!

– Это я-то ублюдок? – двоемерец рассмеялся. – Меня зовут Водоклик, я третий сын Дождебега из клана Морепиков. А ты из какого клана, *коффи*? Отец хоть дал свое имя твоей матери, когда закончил вытирать ее вонь со своего члена?

Лицо Трика побледнело, челюсти сжались.

– Ты гребаный труп, – прошипел он.

Мия успокаивающе опустила руку на плечо друга, но Трик резко рванул вперед, протянув руки к шее Водоклика. Бугай тут же вскочил на ноги и полез через стол, спеша добраться до Трика, сбивая тарелки, бокалы, а заодно и Мию с Тишью. Мия, чертыхаясь, упала под звон посуды, удар ее плеча выбил весь воздух из бледного юноши, и тот забрызгал ее слюной.

Водоклик заключил недруга в медвежьи объятия, и они свалились на пол, круша керамическую и стеклянную утварь. Двоемерец был тяжелее Трика где-то на пятьдесят килограммов – его вполне можно было назвать самым сильным человеком в помещении. Он был даже крупнее, чем шахид песен, который обратил свой слепой взор на место схватки и проревел:

– МАЛЬЧИКИ, ПРЕКРАТИТЕ!

Те никого не слушали, а лишь размахивали руками, били друг друга и брызгали слюной. Трик хорошенько прошелся по лицу Водоклика, размазывая его губы по зубам. Но Мию поразило то, с какой легкостью большой двоемерец двигался, перевернув Трика на спину и нанося тому удар за ударом по ребрам и еще больше по челюсти. Аколиты окружили дерущихся, но помощь никто не предлагал. Мия слезла с Тиши и намерилась вмешаться, но тут шахид Солис поднялся, отодвинул свой стул и зашагал к месту схватки.

Хоть мужчина и казался абсолютно слепым, его движения были быстрыми и точными. Взяв Водоклика за плечо, он нанес ему удар в челюсть такой силы, будто орудовал молотом, а не кулаком, и двоемерец распластался на полу. Трик попытался подняться на ноги, но Солис пнул его ботинком в живот, и из юноши вышли весь воздух и боевой дух разом. Повернувшись к Водоклику, шахид наступил ему между ног, и двоемерец свернулся визжащим калачиком.

На то, чтобы усмирить обоих юношей, словно те были непослушными щенками, ушло всего несколько секунд, и все это время светлые незрячие глаза шахида смотрели в небо.

– Позор! – прорычал он, хватая стонущих аколитов за шкурки. – Если хотите драться, как питбули, то и ужинать будете снаружи, с остальными собаками.

Шахид песен потащил парочку к балкону. Схватив их за шеи, мужчина подтолкнул юношей к перилам; за ними зиял трехсотметровый обрыв. Оба задыхались и царапали руки шахида. В его слепых глазах не было жалости, юноши висели на волоске от смерти. Мия уже потянулась за кинжалом, когда голос подала Достопочтенная Мать:

– Хватит, Солис.

Мужчина склонил голову, обратил молочно-белые глаза в направлении ее голоса.

– Достопочтенная Мать, – произнес он.

Трик и второй двеймерец сползли на пол, шумно втягивая воздух. Мия и сама едва могла дышать. Она поискала взглядом лорда Кассия, но тот просто *исчез*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.